ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РЫЖАЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мария Обатнина

Мария Обатнина

Повороты судьбы. Часть 1. Рыжая

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Обатнина М. Ю.

Повороты судьбы. Часть 1. Рыжая / М. Ю. Обатнина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Разве могла предположить простая питерская домохозяйка, чем для неё обернётся обычная поездка в Калининград? О том, что на её долю выпало немало сюрреалистичных приключений, прежде чем она обретёт своё потерянное счастье? Ей придётся не только пережить смерть мужа, отыскать пропавшую дочь, но и выжить среди сборища религиозных фанатиков, лицом к лицу выдерживая натиск врагов, объявивших ей настоящую войну.Содержит нецензурную брань.

© Обатнина М. Ю., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

«Есть только один способ положить конец злу – делать добро злым людям».
(Л.Н.Толстой)
«Даже самые светлые в мире умы

Не смогли разогнать окружающей тьмы.

Рассказали нам несколько сказочек на ночь –

И отправились, мудрые, спать, как и мы».
(Омар Хайям)

Пролог

Отправляясь в дорогу, почти каждый человек испытывает приятные волнения, замешанные на неизъяснимой тяге к приключениям. В своём большинстве всех охватывает непреодолимое влечение к путешествиям примерно несколько раз в год. Конечно, кто-то скептически покачает головой и укажет на довольно таки весомый процент населения земного шара, ориентированный на то, что им хорошо в своём стационарном положении, но это будет лукавством чистой воды, ибо эти люди попросту боятся сорваться с насиженного места и удариться во все тяжкие путешествия. Всё же, большинству не чужды человеческие радости и вот уже куплены билеты, собран чемодан, и всех дорожных романтиков поглощает предвкушение каких-то невероятных событий, они ждут перемен, надеются на них и проецируют эти желаемые перемены

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РЫЖАЯ

Глава 1.

Дорожную сумку Марина набила до отказа всевозможными свитерами, её и Аниными тёплыми вещами, косметикой, и теперь, пыхтя как паровоз под приглушённое бормотание телевизора, силилась застегнуть «молнию», пританцовывая вокруг злополучной сумки. Телевизор раздражал своим монотонным звучанием, но выключить у неё не было сил и желания. Коварная сумка ни в какую не хотела превысить лимит вместимости, сопротивляясь излишнему грузу, в образе пухлого вязаного джемпера, который Марина пыталась впихнуть, ожесточённо дёргая за «молнию».

– Ай!

Она в сердцах пнула её ногой, схватилась за сломанный ноготь, плюхнулась на пол рядом с сумкой и принялась баюкать руку.

– Мариш, ты как на Северный полюс собираешься! – наконец-то поднял голову Антон, отрывая взгляд от экрана монитора.

– Даю голову на отсечение, что в Калининграде не такой уже лютый мороз, тем более, твой брат будет возить тебя на машине, и половину из того, что ты напихала, ты не оденешь!

– Иди ты, – Марина отмахнулась от него словно от назойливой мухи.

– Взял бы, да помог! Советчик!!

– С такими ногтями как у тебя, Мариш, тебе только огурцы из банки выуживать! – сострил Антон, вновь погружаясь в свой компьютерный мир.

– Ха-ха-ха! – иронично, не размыкая губ, хохотнула девушка, перестав раскачивать руку с обломанным ногтем.

Муж давно перестал казаться ей самым лучшим человеком на земле. Охлаждение назревало постепенно: сначала виной был его скоротечный роман с его сотрудницей, белокурой Ниночкой, потом полное погружение в работу, поглотившую его целиком и полностью, не оставив Марине даже лёгкого храпа по ночам. Антон занимался разработкой новых компьютерных игр и проводил за компьютером чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, нередко засыпая перед мерцающим экраном монитора. Разумеется, это давало его семье стабильный доход и возможность ни в чём себе не отказывать, но молодой, неудовлетворённой женщине нужен был муж, который будет гулять с ней в выходные дни, помогать по хозяйству и воспитывать ребёнка. Антон же и думать забыл о том, как выглядит его трёхлетняя дочь Анечка, не говоря уже о том, что бы составить жене компанию воскресными прогулками по лесопарку.

– Такси вызови! – приказным тоном велела Марина, в сердцах вскакивая с пола и направляясь к трюмо.

– Угу, – отвлечённо буркнул Антон. Марина, гремя ящиком, вытащила маникюрный набор, и стала одной рукой подпиливать деформированный ноготь, а второй набирать номер заказа такси.

– Через полчаса на Северный проспект, да, дом 63 корпус четыре, Московский вокзал! Телефон? – она продиктовала номер своего сотового – Жду!

Марина швырнула трубку на диван и сама развалилась на нём, выпустив пар через сложенные трубочкой губы. Чёрт с ним, с мужем! Пусть сидит себе, уткнувшись носом в компьютер, завтра утром она будет в Москве, где проведёт два дня со своей сестрой, а потом они обе уедут в Калининград, и целый месяц она будет свободная как ветер.

– Мамочка, мы скоро поедем? – раздался тоненький голосок её дочери. Марина, распахнув глаза, вскочила с дивана и, подхватив Анечку на руки, закружилась вместе с ней по комнате, а та принялась визжать и хихикать, выронив плюшевого мишку. Аня была её стопроцентной копией: такие же шелковистые рыжие волосы, тот же мягкий овал лица, та же трогательная ямочка на подбородке, разве что глаза, карие, миндалевидные, были отцовские. Марина любила дочь до беспамятства и та платила ей той же монетой, предпочитая общество матери, нежели замкнутого и вечно занятого отца.

– Мариш!!! – укоризненно протянул Антон, досадливо морщась. Марина, подхватив свободной рукой медведя, и, не проронив ни слова, направилась на кухню, где, усадив дочку за маленький детский столик, купленный специально для Анечки, поставила перед ней чашку молока и вазу с печеньем.

– Мама, – Аня поглощала пищу торопливо, закидав крошками весь стол, вертелась и нетерпеливо подпрыгивала на стуле, разлив молоко.

– Расскажи сказку про молочные берега… – хихикнула она с набитым ртом, шлёпая пальчиком по луже на скатерти.

– В поезде расскажу, принцесса! – Марина поцеловала дочь в мокрую от молока щёку, вытирая салфеткой её выпачканную мордашку.

– Я ещё не доела! – Анечка схватила из вазочки овсяное печенье, опрокидывая кружку с недопитым молоком, но Марина, понимая, что с минуту на минуту приедет такси, отнесла девочку в коридор и усадила её на пуфик, поправив сбившийся на бок бант.

– Пи-пи на дорожку хочешь?

– Нет.. – прочавкала Аня, дёргая Марину за пуговицу.

– Я спать хочу! – заявила она всему миру, взяв в толк, что мать торопится и что настал черёд для капризов и вывертов.

– Мариш, опоздаете!!! – предусмотрительно раздался из комнаты мягкий баритон мужа, и тут Марина вспылила, что никогда не позволяла себе в присутствии малышки.

– Антон, чёрт возьми, одень ребёнка! – рявкнула она громовым голосом, отвечая на зазвонивший мобильник.

– Не кричи на меня! – невозмутимым тоном ответствовал вечно занятый и флегматичный супруг.

Марину всегда поражало его олимпийское спокойствие в любых, даже самых конфликтных ситуациях, а также раздражала её собственная неспособность раздуть из мухи слона и организовать небольшой семейный скандальчик.

– Не умеешь ты, Мариш, время распределять! – выдал он, и это была самая длинная фраза, коей Антон разродился за последние три дня. Марина понимала, что, не смотря на фасад отстранённой отчуждённости, муж переживает предстоящую разлуку и по-своему уже скучает по жене и дочери, поэтому она промолчала, краем глаза наблюдая, как тот вытащил из комнаты сумку и маленький рюкзак дочери.

– Документы проверила?

– Да!

Марина слегка нервничала, застёгивая на Ане ботинки, надевая тёплую кофточку и завязывая ушанку из белой норки. Она и сама не понимала, отчего её вдруг охватила лёгкая хандра, хотя, она никогда не была подвержена депрессиям или перепадам настроения, но именно в эту самую минуту, ей вдруг остро и нестерпимо захотелось отменить поездку. Какое-то нехорошее предчувствие закралось ей в душу, а кто-то тихо, но внятно произнёс: «ОСТАВАЙСЯ ДОМА!».

– Такси уже приехало!! – Антон помог жене облачить Анечку в шубку и, смачно поцеловав девочку, отступил на шаг назад.

– Мариш,– сказал он и осёкся, не сумев подобрать нужные слова. Сердце было охвачено неизъяснимой грустью прощания, а вид запакованной в белые меха Анечки вызвал щемящую ностальгическую нежность.

– Ну, Тошка, мы поехали!

– Мариш, мне кровь из носу нужно сдать заказ!! Я не могу проводить Вас на вокзал! – извинился он внезапно севшим надломленным голосом, помогая донести сумку до лифта.

– Пустяки! – Марина беспечно улыбнулась, отчего на щеках у неё образовались ямочки, которые так любил Антон.

– Завтра мы будем в Москве, и Катя встретит нас на вокзале!! Мы позвоним тебе! Провожать не надо! Мы сами! Иди, работай!!

– Папулечка! – пискнула Аня, роняя мишку, которого она вертела в руках весь процесс одевания и когда Антон нагнулся, что бы поцеловать её, то обслюнявила его небритую щёку.

– Пока-пока! – Марина скользнула летящим поцелуем по губам Антона. Держа в одной руке дочь, за спиной которой висел рюкзачок, а в другой дорожную сумку, исчезла в недрах лифта, а Антон, закрыв за ними дверь, грустно улыбаясь, поднял с пола медведя и прошёл на кухню, усевшись прямо на детский стол в молочную лужу. Тихо тикали настенные часы, отбивая мерный такт его одиночества. Он рассеянно взял со стола печенье и сжевал его, не чувствуя вкуса. Они никогда не расставались больше чем на два дня, и теперь Антон пожалел о том, что не плюнул на всё и не поехал вместе с ними.

Просидев минут десять в гробовом молчании, поедая печенье, он очнулся, хлопнул себя ладонями по ляжкам и громко заявил сам себе: «Надо работать!»

Он и предположить не мог, что видел свою семью в последний раз…

***

Мэрилу не помнила, сколько пролежала без сознания на голой промозглой земле, съёжившись в маленький беззащитный комочек. С темнотой пришёл холод: ледяной, пронизыва-

ющий до мозга костей, проникающий под тонкую полупрозрачную ткань рубашки, и девушка, наконец-то очнувшись, знобко поёживаясь и постанывая от боли, кое-как приподнялась на локтях, прищуренным взором осмотревшись по сторонам. Кругом были пески. Бескрайняя ночная пустыня безбрежным океаном простиралась в своей бесконечности, и Мэрилу, нагнувшись, зачерпнула полную пригоршню песка, дрожа от ночного холода.

– Миссия выполнима, – прошептала девушка, просеивая песок сквозь тонкие длинные пальцы, и чутко прислушиваясь к окружавшим её ночным звукам. Ветер, сильный и порывистый, трепал её длинные шелковистые рыжие волосы, шевелил песчаные россыпи под ногами, играя волной и расчёсывая их словно гигантским гребнем, где-то вдалеке послышался заунывный верблюжий крик. Мэрилу не представляла, в какую именно сторону ей надлежит идти, но она привыкла во всём полагаться на свою собственную интуицию и без труда расшифровывала знаки судьбы. Вот и сейчас, передёрнув озябшими плечами, она, полная решимости и уверенности, без малейшей тени сомнения в правильности выбора пути, сделала первый шаг, и её босая нога ступила на мягкий жёлтый песочный холмик, ощущая его бархатистый прохладный шёлк.

Холод концентрировал её мысли, придавая им стройность и логичность течения, и Мэрилу вспомнила последние напутствия Гирманчи.

«Воин света призван помешать тебе, девочка, – голос старика был надтреснутым и сухим, а взгляд горящих глаз напоминал хорошо отточенную дамасскую сталь, – из Вас двоих должен остаться кто-то один! Каждый из Вас будет стоять на своём, прислужники света будут стремиться помешать тебе, но ты не сойдёшь с пути, Мэрилу! Сила, заключенная в тебе, поставит завершающую точку, а наша армия будет незримо сопровождать тебя! – при этих словах Гирманчи повелительно скомандовал властным голосом:

«Протяни мне свои руки!!! Я передам тебе часть своих знаний»

Мэрилу вздрогнула, и ей как сейчас почувствовался жар его ладоней и проникновение через шершавые подушечки пальцев старика тончайшие энергетические нити, которые теперь жарко пульсировали на кончиках её пальцев непрерывными очагами тепла.

Она шла, загребая прохладный песок ногами, двигаясь к намеченной цели, а перед глазами проплывали видения из её далёкого, но не забытого с течением времени, прошлого.

Вот она, рыжеволосая, с бездонными искрящимися светом глазами качается на качелях, а её мать, белокожая, изящная, будто фарфоровая статуэтка, раскачивает качели с Мэрилу и она заливисто хохочет серебристым детским смехом. Пожалуй, это единственный эпизод, который хранило её подсознание в память о матери. Иногда, просыпаясь среди ночи в холодном поту от кошмарных сновидений, она снова и снова переживала тот ад.

Он появился во дворе в белой сутане. Длинные седые волосы свисали по плечам незнакомца. Не проронив ни слова, пришелец остановился на расстоянии двух метров напротив качелей и тяжелым пронзительным взглядом уставился на улыбающуюся мать Мэрилу. Та перестала раскачивать качели и встревоженно прищурилась, закрывая ладонью глаза от слепящего солнца, разглядывая таинственного незнакомца. Огромных размеров ворон с проседью в черном оперении, громко хлопая крыльями, материализовался из воздуха и, опустившись на плечо к старику, замкнул треугольник, уставившись недобрым взглядом на удивленную молодую женщину.

Внезапно ворон с противным карканьем бросился на мать Мэрилу, вцепляясь острыми когтями в лицо насмерть перепуганной женщине. Она яростно отбивалась, в ужасе пытаясь отбросить от себя взбесившуюся птицу, но осатаневший ворон драл когтями щеки, терзал клювом лоб, нацеливаясь добраться до глаз своей жертвы. События двадцатилетней давности в ночных видениях еще не раз пугали кошмарами маленькую Мэрилу, просыпающуюся в холодном поту. Раз за разом она переживала весь тот ужас, когда её мать, красавица с сияющим морем ласковых глаз, окровавленной изломанной куклой лежит на залитом кровью песке, а она сама, маленькая и беззащитная, шёпотом бормочет, раскачиваясь стоя на коленях как китайский болванчик, глядя в застывшее лицо мертвой матери: «Мамочка, мамочка…».

Когда Мэрилу подросла, отец ей сказал, что её мать убил один из воинов света за то, что она причислена к их клану, но порой Мэрилу сама не знала, кому верить, безутешному горю отца, или обрывочным, но ярким воспоминаниям.

Мэрилу вздрогнула и чутко прислушалась, мгновенно подобравшись, концентрируя силы для отражения возможной атаки. Всё было по-прежнему: тот же холодящий песок под подошвой её ног, те же завывания ветра…

Удар, резкий и болезненный, сокрушительной силы, сбил её с ног, но, падая, Мэрилу привычно сгруппировалась и, перекатившись на спину, пружинисто вскочила, зорко всматриваясь в темноту и выбрасывая вперёд белый светящийся шар. Судя по всему, шар достиг цели. Воздух вокруг неё завибрировал, образовывая широкую и шипящую воронку, поглотившую шар, сделав на миг края этой самой воронки видимыми, но через секунду яркий луч огненного кинжала, вспыхнувший из неё, как бритвой полоснул девушку по руке, причиняя жуткую боль. Загасив очаг саднящего ожога усилием воли, Мэрилу выставила защитный блок и, мягко приседая, стала обходить воронку, беззвучно шепча заклинания. Кинжал, секунду другую озарявший своим свечением пустынный полумрак, с тем же шипением исчез, а края ощутимо сомкнулись, будто их и не было, обдав девушку волной обжигающего белого света.

– Князь Тьмы, спаси и защити.. –прошептала Мэрилу, инстинктивно осеняя себя обратным крёстным знамением, всё ещё находясь в боевой стойке, готовая в любую минуту отразить новый атакующий удар…

***

– Но войдите в моё положение! – Марина взволнованно перекинула дамскую сумку на другое плечо, покрепче сжав руку Анечки, с любопытством наблюдавшей за разговором взрослых. Её маленькое круглое личико с ямочкой на подбородке в обрамлении пушистого меха шапки было прелестным, а невинный взгляд и бездонные сияющие глаза делали её похожей на крошечную принцессу из волшебных детских сказок. Она доверчиво таращилась на проводницу, но та была неприступна как гора Эвереста.

– Поезд отходит через десять минут! – голос Марины завибрировал паническими нотками и Аня, которой передалось волнение матери, испуганно заморгала, хлопая ресницами.

– Поймите, девушка, без билета я не смогу посадить Вас на поезд! Любая проверка и меня оштрафуют! В моём вагоне нет свободных мест! – проводница категорически отказываясь пропускать Марину.

– Купите новый билет в кассах и без проблем уедете следующим поездом! – в строгих глазах неулыбчивой женщины в униформе не было и малейшего намёка на сочувствие.

– Ма-ам! – Аня нетерпеливо дёрнула мать за руку, усевшись на дорожную сумку, капризно нахмурив лобик. – Поехали!

– Да поймите же Вы, у меня ребёнок! – в сердцах вскричала Марина, и её крик привлёк внимание импозантного мужчины с абсолютно седыми бакенбардами, подошедшего к дверям

вагона. Одетый старомодно, но очень дорого, обладатель седых бакенбард, скользнув по молодой женщине пристальным, продирающим до печёнок взглядом, и, встретившись с её смятённым тревожным взором, веско произнёс низким, властным голосом:

– Полагаю, это вопрос решаем! – он перевёл прицельный огонь своих глаз на проводницу и та, не в силах сморгнуть, напряглась, а на лбу выступила крохотная капелька пота. Рука мужчины, затянутая в чёрную перчатку, вытащила портмоне и изъяла оттуда купюру, достоинством в пять тысяч рублей.

– К чему мне, старику, целое СВ? Я буду лишь рад компании двух прелестных женщин!

Марина растерянно смотрела, как пальцы вдруг ставшей сговорчивой проводницы ловко спрятали в карман форменного пальто купюру, и совсем уже обескуражено повернула своё бледное лицо к заступнику.

– Право слово, я…

– Ну вот и славно! – господин, чей багаж составляла лишь барсетка из дорогой кожи чёрного цвета, одной рукой подхватил Анечку, а другой взял Маринину сумку и без дальнейших объяснений и прочего церемониала, вошёл внутрь вагона, уверенный, что мать и дочь последуют за ним без промедления.

– Я даже не знаю как Вас благодарить, -дыхание Марины было сбивчивым и стеснённым, когда она, ощущая неловкость сложившейся ситуации, вошла в СВ, выкупленное этим серьёзным владельцем заводов, судов и пароходов, а судя по тому, что он выкупил его целиком, было ясно, что он далеко не бедствует.

– Благодарить меня не стоит, – философски изрёк носитель бакенбард, закидывая сумку Марины на нижнюю полку и помогая ей раздеться.

– Всё в этом мире лишь череда случайных закономерностей и закономерных случайностей!

– Да уж…– Марина уселась на кровать, усаживая дочь рядом с собой. Обычно осторожная, мало контактная, она чувствовала странное доверие к нежданному попутчику, и, машинально принимаясь раздевать Анечку, сказала, улыбаясь спасителю.

– Вы знаете, муж ведь спросил: взяла ли я билет!!! Вот я растяпа! Но у нас, правда, был билет! В этот же вагон! Нет-нет, разумеется, трагедии бы не было, выкупила бы новые, уехала на другом поезде, но…

– Я знаю! – остановил её нежданный попутчик, изучающим взглядом рассматривая Марину, повесив бобровую шапку на крючок.

– К чему формальности? Я поступил, как и любой другой мужчина, окажись он на моём месте и вовсе не нужно меня благодарить! – он предупредительно махнул рукой.

– Не скажите, – Марина кокетливо улыбнулась, – эпоха рыцарей была несколько веков тому назад! Мужчина нынче измельчал! А я Вас так стеснила, да еще и с ребенком!

– Я бы на Вашем месте не торопился с выводами!! Но всё это сущий пустяк! Полки тут как видите гораздо шире, нежели в обычном купе, вы с малышкой поместитесь на одной, а я на другой! И кстати…Меня зовут Константин Генрихович, можно просто Константин!

– Марина, а это моя дочь Анна! – она повесила шубку девочки на вешалку и поправила свои взлохмаченные волосы, прихваченные инеем после мороза: головные уборы она не признавала и в любую погоду ходила с непокрытой головой. Рыжее облако волос вспыхнуло огненным пламенем. Анечка, заворожено рассматривающая Константина, вдруг вскочила с места, и, ловко вскарабкавшись на соседнюю полку, дёрнула его за бакенбарду:

– Приклеили? – с подозрением вопросила она, на что тот громогласно расхохотался, усадив её к себе на колени.

–У Вас ус отклеился!! – схохмила Марина, что бы скрасить неловкость за выходку дочери. Константин иронично рассмеялся, щёлкнув Аню по носу, а у Марины на душе внезапно образовалась гнетущая пустота. На первый взгляд всё было хорошо, ситуация разреши-

лась самым что ни на есть благоприятным образом, осталось лишь позвонить Антону и доложить ему о том, что они добрались до вокзала, но предчувствие чего-то непоправимого острым шипом кольнуло её в сердце, а затем снова и ещё раз. Тряхнув головой, она натянуто улыбнулась Константину Генриховичу, и задумчиво уставилась в окно, не заметив, как по его лицу скользнула какая-то странная тень …

Поезд тронулся точно по расписанию. Проводница появилась в СВ у них лишь раз, проверив билет у Константина, а заодно принесла чай. Они весело переговаривались всю дорогу, смеялись и шутили. Константин Генрихович учил Анечку считать по-испански до пяти, рисовал вместе с ней в альбоме забавных и упитанных верблюдов, отвёл их в вагон-ресторан, накормил ужином, а после почитал вслух сказку про Красную Шапочку. Марина смотрела в окно, слушала приятный баритон нового знакомого, но сердце продолжало щемить от нехорошего предчувствия. Она рассеянным взглядом наблюдала за мелькающими заснеженными пейзажами за окном, старательно отгоняла от себя тревожные мысли и заедала их горьким пористым шоколадом. Она ощущала пустоту на сердце. Ей казалось, что она больше никогда не увидит ни этот пушистый белый снег, укутавший зелёные ели, ни свою маленькую дочку, ни Антона. Анализируя своё состояние души, Марина цеплялась за малейшую зацепку, будь то плохой сон или вчерашняя ссора с Антоном, повлекшие за собой это дурное предчувствие, но отделаться от негативных мыслей ей было не под силу…

Ночью Марина проснулась, будто от толчка. Резко поднявшись, она надела приготовленные на ночь тапки, прислушиваясь к дыханию спящей дочери. Константина Генриховича на месте не оказалось. Бросив беглый взгляд на часы, Марина накинула халат и осторожно отворила дверь. Было два часа, глухая ночь. Сердце застучало часто-часто, в горле пересохло, а уши, словно ватой заложило. В коридоре было пусто и лишь со стороны туалета, ближе к тамбуру, скорее нутром, неким шестым чувством Марина уловила отдалённые звуки борьбы. Всегда осторожная, перестраховщица и трусиха, она, движимая каким-то доселе невиданным инстинктом, стараясь ступать как можно тише, прокралась к тамбуру, опасливо заглянув в туалет, где не было ни единой живой души, и приоткрыла дверь. В узком проёме «предбанника» неясно прослеживались две фигуры, одна из которых очертаниями напоминала недавнего Марининого знакомого. Глаза нестерпимо защипало от клубившегося дыма, в лицо пахнуло резким запахом палёной шерсти с примесью пряного сена, а ноги внезапно стали слабыми и непослушными. Она хотела уйти не замеченной, но клубы дыма рассеялись, и Мэрилу увидела Константина Генриховича, бледного, с прилипшей ко лбу прядью волос, держащего на вытянутой руке длинный, светящийся ярим светом, меч. Этим самым этим самым мечом Констанс пригвождал к месту сухопарого, изможденного, но ожесточённо сверкающего глазами седовласого старца, чьи взлохмаченные совершенно белые волосы, будто нимб светились над его головой. Ойкнув, Марина попробовала сделать шаг назад, но словно окаменела, не в силах сдвинуться с места, расширенными от страха глазами наблюдая за разворачивающимися на её глазах событиями. Всё это напоминало ей третьеразрядный фантастический боевик, но реалистичность происходящего возвращала её с мнимого киносеанса на грешную землю. У неё в голове мелькнула довольно здравая мысль о том, что до сих пор на шум в тамбур не прибежала ни проводница, что было бы логично в данной ситуации, ни наряд милиции, который всегда сопровождает состав поезда. На миг Марине даже почудилось, что они находятся в каком-то ином измерении, настолько нереальным ей показалось всё то, что разворачивалось перед её глазами.

– О, Господи… – костенеющим языком пролепетала Марина, обретая дар речи, не в силах отвести взгляда от своего знакомого, который, словно не замечал её появления.

– Ты проиграешь эту битву, Гирманчи!! – взревел Константин Генрихович, – Силы света не дадут тебе довершить начатое! – голос его был исполнен величия и силы, звучал властно

и непримиримо, но старец, покачав лохматой головой, лишь демонически рассмеялся ему в лицо низким хрипловатым смехом.

–Ты намереваешься победить меня своей жалкой шпажонкой? – он иронично ухмыльнулся: в глубине глаз светилось глубоко запрятанное торжество. – Ты, ничтожный приспешник Бога? Ещё два столетия назад вы изначально проиграли нашу битву! Ты посмотри, что стало с миром? Он погряз в разврате, люди алкают, прелюбодействуют, брат убивает брата, и ты мне говоришь о нашем поражении? Хаос и анархия восторжествуют, и воцарится всемирный Армагеддон!!! Вы всегда стояли у нас на пути, а ты для меня давно как кость в горле и видит Сатана, как я мечтал свести с тобой счёты! И теперь такой случай представился!!! Ха-ха-ха, – раскатисто прогремел он, и внезапно выбросив руку вперёд, кинул в своего противника ослепительный огненный шар. Марина взвизгнула и, дёрнувшись назад, больно ударилась головой о дверной косяк. Константин Генрихович, взмахнул свободной рукой, выставил ладонью преграду и шар, не долетев до цели, завис сияющим вибрирующим диском, ослепляя Марину ярким светом. Сзади послышалось шлёпанье босых ног, и звенящую напряжённую тишину прорезал тоненький испуганный голос Анечки:

– МАМА!

Девочка, проснувшись среди ночи, испугалась отсутствием матери, отправилась на ее поиски и теперь, заинтересованная ярким слепящим светом, шагнула вперёд, оказываясь в самом эпицентре свечения.

– Нет! – закричал Константин Генрихович, но было уже поздно.

– МЭРИЛУ, ПОРА!! – воззвал старец громовым голосом, и, торжествующе крикнув «Иллаванэ!», перехватил рукой шар и изо всех сил метнул его в Константина Генриховича.

Шар, издавая шипящие звуки, вибрируя в воздухе, полетел прямо в намеченную цель. Теряя над собой контроль от обуявшего ее ужаса, Марина, схватила дочь за отворот пижамы, и отбросила на безопасное расстояние. Девочка, ударившись головой о выступ, потеряла сознание. Константин Генрихович, прокричав что-то невразумительное, бросился на защиту Марины, закрывая её своим телом. Шар, огненный и ослепляющий, ударил в него, опаляя края его одежды. Ткань занялась весело, как бы играючи. Вспыхнув, словно живой факел, Константин попытался отпихнуть Марину прочь, но было уже поздно: живо и задорно воспламенились алеющие медным цветом волосы Марины, заполыхал подол её халата.

В голове у Марины всё поплыло, сердце застучало, в голове заклубился туман. Воздух в тамбуре зыбкий, дрожащий, расплывающийся и ускользающий, и через перехлёст двух сияний света, лунного и солнечного, она увидела казавшимся бесконечным тоннель белого цвета, а вдалеке какой-то оазис, мираж, напоминающий жаркую засушливую пустыню. Разум помутился, сознание покинуло её и она, проваливаясь в забытьё, уже не видела обугленная рука Константина Генриховича, с зажатым в ней мечом, разрубив пополам светящийся шар, воткнула острую дамасскую сталь в сердце седовласого старца…

Всё произошло в тысячную долю секунды: старик, пронзённый мечом, упал на четвереньки, заливая пол тамбура горячей бордовой кровью. Огонь, пробуя на ощупь новую жертву, лизнул его, и последнее, что успел увидеть в своей жизни умирающий сквозь белую дымчатую пелену – это тоненькую женскую фигуру, появившуюся в тамбуре, рыжими волосами напоминая Марину. Спустя мгновенье, он испустил дух, и глаза его уже не видели, как и Марина и Константин Генрихович, объятый бушующим пламенем, растворились в небытие, оставив после себя лишь небольшую горстку пепла…

***

Начиная с пятилетнего возраста Совет Тёмных Сил готовил Мэрилу к тому, что её миссия особенная, судьбоносная, и, привыкшая с младых лет ощущать на себе силу собственной

будущей значимости, девушка каждый прожитый день настраивала себя на то, что день завтрашний может стать для неё последним. Лишённая материнской любви, живая сирота при вечно занятом отце, служившем тёмным силам, воспитанница Гирманчи, взявшего на себя опёку над девочкой в периоды долгих отлучек её отца, Мэрилу росла в спартанской обстановке, атмосфере полного послушания и подчинения.

«На роду тебе написано, Мэрилу, сыграть решающую роль в исходе битвы Сил Света и Сил Тьмы!» – частенько говорил ей Гирманчи. Она уже свыклась с мыслью о том, что её судьба будет кардинально отличаться от судеб её сверстниц, которые будут с годами превращаться в пленительных молодых красавиц, выходить замуж и дарить жизнь своим детям, являющимся залогом их семейного счастья. Как воин Мэрилу подавала блестящие надежды. Безупречный боец, она выполняла задания любой сложности, взвалив на свои хрупкие плечи ответственность перед Советом, и теперь, очнувшись от секундного забытья, она, пружинисто вскочив на ноги, быстро огляделась по сторонам, зорко озираясь по сторонам. Помещение, в котором она оказалась, странно покачивалось и Мэрилу, не удержавшись, ухватилась рукой за стену. Откуда-то извне доносился мерный перестук, словно огромные железные колёса с невероятной скоростью катились по гладкой и ровной поверхности, этот звук был ритмичный и монотонный, совсем непривычный уху.

Нахмурившись, она усилила защитный блок, сердцем чувствуя, что вот-вот случится что-то непоправимое, если уже не случилось и, увидев лежащего в луже крови сильно обгоревшего наставника, а неподалёку маленькую девочку в каком-то странном одеянии, отшатнулась, больно прикусив нижнюю губу.

– Учитель! – она упала перед ним на колени, содрогаясь от ужаса, прямо на залитый кровью пол, и, проверив пульс, приложила ухо к сердцу. Ошибки быть не могло – Гирманчи был мёртв, а его лицо, обезображенное огнём, выглядело настолько отталкивающим, что Мэрилу невольно отшатнулась, осеняя себя обратным крестным знамение. Прикрыв рукой глаза старика, она, крепко зажмурилась, пытаясь прогнать наваждение, но когда разлепила ресницы, то поняла, что всё осталось неизменным – пьянящий запах свежей крови, гари, смерти и безысходности, а ещё осознала, что всё то, что сейчас с ней происходит, ей или попросту снится или же она сошла с ума.

«Учитель, я отомщу за тебя!!! – одинокая, робкая слезинка капнула на сухонькую старческую руку Гирманчи.

– Ты вёл меня к победе, воспитывал в духе воина, я отомщу тому, кто лишил тебя жизни!!! – Мэрилу с ненавистью посмотрела на лежащее тело девочки. Нутром она понимала, что этот мёртвый ребёнок, так или иначе причастен к смерти наставника, и, она, выпустив руку старика, на коленях подползла к девочке и всмотрелась в её бледное личико. Мэрилу знала, что с минуту на минуту её могут обнаружить здесь, но инстинкт воина не позволил ей уйти, не удостоверившись в констатации самого факта смерти девочки. Весь облик ребёнка, чем-то неуловимо похож на саму Мэрилу, глаза были закрыты, и она, бесцеремонно оттянув ей веки, уловила едва заметное движение глазного яблока.

– Живая!

Она нагнулась над малышкой, силой разомкнула ей посиневшие губы и вдохнула воздух в лёгкие. С пятой попытки девочка вдруг закашлялась, поперхнувшись, пустив носом пузырь, и, завозившись на полу, заплакала, цепляясь за просторную сутану Мэрилу.

– Мамочка!!! – запищала она, прижимаясь к ней всем тельцем и Мэрилу ничего не оставалось, как прижать ребёнка к себе, отстранённо глядя поверх её рыжеволосой головки суровым взглядом опытного воина.

«Случилось то, о чём было предначертано! Теперь всё зависит только от меня! Помощи ждать не откуда. Учитель мёртв. Они убили его. Судя по всему, эта девочка приняла меня за свою мать! Я должна выяснить, что здесь не так! Довершить свою миссию и вернуться

домой!» – думала про себя Мэрилу. Стоя на коленях на полу холодного тамбура, она механически прижимала к себе девочку, машинально гладя её по волосам. Мозг девушки тщетно пытался разобраться в происходящем и сделать соответствующие выводы.

«Ясно одно – я нахожусь в другом измерении, в другом временном пространстве! То, что я здесь не случайность! Нельзя исключать возможность того, что обратного пути нет. Примерно так же говорил мне Учитель! Гирманчи оказался рядом с этим ребёнком, следовательно, между ними есть какая-то связь, зацепка!! Всё, что я могу на данный момент, это разведать обстановку! Попытаться разгадать хотя бы одно составляющее, а именно, куда делать её мать, и какая связь между наставником и девочкой! Но для начала лучше всего немедленно покинуть это место, пока не начались глобальные проблемы! Нужно сопоставить, как всё было! Вначале был разговор с Учителем, перемещение в квадрат, откуда должна была произойти телепортация, потом чьё-то вмешательство, ведь я подверглась нападению, но атаку благополучно отбила! Выходит, кто-то изо всех сил старался помешать броску во времени!? Но кто? Воины сил света? Очень на них похоже!!»

Мэрилу решительно нахмурилась, рывком поднимаясь с пола, держа на руках малышку, и нахмуренным взглядом обвела тамбур. Увидев дверь, ведущую в вагон, она распахнула её и, вслушиваясь в свою собственную интуицию, на которую всегда привыкла полагаться, сделала шаг вперёд. Место, где она оказалась, напоминало собой длинный узкий пенал с множеством дверей по одной стороне и окон на другой. Сделав несколько шагов, пытаясь понять за какой из дверей скрывается ключик к разгадке, она заметила, что одна из них приоткрыта и, добежав до неё, заглянула внутрь. Внутри не было ни единой живой души, и лишь расстеленные кровати красноречиво говорили о том, что в этой комнате совсем недавно спали люди. Повинуясь внутреннему чутью, Мэрилу, опустила девочку на пол и та, запрыгнув на одну из постелей, перестав плакать, с надеждой воззрилась на неё, обхватив руками золотоволосую головку:

– Мамочка, больно очень!!! – протянула она, трогательно улыбаясь и, впервые за долгие годы ученичества, у Мэрилу защемило сердце. Девочка казалась такой беззащитной, что она невольно вспомнила те самые качели и свою мать, облик которой с годами не утратил свою яркость. Укорив себя за минутную слабость, она, прикрыв дверь, обессилено села на соседнюю кровать и не мигая, уставилась на малышку.

Невооруженным взглядом было видно, что между ней и ребёнком есть сходство – тот же пухлый чувственный рот, тот же овал лица, тот же бездонный разрез сияющих глаз, рыжие вьющиеся волосы… Девочка доверчиво смотрела на Мэрилу и, по всей вероятности, ждала от неё ласки, требуя защиты, но дело было превыше всего.

«Она думает, что я её мать! Что ж, мне это на руку. Если между её пропавшей матерью и мной такое сходство, значит, возможно, именно в этом и кроется одно из составляющих загадки!»

– Малышка, потерпи! Мама сейчас очень занята!» – как можно ласковее сказала Мэрилу, выбрав из своего арсенала самую тёплую улыбку. Увидев на столике между кроватями дамский редикюль, она начала копаться в нём, лихорадочно перебирая лежащие там непонятные предметы. Из знакомых ей она обнаружила лишь зеркало, и, продолжив свой досмотр под внимательным взглядом девочки, она нашла маленькую книжечку в кожаном переплёте, на котором латинскими буквами было написано «PASSPORT». Развернув её, Мэрилу остолбенела: с небольшой фотографии на неё смотрела она сама.

«Это же я!!!» – Мэрилу в каком-то оцепенении смотрела на своё собственное изображение, пытаясь привести в порядок хаотично бегающие мысли. В том, что это была она, не было никакого сомнения. Рыжая провела пальцем по гладкой глянцевой фотографии: ей никогда раньше не доводилось видеть фотографический снимок, но она сразу поняла, что это ничто иное, как ее собственное отображение. От книжицы исходил запах очень важного документа. Судя по всему, это было сродни удостоверению личности, раз мать этой крошки носила его

всегда с собой. Мэрилу, стала листать этот загадочный паспорт, надеясь разгадать тайну имени матери и ребёнка.

«Самойлова Марина Игоревна» – гласила надпись под изображением. Перевернув страницу, бросив внимательный беглый взгляд на девочку, во все глаза таращившуюся на неё, Мэрилу прочла дату рождения этой Марины Игоревны, исчезнувшей самым, что ни на есть загадочным образом, и волосы зашевелились у нее на голове в самом прямом смысле: седьмого августа 1977 года. Это был день её рождения.

– Князь тьмы, во имя тёмных сил! – Мэрилу мысленно осенила себя обратным крестом, инстинктивно опасаясь делать это в открытую. Девочка наблюдала за ней с широко распахнутыми глазами, не сводя с неё немигающих блестящих глаз. На её пухленьком фарфоровом личике не было и тени сомнения. Ребёнок видел в ней собственную мать, и это пугало Мэрилу, и одновременно обнадёживало. То, что она оказалась здесь не случайно, было яснее ясного. Гирманчи говорил ей о предначертанной миссии, поэтому Мэрилу не составило труда догадаться, что телепортация прошла успешно и что именно в нём она и оказалась волею судьбы. Мэрилу тяжело вздохнула и, взъерошив свои длинные спутанные волосы, уставилась в маленькое окошко, завешанное плотной занавеской.

«Надо составить план дальнейших действий!»

Рыжая отодвинула занавески и рассеянно стала следить за проносящимися мимо пейзажами. Всё вокруг было белым-бело, словно по всей поверхности земли кто-то рассыпал густым слоем муку, усыпав ею все: леса, поля, верхушки деревьев, кустарники. Ей захотелось выскочить из этой кибитки, мчащейся на огромной скорости в неизвестном направлении, и оказаться на улице, что бы лизнуть этот белый порошок, познав незнакомый вкус, подержать в ладонях, попробовать дунуть на него и подбросить в воздух. Мэрилу внимательно осмотрела окно и, заметив защёлку, попыталась надавить на него, пробуя отодвинуть его вверх или вниз. Со второй попытки ей это удалось и свежий морозный ветер ворвался в СВ, обдавая девушку ледяным дыханием, морозя щёки, нос и уши.

– Мамочка! – пискнула девочка, недоумённо таращась на неё. – Почему ты так странно одета? Ты же была в халате?

Мэрилу нахмурилась: на ней была просторная телесного цвета туника-сутана, подпоясанная крученым кушаком, и этот наряд шел в разрез с повседневной одеждой, которую носили в этом мире. Туника, слегка запыленная, с прицепившимся репейником к рукаву, могла испортить все дело, внося диссонанс в привычный мир одежды девочки, и Мэрилу постаралась улыбнуться как можно ослепительнее.

– Малышка, я уже переоделась, пока ты спала!

– А я спала? – голубые глаза доверчиво воззрились на Мэрилу.

– Головка закружилась у тебя, и ты заснула, радость моя! – она обняла девочку, вспомнив свое детство, когда ее мать точно так же что-то говорила ей ласковым голосом, полным любви и нежности. «А может быть мое предназначение стать матерью для этой крошки?» Мэрилу с непонятной грустью на сердце отметила, каким непостижимым образом, за считанные минуты этот ребенок стал ей таким близким, *неотъемлимой частью* ее самой. «Как такое возможно? Был бы жив Гирманчи…» – тоскливо подумала девушка, и тут же взяла себя в руки. «Рассупонилась! Не время! Бой еще не проигран!»

Анечка слабо улыбнулась.

– Закрой окошко, холодно!!!

«Разве такое бывает? Это НЕ МОГЛО произойти со мной, но факт налицо – я здесь! И должна играть по новым правилам! Но чёрт подери, как же зовут эту малышку?» – Мэрилу вернула окно в исходное положение, ободряюще улыбнувшись Анечке.

– Ничего, милая, просто маме стало душно! – нашлась она, и ласковая ободряющая улыбка тронула её губы. Девочка кивнула и улыбнулась ей в ответ.

Мэрилу в полной нерешительности почесала себя за кончик носа, что выдавало в ней сильное душевное волнение. Тот мир, к которому она привыкла, был жаркий, пыльный, засушливый, где температура воздуха не опускалась ниже двадцати пяти градусов и она хмуро подумала, что долго не выдержит в таких жёстких условиях, ведь кроме прозрачной рубашки на ней не было ровным счётом ничего. «Всё-таки, неужели нет пути назад?» – с ностальгией пронеслось у неё в голове, и она едва сдержала навернувшиеся на глаза слёзы.

– Мама, почему ты босиком? – с детской любознательностью поинтересовалась девочка, растерянно хлопая ресницами. Она сидела, засунув большой палец в рот, и на личике её читалось полное недоумение.

«Нельзя вызвать подозрение ребёнка. Она – моя единственная зацепка и спасение! Только при помощи девчонки я смогу продержаться здесь! Иначе верная гибель!»

– Сейчас обуюсь, малышка! – Мэрилу обаятельно улыбнулась.

«Определённо, девочка будет полезна мне! Нужно только копировать поведение её матери, как с ней, так и при встрече с родными! Знать бы только куда они ехали! И к кому! Как же холодно!!!» – Мэрилу задвинула занавеску и, знобко ёжась, обшарила взглядом СВ, в надежде отыскать какую либо одежду. –Мать ребенка исчезла, скорее всего она оказалась там, где недавно была я, значит ее одежда должна быть здесь!»

Рыжая напряжённо размышляла, всем своим видом стараясь сохранять невозмутимость, чтобы не напугать единственного проводника в этом мире – трехлетнюю девочку. Так и оказалось: под полкой она обнаружила изящные сапоги, крохотные детские ботиночки, а на вешалке аккуратно висели брюки непонятного материала, словно прорезиненные, вязаная кофта с длинным воротом, короткий полушубок, рядом на другой вешалке маленькая детская шубка, кофточка и пушистая меховая шапка. Нельзя сказать, что Мэрилу, очутившись в такой ситуации, чувствовала себя как рыба в воде, но природная смекалка, несомненно, играла немаловажную роль в ее дальнейшем поведении. Она рефлекторно гоняла мысли, силясь сопоставить, что к чему, но пристальный взгляд девочки сбивал с мысли. Она не знала ни куда, ни зачем она едет, ни какие планы были у матери этой крошки. Необходимо было стопроцентно сконцентрироваться и выработать стратегию дальнейших действий, а для этого ей необходим был полный покой.

«Нужно на время избавиться от ребенка! Тогда я смогу покопаться в вещах её матери, я должна найти хоть какую-нибудь зацепку, ведь когда-то эта колесница остановится и мне нужно будет что-то делать! Гирманчи мёртвый, помощи ждать неоткуда! Буду следовать знакам! И самая главная подсказка это сама девочка! Пока она не поняла, что я это не ее мать! Да и не под силу это такой крошке! И, чтобы не напугать ее, мне нужно попытаться скопировать ее мать » – Мэрилу прищурилась, как можно добрее улыбаясь Ане.

– Малыш, уже поздно, ложись спать! Маме нужно подумать! – она неуклюже влезла в сапоги, не зная как их застёгивать, и выпрямилась во весь рост.

– Все верблюды уже спят и ты должна! – Мэрилу погладила девочку по пышным волосам.

– Верблюды, хи-хи-хи. Ой, мама, а где твои ногти? – с детской непосредственностью поинтересовалась Анечка. Девочка оправилась от пережитого шока, пришла в себя и теперь сыпала вопросами, как и подобает маленькой наблюдательной девочке.

«Ногти? Какие ногти??? – Мэрилу едва не застонала, бросив мельком взгляд на свои коротко подстриженные ноготки, в замешательстве уставившись на собственные руки, но подсказка неожиданно пришла со стороны Ани:

– Зачем ты обстригла их?

– Котенок, – Мэрилу обрадовано выдохнула, – они мешали мне!

– Было красиво!!! Ма-ам, я хочу сказку! – раскапризничалась Аня, надув губки, но Мэрилу, движимая природными материнскими инстинктами, заботливо укрыла малышку одеялом и поцеловала в нос.

– Спи! Завтра будет новый день и новая сказка!

– Ладно. А где дядя Константин? Он заболел?

«Вот и первый ответ – вместе с ним ехал какой-то мужчина! Чёрт знает что такое, как бы ей ответить-то?»

– Да, он заболел, малышка, СПИ!!!

–Хорошо, мамочка!!! – девочка оказалась на редкость послушной и сговорчивой и, повозившись на полке, устраиваясь поудобнее, она вскоре трогательно засопела, отвернувшись к стенке.

Время у Мэрилу на размышление было очень мало. Она понимала, что со слов девочки в комнатке на колёсах они ехали не одни, о чём также свидетельствовало красивое мужское драповое пальто, висящее на вешалке. Значит рано или поздно отсутствие мужчины, которого Аня назвала именем Константин, заметят и спрашивать будут у нее. Куда он девался, Мэрилу понятия не имела, но нутром чуяла, что пропавший мужчина имеет самое прямое отношение к появлению самой Мэрилу. Собравшись с мыслями, она тихо, чтобы не потревожить сон ребенка, стала исследовать вещи ее матери и этого загадочного мужчины. Порывшись в сумочке у Марины, Мэрилу обнаружила множество незнакомых ей вещей: ароматно пахнущее зеркальце с каким-то душистым спрессованным порошком, непонятный предмет, украшенный множеством кнопочек, с выпуклыми буквами и цифрами на корпусе, связку металлических ключей, пачку печенья, маленький тюбик с выдвижным толстым карандашом карамельного цвета и запаха. Обследование карманов мужского пальто не принесло ей ровным счётом никаких плодов, а в барсетке, которую так же досконально исследовала Мэрилу, был найден маленький в клеточку листочек, на котором было написано чернильной ручкой «Самойлова Марина Игоревна», и россыпь каких-то железных монеток. Инстинкт самосохранения заставил Мэрилу скомкать бумажку с именем матери девочки и она, повторив манипуляции с окном, выбросила компрометирующую записку наружу.

«Куда же Вы ехали, и как мне вести себя дальше???» – Мэрилу чуть не расплакалась, представив безысходность ситуации. Гирманчи мёртв. Шанс вернуться в свой мир был примерно равен нулю. Всё, что происходило наяву, было по-настоящему страшным: вот так оказаться совершенно одной в незнакомом и чужом мире! Но воспитанная в духе воина Мэрилу позволила себе слабость лишь на короткое мгновение. Лишь от неё самой, и больше ни от кого, зависела её собственная жизнь, а так же судьба крохотной девочки и она, плотно сжав губы, ещё раз тщательно рассмотрела одежду исчезнувшей без следа Марины и её дочери. В животе противно заурчало – сказывалось чувство голода. Порывшись в Мариниой сумочке, Мэрилу извлекла оттуда пачку печенья «Юбилейное» и, обнюхав её, распотрошила яркую глянцевую обёртку. Ароматные квадратики на вкус оказалось приторно сладким, напомни девушки вкус детства, матери и обожаемого ею топлёного верблюжьего молока. Смакуя необычное лакомство, Мэрилу на секунду расслабилась, откидываясь на подушку, и тут же вскочила, обеспокоенно озираясь: ночную тишину разорвал истеричный женский крик:

– КАРАУЛ, УБИЛИ!!!!!!!!!!!!

Рыжая вздрогнула, напряглась, застыв с неестественно выпрямленной спиной, чутко вслушиваясь в крики. Голова работала четко и ясно, как всегда в минуты опасности.

– Карауууул, убилиииииииииии!!! – крик в коридоре повторился, протяжный, надрывный, леденящий кровь. Мозг Мэрилу начал выстраивать наиболее выигрышную позицию поведения. Итак. Куда делся мужчина, путешествующий вместе с ними, она не имела ни малейшего понятия. Куда она едет и, собственно, к кому, равно как и кто, она сама, а, вернее, чью роль отныне ей надлежит играть, тайна за семью печатями. Помощи ждать неоткуда. Единственный источник информации это трехлетняя девочка. Делать ставку на ребенка глупо, но это и есть самый разумный путь к спасению, каким бы абсурдным он не казался на первый взгляд. Ясно, что ее будут расспрашивать: что, почем и откуда. В том мире, где выросла Мэрилу,

методы тайной канцелярии ей были слишком хорошо знакомы, так что богатое воображение «услужливо» нарисовало ей примерную картину допроса. Мысль о том, что ее скрутят, заломят руки за спину и начнут пытать опричники из канцелярии мира, в котором она оказалась всего несколько минут тому назад, ввергла Мэрилу в состояние близкое к шоковому, но все же, ей удалось справиться с ненужными эмоциями и взять себя в руки. Там, за закрытой дверью, послышались чьи-то возбужденные голоса, топот множества ног и хлопанье дверей. Лихорадочно озираясь, Мэрилу схватила с вешалки пушистый ангорский шарф, обмотала им горло, пощипала себя за оба верхних века, отчего глаза моментально заслезились, и, кинув беглый взгляд на сладко сопящую девочку, смело шагнула за порог. По коридору вагона, с перекошенным от страха лицом, промчалась бледная и совершенно невменяемая проводница. Из тамбура, откуда совсем недавно пришла сама Мэрилу, чеканя шаг, шел рослый и широкоплечий человек в униформе. Около окна стояла перепуганная толстушка в объемном вязаном свитере и черных брюках и, заикаясь, шептала лишь два слова: «Убили, Господи, убили!!!».

– Пройдемте, гражданочка! – скомандовал полицейский, останавливаясь около трясущейся толстухи, мелькнув около ее лица «ксивой». – Дежурный состава лейтенант Прохоров! – отрапортовал он, захлопывая «корочку». Женщина послушно закивала головой, от волнения засовывая руки в рукава свитера, однако, не сдвигаясь с места. Мэрилу, болезненно щурясь на яркий свет, растерянно хлопала покрасневшими глазами и ухватила представителя власти за рукав, привлекая к себе внимание.

– Что случилось??? Что произошло? – голос ее звучал неестественно хрипло, будто бы простужено, что вполне дополняло картину прихворнувшей женщины, являясь завершающим штрихом к ансамблю из слезящихся глаз и повязанного вокруг горла шарфа.

– Убийство! – коротко резюмировал тот, кто назвал себя Прохоровым, пытливо взглянув на Мэрилу. – Вы из какого купе?

Интуитивно поняв, что под загадочным, коротким и звучным словом «купе» он имел место, в котором сейчас мирно спала Анечка, Мэрилу кивнула через плечо на дверь.

– Простите, ребенок спит! – опомнилась она, прикрывая дверь, тем самым выключая девочку из игры. Появление ребенка, который мог проснуться в любой момент, пока что не в ходило в планы Рыжей. – Вы сказали УБИЙСТВО??? – она ахнула, театрально распахнула глаза, и, зажав рот ладошкой, в немом оцепенении уставилась на Прохорова. – Убили? Кого убили? Когда? – изумление, испуг и волнение, отразившееся на лице Мэрилу, выглядели вполне достоверно, потому, как Прохоров, переключив свое внимание на нее, коротко пояснил, внимательно рассматривая пассажирку.

– По всей видимости, того, кто ехал вместе с Вами в СВ-купе!

– Ой!

Мэрилу слабо пискнула, пошатнулась и, не придумав ничего лучше, сделала вид, что теряет сознание: она побледнела, затем посерела, а после позеленела лицом и совершенно неграциозно обмякла, погружаясь в импровизированный обморок, так что если бы Прохоров не успел подхватить ее, то упала и непременно ударилась бы головой об пол.

– Господи, да что Вы стоите! – закричала толстушка, выходя из нервного ступора. Склонившись над Мэрилу, она тот час принялась махать руками над ее лицом.

– Давайте ее ко мне, я одна еду! Там валидол, нашатырь!

Люди, высунувшиеся на крики, заблокировали проход и Прохоров, с пассажиркой на руках, громко крикнул на весь вагон, разгоняя собравшихся:

– Граждане, соблюдайте спокойствие! Попрошу никого не покидать вагон, а так же состав поезда до выяснения обстоятельств!

– Убили? Ограбили? Где? Господи, кругом одни бандюганы! Режут, грабят, убивают средь ночи! – доносились до Мэрилу растревоженные голоса, и, хотя, ее глаза были закрыты, она чутьем уловила волну азартного возбуждения и ликования толпы. «Как все одинаково!

Так же и у нас, когда случается какое-то несчастье, толпа испытывает нездоровый интерес к трагедии, наслаждаясь чужим горе, маскируя все это под личиной сочувствия, не отдавая себе отчета, что невольно радуются бесплатному зрелищу, а зрелище, будь то казнь, грабеж или убийство, всегда является для толпы развлечением!». Руки Прохорова были сильные, мускулистые, поэтом Мэрилу, было комфортно лежать, изображая потерявшую сознание, пока он, в сопровождении толстушки нес ее до купе, а затем, войдя внутрь, уложил на нижнюю полку.

«Надо приходить в себя! Обморок затянулся!» – решила Мэрилу и, с трудом разлепив спутанные длинные ресницы, затуманенным взглядом обвела купе. Женщина в свитере, которой на вид было лет сорок, торопливо рылась в своей аптечке и, вооружившись ваткой и бутылочкой, намочила клочок ваты и сунула этот мокрый комок с резким и отрезвляющим запахом прямо под нос Мэрилу. Под воздействием агрессивного запаха глаза у Мэрилу чуть не вылезли из орбит: придя в себя, она, стряхнув наигранное пост обморочное оцепенение, не сумев сдержать льющиеся слезы, отодвинула от себя руку с воняющим кусочком ваты, и плотнее замотала шарф на горле, стараясь, что бы движение ее рук было слабым и немощным.

– Как Вы нас напугали! – тот час запричитала толстушка, отставляя на столик пузырек и откладывая ватку. Прохоров, забыв о том, что он лейтенант линейного наряда полиции, сопровождающего поезд «Санкт-Петербург – Москва», в тамбуре пятого вагона которого недавно был найден полуобгоревший труп, отдался приятным и романтическим ощущениям, наслаждаясь тем, что на его руках, руках разведенного и неустроенного мужика, находилась такая красивая, слабая и беззащитная девушка.

– Простите.. – еле слышным голосом пискнула Мэрилу, виновато улыбаясь толстухе. - Давно со мной такого не было, вот так, в обморок… – она перевела взгляд на Прохорова и, задержав его подольше, отметила его ярко-голубые глаза, курносый нос и забавную ямочку на подбородке. «Не мешало бы вызвать его интерес!» – расчетливо подумала Мэрилу, тот час погрустнев. Волна безотчетного страха накрыла ее с головой, а воспоминания о том мире, увидеть который ей, судя по всему, не суждено, сделались такими нестерпимо острыми и щемящими сердце. «Одна, в чужом мире, и Гирманчи мёртв!» – вихрем пронеслось у нее в голове, но раскисать было не в ее правилах.

– Страсти-то какие, – затараторила толстушка, тот час усаживаясь рядом с ней на полку. – Ведь сгорел, горемычный, кто ж его так?

Прохоров отмахнулся от нее словно от надоевшей мухи и, поднеся рацию, отрывисто скомандовал, плюхаясь рядом с Мэрилу на полку:

– Сидорчук, проводника в восьмое купе, понятых!

«Знать бы, что такое понятые?! – Мэрилу наморщила лоб, плотнее заматывая шарф вокруг шеи. «Ну, сейчас начнется!».

– Расскажите еще раз, как Вы обнаружили тело? – попросил он, открывая блокнот и щелкая автоматической ручкой.

Толстушка, оживившись, властно схватила Прохорова за руку, заставляя смотреть себе в глаза.

– Значит, сплю я себе, сплю, обычно я не просыпаюсь среди ночи, а тут я выпила на ночь пива, сами понимаете, вышла по нужде…

Мэрилу краем глаза отметила пару пивных бутылок, стоящих на столике в окружении крошек и блестящей упаковки с непонятной надписью Чипсы «Lays».

– Дошла я до туалета, вдруг чувствую – пахнет не то паленым, не то горелым! Сами понимаете, мы женщины любопытные, – толстушка бросила на Прохорова испуганный взгляд, по всему было видно, что ей неприятно и страшно вспоминать заново весь пережитый ужас. – Я дверь-то приоткрыла в тамбур, а там он, сердечный, лежит, весь обгорелый!!! Ужас-то какой! – толстуха истово перекрестилась, а Мэрилу едва удержалась, что бы не осенить по привычке себя обратным крестным знамением.

– Ну, я закричала и все! Боженьки мои… – толстушка схватила со столика свою аптечку и, порывшись там, положила себе под язык валидол. Прохоров сосредоточенно записывал показания, ручка, словно легкокрылая бабочка порхала над блокнотом, а Мэрилу, не сводя с него взгляда, с замиранием сердца ожидала прихода проводника и Сидорчука.

«Проводник от глагола «провожать». Значит проводник это тот, кто сопровождает эту чертову колесницу! Сидорчук скорее всего фамилия, нежели имя, и по всей видимости он подчиненный Прохорова. Когда начнется допрос, самое главное, не дать им понять, что я вовсе не Марина! Я не знаю ровным счетом ничего, значит, мне следует больше молчать и прикинуться глупой и напуганной, шутка ли – человека убили!».

Дверь в купе с едва слышным скрипом отворилась и внутрь зашла сурового вида женщина в синей форменной одежде и толстощекий и пухлый молодой человек, одетый точно так же как и Прохоров. Позади них топтались сонные, но взволнованные понятые, мужчина и женщина примерно лет сорока. Прохоров кивнул, приглашая собравшихся пройти внутрь.

– Евгений Миронович, понятые! – отрапортовал Сидорчук, взяв под козырек.

– Свободен, Сидорчук, дежурь у тела и свяжись с линейным отделом!

– Есть! – отчеканил Сидорчук и, еще раз отрапортовав, покинул купе.

– Присаживайтесь! Я лейтенант Прохоров Евгений Миронович, назовите Ваши имена, фамилии? – Прохоров, окинув взглядом понятых, снова склонился над блокнотом.

– Петрищенко Анна Владимировна!

– Скворцов Илья Альбертович! – отозвались понятые, переглядываясь между собой. Проводница, сохранявшая монументальное спокойствие и профессиональную выдержку, ровным и хрипловатым голосом назвала свое имя:

– Иваненко Алла Львовна.

– Ваша роль Вам понятна, господа понятые? Объяснять не надо? – Прохоров поднял на понятых строгий проницательный взгляд. Те кивнули. Петрищенко нервно крутила ручки своей сумки, а Скворцов то и дело пощипывал свою аккуратно подстриженную бороду.

– Алла Львовна, пока личность убитого еще не установлена, расскажите Ваши предположения! Вы видели тело убитого, каковы Ваши выводы? – повелел Прохоров. Проводница нахмурилась, а Мэрилу вся обратилась вслух, чтобы не пропустить ни малейшей детали из рассказа этой самой проводницы.

– По комплекции убитый напоминает пассажира из СВ-купе номер десять!

– Я запросил начальника состава полный список всех пассажиров поезда. По предварительным отчетам проводников из других вагонов все их пассажиры присутствуют в полном составе! – сухим начальственным голосом говорил Прохоров, – Алла Львовна, Вы произвели пересчет пассажиров Вашего вагона?

– Да, в десятом СВ вагоне отсутствует Антонов Константин Генрихович!

– То есть тот, кто был Вашим попутчиком? – цепкий взгляд Прохорова вперился в Мэрилу, и у той противно засосало под ложечкой.

– Наверное, я не видела, как он ушел! – Рыжая двигалась в своих показаниях осторожно, словно минёр по минному полю. – Я уложила дочь и легла спать! Я слегка простыла! Проснулась от криков! – Она провела дрожащей рукой по внезапно вспотевшему лбу. Приняв решение играть перепуганную беззащитную женщину, она интуитивно выбрала наиболее правильную тактику поведения.

– Простите, я очень впечатлительная, а тут вы говорите убийство… – слабым голосом прошептала Мэрилу, потирая виски длинными тонкими пальцами.

– Вы были знакомы до этого с предполагаемым убитым?

– Простите… – Мэрилу замотала головой, что можно было принять за отказ, а можно за то, что девушка силиться стряхнуть с себя охвативший ее страх и, по всей вероятности, туго ей бы пришлось, не приди на помощь проводница.

– Она и Константин Генрихович Антонов оказались в одном СВ случайно! Девушка с ребенком забыла билеты и просила, что бы я пустила их по предъявлению паспорта! До отправления поезда оставалось пять минут, а тут вмешался покойный… – проводница осеклась. – Н-у-у или не покойный, а пропавший Антонов и сказал, что у него выкуплено целое СВ и он будет рад компании молодой мамы и ее дочери! Тем более, девчушка, дочь вот этой женщины, Аня, такая миленькая,

«Князь тьмы, благодарю!» – возликовала Мэрилу. Первую порцию информации она уже получила. Придерживаться и дальше такой же тактики и, возможно, судьба поможет пролить свет на историю исчезнувшей Марины.

– Ваше фамилия, имя, отчество? – Прохоров задавал вопросы четко и внятно.

– Самойлова Марина Игоревна! – ответила Мэрилу, решив ненамного взять инициативу в свои руки, показав, что она не мямля и не выпускница пансиона благородных девиц.

– Я забыла дома билеты… – она повела плечами, наморщив лоб, – временами я становлюсь очень рассеянной! Мы опаздывали на поезд с Аней, я торопилась, сами понимаете! А потом Константин Генрихович сделал добрый жест и пригласил нас к себе!

–Что Вы делали? О чем разговаривали? Он на что-то жаловался? Может быть, Вы заметили что-то необычное в его поведении? Быть может, он рассказывал Вам про своих врагов? Знаете, бывает так: попутчику излить душу легче, чем близким людям.

– Да нет, – Мэрилу покосилась на толстушку, с открытым ртом внимавшую ее рассказу. -Мы говорили о погоде, потом я занималась ребенком, а потом мы легли спать, я простыла, очень болит горло и знобит, -Мэрилу зябко поежилась, снова потуже затянув шарф.

– Когда я приносила им чай, то Антонов смотрел в окно, а Марина Игоревна кормила дочку печеньем и йогуртом! – подала голос проводница, – а когда забирала стаканы, то и девушка и малышка уже спали. Антонов продолжал смотреть в окно.

– Я не заметила ничего необычного! – пролепетала Мэрилу, заложив прядь волос за ухо.

– Добро, – Прохоров щелкнул пару раз автоматической ручкой, потрогал зачем-то свой кадык и, прочистив горло, попросил, адресуя сказанное Мэрилу:

– Принесите Ваш паспорт!

Он злился на себя. Такое случилось с ним впервые, что бы свидетельница мешала ему работать, сбивая с мысли. Евгений и сам не понимал, отчего он так теряется в присутствии Марины. Девушка, безусловно, отличалась выдающимися внешними данными, и, ко всему прочему, была миловидна, беззащитна и напугана (а такой классический типаж экранной героини, нуждающейся в мужском покровительстве, как известно, импонирует девяносто процентам мужского пола). Но, так или иначе, это была обычная, да еще, по всей видимости, замужняя женщина. «Дурак, соберись!».

– Вы замужем? – вдруг ни с того, ни с сего залепил он Рыжая. Сделав вид, что не услышала вопроса, она направилась в сторону своего купе. «Какой она сказала номер? Десятый?»

Войдя к себе в купе, она, облизнув пересохшие от волнения губы, схватила паспорт и, бросив внимательный взгляд на безмятежно спящую Анечку, прикрыла дверь, прислоняясь к ней спиной. «Замужем?! Замужем ли я?! Вот вопрос! На него надо немедленно получить ответ и возвратиться к Прохорову, пока он с этим лопоухим Сидорчуком не заподозрили ничего подозрительного». Рассудив, что по всей вероятности, статус о замужестве может быть прописан в этом самом паспорте, Мэрилу стала лихорадочно перелистывать его и, увидев надпись «зарегистрирован брак с гражданином Самойловым Антоном Владленовичем», перекрестила себя обратным крестным знамением.

«Значит замужем!» – обретя некую толику уверенности, Мэрилу, моментально нацепив на себя маску простуженной женщины, побрела обратно, стараясь, что бы ее походка была чуть замедленной и шатающейся, а взгляд был слезящийся и расфокусированный. Вернувшись в купе, она застала Прохорова, сидящего на постели рядом с толстушкой, что-то записывающего

в блокноте, понятых, который по-прежнему робко жались при входе, и Сидорчука, который о чем-то переговаривался с проводницей. Подняв глаза на Мэрилу, Евгений вдруг почувствовал, как у него перехватило дыхание. То ли красота девушки была настолько ослепительной и неотразимой, то ли она воздействовала на него каким-то странным гипнотическим образом, но стоило ему лишь встретиться с бездонным взглядом ее огромных зелёных глаз, как тот час в горле запершило, в висках жарко застучало, а в голове хаотично забегала одна единственная мысль: «Обладать этой девушкой, во что бы то ни стало!». Прохоров нервно сглотнул вязкую слюну, мотнул для верности головой, прогоняя химеру и наваждение, и строгим тоном осведомился, придав голосу сухие казенные интонации:

– Вы не ответили на мой вопрос: Вы замужем?

– Простите, я не расслышала! Да, замужем. – Мэрилу протянула ему паспорт, без приглашения присаживаясь рядом с ним на полку, поправляя на горле шарф.

– Так-так… -протянул Евгений, раскрывая паспорт на нужной странице.

«Черт, так всегда!» – чертыхнулся он, захлопывая паспорт и зачем-то снова его открывая. Он заметно нервничал, что было с ним впервые на работе. Рядом был его подчиненный, который так и ел глазами начальство, не понимая, с чего это известный в отделении сухарь Прохоров так волнуется.

«Ну, замужем она, что вполне логично. Ребенок, муж, семья!»

– Так-так-так.. – снова повторил он, возвращая документ Мэрилу. Она тем временем почувствовала, как сердце у нее кольнуло, пропустило болезненный удар, перед глазами все поплыло, а руки стали непослушными и ватными. Воздух вокруг нее, дрожащий и расплывчатый, вдруг стал вязкий как кисель, а сквозь него, затуманенным сознанием, отчетливо и явственно она увидела узкий, светящийся молочно-белым цветом, коридор. Вдали, ссутулившись, стоял Гирманчи в широкой сутане кровавых оттенков. Он ничего не делал, не двигался, а просто стоял и смотрел на Мэрилу гипнотизирующим взглядом, и от этого взгляда на душе у девушки стало тревожно и неспокойно. «У каждого свой путь. Но ты не вправе изменить то, что предначертано тебе судьбой!» вспомнились ей напутственные слова учителя. Внезапно она ощутила неприятный привкус во рту, легкую тошноту и головокружение. Живот повело как от рвотных спазмов. Мэрилу, сделала попытку тряхнуть головой, сбрасывая дурман, но от едва ощутимого толчка, она вся подалась вперед и, сама, против своей воли, шагнула прямо в этот густой матовый тоннель. Все ее естество сжалось от страха, а сознание напомнило ей те ощущения от телепортации, которое так услужливо до этого блокировало от разума девушки, чувство стремительного полета, резкий запах озона, обжигающую боль во всем теле и ощущение падения. В тоннеле было тепло и влажно, воздух, мягкий и податливый, окутал ее бархатной паутиной. Мэрилу, едва держалась на ногах, не зная за что ухватиться, что бы сохранить равновесие, сделала первые пару шагов навстречу к Гирманчи, но тот властным взмахом руки остановил ее. «Тебе предстоит сделать выбор, Мэрилу! Оставайся верной нашим идеалам! Не уверуй в Христа, в нем твоя погибель!» -не размыкая уст одними глазами молвил старик, продолжая держать ее взглядом. По щекам Мэрилу потекли слезы, едва она осознала безысходность и неизбежность всех тех мук, которые, несомненно, выпадут на ее долю в самом недалеком будущем. Она стояла в центре временного коридора, слабая, беззащитная, один на один со своей судьбой, но в то же время сильная и несгибаемая, а вокруг нее неясными тенями мелькали какие-то материализовавшиеся обрывки из ее мыслей, эмоций, впечатлений. Ощущение неизбежности будто пригвоздило ее к месту. Она продолжала стоять, не шелохнувшись, не отвозя молящего взгляда от Гирманчи, и там, в эту самую минуту, девушка осознала всю сложность грядущего выбора. Ведь исход будет зависеть от него, этого самого выбора, и какой бы путь она не избрала, потом изменить будет уже ничего не возможно.

Слезы безостановочно текли по ее лицу. «ПОЧЕМУ Я??? – хотелось закричать ей во весь голос, чтобы получить ответ на вопрос, почему она, а не кто-то большой и сильный, как всегда

и бывало в истории, поставит заключительную точку в извечной борьбе Света и Тьмы?! «Я надеюсь на тебя! Всё! Пора!» – Гирманчи отвернулся, и, ссутулившись еще сильнее, сделал шаг вперед, падает в какую-то пропасть. Последнее, что она успела запомнить, это слепящий и нестерпимо яркий, прямо таки обжигающий свет.

** *

– Марина Игоревна, как Вы себя чувствуете?

– Мариночка, вот нашатырь!

– Да отпустите Вы ее, разве Вы не видите, человеку плохо! – как сквозь вату доносились до Мэрилу вибрирующие голоса. Резкий терпкий запах ударил ей в ноздри и она, мотнув головой, с трудом разлепляя спутанные ресницы, отодвинула от себя источник этого самого отрезвляющего запаха: полную мясистую руку, держащую у ее носа пахучую вату. «Я грохнулась в обморок. Гирманчи! Приснился ты мне, или все было наяву???!» – Мэрилу поморщилась, благодарно кивнув заботливой толстушке.

– Мне уже лучше, спасибо, – слабым голосом пискнула она, обводя СВ-купе мутным рассеянным взглядом. Понятые неловко топтались при входе, а Прохоров с толстушкой склонились над ней, причем Евгений с виноватым, а владелица аптечки с обеспокоенным видом.

– Вы свободны, Марина Игоревна, – Прохоров крякнул, по привычке потрогав большим пальцем правой руки кончик носа. – Возможно, Вы нам еще понадобитесь!

Евгений и сам не понимал, что творилось у него в душе, но было ясно одно – он не должен отпускать из своей жизни эту загадочную девушку, с таким красивым и звучным именем «Марина». «Марина…от латинского «маринус» – морская…Женщина с таким именем, несомненно, знает себе цену, а мужчины, беззащитны перед ее волшебными чарами!». Лейтенант крепко зажмурился, и, для верности куснув себя за щеку, полной грудью вздохнул и с шумом выдохнул. Воспоминания нахлынули из ниоткуда… Выпускной класс, школьная дискотека и первая красавица школы, Марина Артемьева, по которой сохли едва ли не все старшеклассники. Их первый, хотя, и не совсем невинный, поцелуй, свидания под раскидистым кленом, долгие посиделки в ночном кафе. Тогда ему казалось, что первая юношеская любовь это навсегда, но время неумолимо расставляло все на свои места, внося коррективы, Марина исчезла из его жизни также внезапно, как и согласилась на той дискотеке станцевать с ним медленный танец, оставив после себя неутоленную страсть и досадное чувство безвозвратной потери. С тех пор он бессознательно искал в женщинах до боли желанные черты, и вот теперь, глядя на эту хрупкую и рыжеволосую пассажирку, Прохоров осознал одно – это судьба! Та, Марина из прошлого, разумеется, не была столь ослепительно красива, у нее не было роскошной шелковистой гривы волос, сияющих бездонных, словно в омут затягивающих глаз, пухлых чувственных губ. Школьная Марина даже не была похожа на эту, явившуюся к нему словно сказочная принцесса греза, воплощая своим обликом его самые смелые ожидания. Прохоров видел, что ей нездоровится, да и свидетель из нее был совсем неценный для следствия, поэтому он, спохватившись, порылся в кармане своих брюк и протянул ей визитную карточку, пытаясь поймать ее ускользающий с поволокой взгляд.

– Вот моя визитка, – Евгений Миронович, напустив на себя вид строгого ревностного служаки, внимательно смотрел, как ее тонкие смуглые пальцы вертят его визитную карточку.

– Разумеется, мы с Вами до утра еще увидимся, а пока, отдыхайте, Марина Игоревна!

–Да, да… – Мэрилу заторможено кивнула в ответ, поднимаясь с полки.

– И поспите! На Вас совсем лица нет, вон, бледненькая какая! – запричитала толстуха. – Давайте я провожу Вас!!!

– Нет-нет, что Вы, я сама! – Мэрилу поспешно сделала шаг к выходу, а затем, интуитивно, оглянувшись, встретилась со следящим взором прищуренных глаз полицейского.

– Доброй ночи…

Протиснувшись в узком проеме купе между столбом стоящими понятыми, Мэрилу, поправив на шее шарф, медленно дошла до своего купе и, войдя внутрь, облегченно выдохнула.

– Вот я и одна… – Рыжая усталым жестом сорвала с шеи шарф, присаживаясь на полку. Аня безмятежно спала.

«Теперь я в ответе за нее…Вероятнее всего, мне придется какое-то время играть роль этой самой Марины, – Мэрилу в изнеможении откинулась назад, прижавшись спиной к стенке. Поезд мерно катил по шпалам, под ритмичный перестук колес, за окном была непроглядная заснеженная ночь. – Ясно одно, я неспроста здесь, значит, мне надлежит стать этой самой Мариной. Попытаемся мыслить логично! Она куда-то ехала: допустим, это я узнаю через ее дочку, дальше, что? А то, что, скорее всего, ее кто-то должен будет встречать по месту назначения, только вот кто? Ну, ничего, ничего, и не такие ребусы разгадывали! Первый марш-бросок я выдержала блестяще! Этот как его Прохоров ничего не заподозрил! Самое сложное – не дать девочке заметить подмены!!!»

Мэрилу горестно вздохнула, вертя в руках картонную маленькую бумажку.

«Так, что он мне дал, полицейский этот???» – девушка поднесла визитку поближе к глазам, поудобнее устраиваясь с ногами на полке.

«Прохоров Евгений Миронович. Лейтенант линейного отдела ОВД Московского вокзала» далее шли цифры с поясняющими надписями: телефон отдела и мобильный телефон»

– Очередная шарада… -вслух сказала Мэрилу и широко зевнула: ей нестерпимо хотелось спать…

Глава II

***

Антону Самойлову не спалось. Он привык ложиться далеко за полночь, но сегодня сон не шёл к нему. Поворочавшись в тщетных попытках заснуть в опустевшей без жены постели, он рывком поднялся, почёсываясь и, позёвывая, добрёл до кухни, залпом выпил в компании с мирно урчащим холодильником стакан прохладного кваса и, распахнув бессловесного собеседника, в грустном унынии обозрел заполненные правильными продуктами недра холодильника.

– Ни пивасика, ни хренасика! – с мрачной ухмылочкой резюмировал Антон, захлопывая дверцу. Чертовски захотелось холодного пива, его любимого, «Балтики». Представив себя, за просмотром какого-нибудь эротического фильма, попивающего пивко и заедающего солёными, такими вкусными, но такими вредными, чипсами, Антон понял одно: уснуть без вожделенного напитка ему не удастся. В нечастые, но довольно продолжительные отлучки супруги, он скучал без нее и дочери, но первые дни блаженной свободы каждый раз казались ему манной небесной. Он мог без опаски на строгий выговор Марины в неимоверных количествах поглощать всевозможные пиццы, гамбургеры, копчёные колбасы, заедать это всё чипсами, солёными орешками, сдабривая все эти изыски бесконечными литрами пива.

– Так-так, до ближайшего ночника минут семь ходу, одна нога здесь, другая нога там, решительно произнёс Антон и зевнул так смачно, что едва не вывихнул себе челюсть. Устойчивый к холоду, он ограничился лишь тем, что натянул на себя джинсы, обул на босую ногу кроссовки и, сорвав с вешалки короткую дублёнку-косуху и прихватив ключи, вылетел из квартиры, закрыв дверь лишь на один замок. На улице было морозно и ветрено: ночь окутала его безлунным чёрным покрывалом, хрустящий снег негромко поскрипывал под ногами. Антон, перейдя дорогу, трусцой добежав до ночного магазина «СемьЯ», затарился пивом, чипсами и колбасой твёрдого копчения. Нагруженный пакетами, он, слегка подмёрзнув, не дожидаясь зелёного сигнала светофора, стал перебегать дорогу, думая лишь о том, что спустя минут пять он будет возлежать на диване и наслаждаться одиночеством. Тонкие ручки одного полиэтиленового пакета, не выдержав груза, порвались, и бутылки с пивом вдребезги разлетелись по

проезжей части. Поскользнувшись, Антон в, шипя от боли, выронил второй пакет и тут яркий свет автомобильных фар мчащегося прямо на него здоровенного чёрного джипа на миг ослепил его. Последнее, что увидел в этой жизни Антон, это было перекошенное от страха лицо блондинки, а затем тьма поглотила его….

Наталья Марковская испуганно закричала, ударила по тормозам, и в страхе закрыла лицо руками, чтобы не видеть расширенные от ужаса глаза мужчины, который в считанные секунды оказался под колёсами огромного чёрного «Хаммера», за рулём которого сидела Наташа.

– ГЕРМАН!! – заорала девушка, отчаянно дёргая дверцу автомобиля. – Я СБИЛА ЧЕЛОВЕКА!

– Чёрт подери! – выругался черноволосый мужчина, выпрыгивая из джипа и склоняясь над лежащим мужчиной. Хмель моментально выветрился у него из головы, едва он осознал, что сбитый его любовницей мужчина мёртв.

–Господи!! – истерично причитала Наталья, споткнувшись на валяющейся бутылке пива, хватая своего спутника за руку

– Чёрт, чёрт, что стоишь, звони 02! – велел он, дёргая себя за галстук, избавляясь от него одним рывком, а заодно, стряхивая с себя вцепившуюся в него девушку.

– При чём тут пожарные? – Наталия судорожно сглотнула, сжимая и разжимая в кулаки руки: её колотила крупная нервная дрожь, а лицо сделалось белее мела.

– ДУРА! – прикрикнул на неё Соболев, вытаскивая мобильник из кармана модного чёрного пальто.

– МИЛЫЙ, ЧТО ДЕЛАТЬ??? – Наташа упала на колени подле сбитого мужчины, близоруко всматриваясь в его безжизненные черты лица.

– ОН МЕРТВ, СОВСЕМ МЕРТВ!!! – запричитала она, трогая дрожащей рукой липкую, горячую лужицу крови, образовавшуюся около его головы. – ЭТО КРОВЬ, ГЕРМАН!!!!!

–Заткнись! – рявкнул Герман, одной рукой застёгивая пальто, а второй выбирая из записной книжки мобильного телефона нужный номер. – Говорил тебе, вызовем такси, так нет, ей рулить охота, дорулилась?

– Миленький.. – губы Наталии задрожали и она заплакала, тоненько, с подвываниями, всхлипывая и причитая: – ты же выпил, а я не пила, ты же сам купил мне права!!! Он мёртв, я сбила его, сбила….

Соболев, залепив ей отрезвляющую пощёчину, отчего голова девушки мотнулась набок, и заговорил в мембрану мобильника, чётко, отрывисто, словно распоряжения отдавал:

– Герман Соболев беспокоит, здорОво!! Любовница сбила мужика…. Да, без вариантов, труп… Нет, на моей точиле! Я не должен фигурировать в этом деле, я баллотируюсь в депутаты, на хрен мне это… В районе Северного проспекта!! Адрес? Это рядом с магазином «СемьЯ»! Всё, отбой!

Соболев сунул сотовый аппарат в карман и, бесцеремонно схватив любовницу за руку, буквально зашвырнул в салон джипа на пассажирское место.

– Сам поведу!

Всю дорогу до дома Соболева они ехали молча. Каждый из них был погружен в невеселые мысли, размышляя над сложившейся ситуацией. Наташа, изо всех сил стараясь не разреветься, машинально грызла длинный ноготь, обглодав добрую половину декоративного лака, а Герман сосредоточенно следил за дорогой, проклиная про себя и свою любовницу-секретаршу, за то, что ему пришлось как закоренелому преступнику, сматываться с места преступления. Мимо мелькали фонари, витрины магазинов, чьи редко освещенные окна домов говорили о том, что добрая половина жителей Северной Столицы спит и видит безмятежные сны.

Соболев впервые за тридцать пять лет попал в такую ситуацию, и теперь внутри весь клокотал об бешенства, сгорая от желания придушить нерадивую любовницу. Чувство к Наташе, которое та по ошибке принимала за любовь, Соболев характеризовал одним лишь словом «удобство». Ему было *удобно* с ней: молодая, горячая, сексапильная, всегда под рукой, не требующая больших финансовых затрат, любящая его без памяти, Марковская Наталья Евгеньевна являлась неотъемлемым атрибутом в жизни преуспевающего бизнесмена, и выполняла для него простую функцию красивой вещи, как золотой «Роллекс» на его запястье. Соболеву импонировала, что она умеет подать себя в обществе, приковывая к себе взгляды, смотрит ему в рот, а, самое главное, не тащит под венец, или на худой конец в ЗАГС, ибо женитьба на девушке подобного плана не входила в планы расчетливого Германа. Ему, как будущему муниципальному депутату Санкт-Петербурга, его имиджмейкер в спутницы жизни пророчил девушку из интеллигентной семьи, породистую, с хорошей родословной, домовитую, способную сыграть верную спутницу жизни при муже политике, а Наталия же соответствовала стандартам тех кругов, в которых вращался непосредственно сам Герман Соболев. Наташа была его постельной игрушкой, тогда как в планы самой девушки входило в скором времени женить на себе обеспеченного красавца, ибо лучшей партии для себя, нежели владелец сети туристических агентств «Солнечный ветер», она и не представляла.

Тридцатисемилетний Соболев считался одним из завидных холостяков Питера, хотя и слыл изрядным сердцеедом, но это не пугало, а напротив лишь подзадоривало Марковскую. Если Герман считал ее пустышкой, довольствующейся положением секретарши-любовницы, то Наталья строила долго идущие планы на своего работодателя и умело расставляла капканы, один из которых был простым и по ее мнению самым беспроигрышным вариантом, а именно беременность. Поставив цель в недалеком будущем забеременеть от Германа, предприимчивая девушка сняла спираль, и ее богатое воображение уже рисовало ей радужные перспективы их счастливой семейной жизни, сопровождаемые выворачивающими душу звуками свадебного марша Мендельсона. Наталия, этим летом которой исполнилось двадцать пять лет, не планировала всю жизнь просидеть в приемной у Германа. Единственной преградой на пути к осуществлению ее планов была дочь Соболева Маша, с кем Марковская не смотря на свои старания, так и не нашла общий язык. Соболев однажды уже был женат, но его супруга, подающая надежды балерина, оказалась совершенно не приспособленной к семейной жизни, потому как на первом месте для Нинель была карьера, а потом уже муж и дочь. Герман, вопреки прогнозам со стороны друзей, едва лишь их брак дал первую трещину, удивил и себя и Нинель, заявив, что бывшая жена вольна строить свою карьеру как ей вздумается, но при одном условии: годовалая Маша останется с ним. Нинель своё будущее ставила превыше семейного счастья, поэтому по истечению трех месяцев, полностью вымотав Соболеву нервы, ведя непримиримую борьбу за дочку, приняла выдвинутые им условия, после чего с приличной компенсацией улетела со своей труппой в Париж, тем самым навсегда отказываясь от дочери. Маленькая Маша стала для Соболева смыслом его жизни. Он души не чаял в дочери, и теперь, едва лишь он подумал о том, *какие* именно последствия может повлечь эта трагедия на дороге, виновницей которой оказалась его секретарша, то почувствовал, как в глубине его души поднимается слепая ненависть к белокурой Наталье, сидящей рядом с ним на сидении джипа. Соболев покосился на любовницу: неподвижная, бледная как мел, она смотрела на дорогу, положив руки на колени, будто школьница. Герман подумал о том, что Звягинцев Александр Вениаминович, первый заместитель начальника управления внутренних дел по Калининскому району, начальник криминальной полиции, отец его лучшего друга Юрки Звягинцева, с которым они сидели еще за одной партой в первом классе, утрясет этот вопрос. Правда, горечь, образовавшаяся во рту, тугим комком подступала к горлу, и он едва сдержался, чтобы не врезать собственной секретарше, продолжавшей с видом древнеегипетской мумии таращиться стеклянным взглядом в окно.

Он трижды проклял себя за то, что пошел на поводу у Наташи, отпустил своего водителя, и единственное, что ему хотелось больше всего на свете в данный момент, это забыться беспробудным сном, надравшись до поросячьего визга.

В роскошной квартире Соболева в престижном жилом комплексе «Олимпийская деревня» с видом на Малую Невку, где он жил со своей дочерью, ее няней и приходящей домработницей, Наталья Марковская была не очень частым гостем, и когда Соболев парковал джип в подземный гараж, нарушил молчание, веско процедив, не глядя на любовницу:

– Постарайся не шуметь!

– Хорошо, милый… – прошелестела Наташа, немного приходя в себя.

– Герман, я…-

– Говори тише, Маша спит! – резким шепотом одернул ее Соболев, пропуская вперед себя, открывая дверь в квартиру и стряхивая с воротника пальто не успевшие растаять снежинки.

– Хорошо! Прости! – прошелестела Наташа, щелкая выключателем в квартире Соболева. Мягкий свет озарил прихожую, тенью мелькнул неясный силуэт, из-за шкафа выскочила прелестная темноволосая девочка и с радостным визгом: «Папочка!», высоко подпрыгнув, повисла на шее у Германа, который, успев нагнуться, подхватил дочь, подхватывая ее на руки.

– А я увидела твою машину, папочка!

– Ты почему не спишь, бандитка? – насмешливо спросил Соболев, улыбаясь глядя на дочь. Наталья, сдерживая недовольный вздох, закрыла входную железную дверь, сердито хмуря брови: все ее надежды на то, что дочка любовника спит, не оправдались и теперь, вместо того, что бы утешать ее, Соболев будет полночи укладывать свою взбалмошную семилетнюю дочку.

– Герман Андреевич, прошу прощения, Маша не желала засыпать без Вас! Дежурила у окна! – виновато оправдывалась домработница, моложавая женщина лет тридцати пяти, поспешно вбегая в прихожую, заглядывая в глаза Соболеву.

–Маруся, – придал тону строгость Герман, ссаживая девочку на пол. – Час ночи, накажу!!!

– А вот и нет, а вот и нет! – Маша радостно хихикала, подпрыгивая на месте от нетерпения, – Мне не спалось, папочка, мне снился сон! Тот самый, про Белого Волшебника из Города Грез, помнишь, ты рассказывал мне сказку?

– МАРУСЯ!!! Быстро в постель! – прикрикнул Герман, поднимая на няню суровый и надменный взгляд.

– Герман Андреевич, простите!!! – домработница, забежав за спину к Соболеву, стала снимать с него пальто, опережая Наталию, задетую невниманием Маруси, ставшим для нее таким привычным. Девочка в упор не замечала отцовскую пассию, удостаивая ее лишь вежливых «здрасти» и «до свидания», которыми она снисходила до нее под ждущим взглядом отца. Собственно говоря, отношения у Наталии не заладились не только с малышкой, но и с домработницей, в которой она видела потенциальную соперницу, беспочвенно ревнуя любимого мужчину к прислуге.

– Позже, Оля, поговорим! – отчеканил Герман, сбрасывая пальто на руки Ольге, точно так же забывшей, как и Маруся, поздороваться с любовницей босса.

– Что ты мне принес, папочка??? – Маруся, привстав на цыпочки, нахально, с любознательностью первооткрывателя и со вседозволенностью единственного ребенка, полезла к нему в карманы пиджака, исследуя их как заправский кладоискатель.

– Почему босиком??? МАШКА!!!

– Герман Андреевич, да разве она будет слушаться? Маша такая своенравная!!

Покачала головой Ольга, вешая пальто хозяина на «плечики» в шкаф.

– Папочка, пол с подогревом, а тапки так лениво надевать, тем более, что мои тапки украл злой Маг Рваный Башмак! – повизгивала девочка, предвкушая веселую возню с отцом. Возможно, не будь этой аварии, Герман был бы более сговорчивым и уделил соскучившейся

дочери полчасика, но он был взвинчен, раздражен, ему хотелось одного: поскорее уединившись в своем кабинете, подумать над сложившейся ситуацией, выпить виски, наконец-то отключая на всю ночь беспрерывно работающий мозг.

Отдыхать Соболев разучился сразу после смерти старшей сестры, после ухода Нинель принявшей на себя заботы о маленькой Маше. Когда Ксения, страдающая с детства врожденным пороком сердца, скоропостижно скончалась, Герману пришлось взвалить на свои плечи заботы о дочери, наняв ей высококвалифицированную няню, попутно выстраивая свою империю туристического бизнеса. С тех пор, как горячо любимая сестра покинула этот свет, мозг Германа не переставал работать ни секунду. Даже ночью Соболев не видел покоя, постоянно проворачивая в уме какие-то сложные деловые комбинации, сдабривая все это бесконечной тоской по умершей сестре, заменившей на столь короткий период своей племяннице мать.

Наталья Марковская и помыслить не могла о том, что любовник не питает к ней романтических чувств, посему не обращала внимание на демонстративное игнорирование своей персоны Машей, и пыталась найти ключик к сердцу Германа, а так же к той самой обеспеченной жизни, о которой грезила амбициозная девушка. То, что Наталия ни как не может найти общий язык с его дочерью, самого Соболева мало волновало: явной вражды между Машей и подругой не было, а вежливо-отстраненный нейтралитет, который хранили обе стороны, его вполне устраивал.

Маруся, вытащив из кармана презерватив, с чрезвычайным интересом поднесла его к глазам, собираясь надорвать блестящую упаковку:

– Папуля, это мне, шоколадка???

Наталья хмыкнула, снимая с себя дублёнку, а Ольга, поспешно выхватывая презерватив из руки воспитанницы, заулыбалась, подмигивая девочке:

– Маша, а кто-то зубки уже почистил!!!

– Дай, дай, я съем, и вырасту как Алиса из Страны Чудес! – закричала Маруся, собираясь отобрать желанную «шоколадку» у няни, но Соболев, чертыхаясь про себя, гневно сдвинул брови на переносице.

– МАНЯ, не серди меня! Ты должна давно быть в постели! – Герман щелкнул дочь по носу и ласково погладил по волнистым волосам.

– Ладно, обещай, что купишь мне собачку! Тогда пойду спать! – капризно заканючила Маруся, дергая отца за руку. – Щенка, мопса, я видела его во сне, его звали Путя!

– Хорошо, что не Путин! – схохмил Соболев, делая страшные глаза.

– Машенька, пойдем в постельку!!! – домработница попыталась взять девочку за руку, но та, сердито выдернув ее, намотала колбаску из волнистых волос, а затем, высвободив палец, стала самозабвенно жевать свои кудри, ожидая ответа отца.

– Ну, все, я рассердился, а когда я сержусь, я могу съесть таких маленьких детей!!! Таких вот худеньких и непослушных!!! – прорычал Герман, оскалив зубы, и урча, словно настоящий тигр.

– Ой, боюсь, боюсь!!! – взвизгнула Маруся и, шлепая босыми ногами, побежала в сторону своей спальни, находящейся на втором этаже двухуровневой квартиры Соболева. Ольга бросилась вдогонку за девочкой, и Наталья облегченно вздохнула, взъерошивая наверх копну светлых волос, приподнимая их растопыренными пятернями ладоней от корней до кончиков.

– Черт, как я устал! – раздраженно бросил Соболев, снимая ботинки и небрежно отшвыривая их прочь. Голова раскалывалась на части, хотелось курить.

– Дорогой, – Наталья немного отошла после трагедии, и теперь ее лицо окрасил живой хотя, и немного лихорадочный румянец. Она обвила шею любовника руками и, прижимаясь к нему бюстом, поцеловала в губы, щекоча блестящей челкой.

– Ната, принеси мне выпить! – распорядился Соболев, не отвечая на ласки любовницы. Наталья, послушно кивнув, сняла высокие сапоги на шпильке и, не обувая тапок, прошество-

вала на кухню, покачивая бедрами. Герман не настроен был на любовные прелюдия, но оценил подтянутую попку Марковской, обтянутую черной короткой юбкой.

– Чертова кукла! – выругался он на нее, яростно стаскивая с себя пиджак и бросая его небрежным жестом на диван. – Надо было отдать ее в автошколу, а не покупать права!

– Не разбавляй! – скомандовал он Наташе, проходя в огромную кухню-студию, даже не глядя на девушку, возившуюся у барной стойки. Развалившись на диване, Соболев вытянул ноги и, сцепив руки в замок, хрустнул пальцами. Вопрос с мужиком, которого сбила Наташа, нужно было решать в считанные секунды. В его планы вовсе не входило разбирательство с ментами. На носу предвыборная кампания, и светиться в криминальной хронике ему явно было не с руки.

– Герман, – Наташа присела рядом, вкладывая стакан с виски ему в руку, – Я боюсь! Вдруг меня посадят?

– Наташ…

– Понимаешь, я сама не знаю, как все произошло! – Наталья нервно кашлянула, отбрасывая непослушную челку со лба. Глаза ее увлажнились, во рту пересохло, а губы стали сухими и непослушными. – Он… я не видела, как он переходил дорогу, клянусь, милый, его там не было, он…

– Заткнись ты! – Соболев раздраженно нахмурился, хлопнув любовницу по коленке.

–Нас там не было!! Нас просто там не было! Мои люди все разрулят, Натах, не пыли! После вечеринки мы сразу поехали домой, слышишь? – Соболев, отхлебнув виски, крепко сжал колено девушки, затянутое в лайкру, оставляя на нем белесые следы.

– Чтобы никогда, слышишь, НИКОГДА, не напоминала мне об э том, ясно???

– Да, да… я никогда.. мы сразу домой, – пискнула Наташа, поморщившись: рука Соболева сдавила ее колено с такой силой, что ей потребовалось немало мужества, что бы не вскрикнуть от боли, тем самым нервируя и без того взвинченного любовника. Она прекрасно понимала, что сама виновата во всем. Это она уговорила Германа разрешить ей сесть за руль и отпустить водителя, а ведь останься Никитос, ничего ровным счетом бы не случилось.

Соболев ослабил хватку, выпуская колено Натальи и она, потирая ушибленное место, с тревогой смотрела, как Герман залпом опорожняет стакан виски.

– Дорогой, можно вопрос? – Наташа просунула ему под рубашку обе руки и блаженно зажмурилась, едва лишь кончики пальцев ощутили прохладную на ощупь кожу любовника.

– Нет! – отрезал Герман, процедив ледяным голосом: – Руки убери, сладкая!!!

– Ещё виски? – Наталья, отдернув руки, закусила предательски дрогнувшую губу. Вопрос, вертевшийся на языке, что будет с телом, так и остался незаданным. Не дождавшись ответа от Соболева, смотрящего злым и неподвижным взглядом в одну точку, Наташа на негнущихся ногах поднялась с дивана, забрала у Германа стакан, дошла до стойки, плеснула изрядное количество виски, залпом, по-мужицки, даже не морщась, запрокинула содержимое к себе в горло. Проглотив, она налила новую порцию и принесла его Герману. Не решаясь сесть рядом, она осталась стоять подле него, переступая с ноги на ногу. Соболев же медленно пил виски, глядя пустым взглядом поверх стакана. Молчание затянулось. Наташу начала колотить нервная дрожь. Весь ужас, пережитый на дороге, вновь охватил ее. Хотелось заплакать, закричать, а еще лучше, стремглав броситься к маме, спрятаться в подоле ее юбки, зарывшись в нее словно маленькая девочка, но бежать было не куда, мать находилась в далеком Северодвинске, а перед ней сидел мужчина всей ее жизни, в автомобиле которого она сегодня сбила человека. Наташа никогда не видела Соболева таким выбитым из колеи и раздраженным, и она не знала как ей вести себя с этим непредсказуемым, взрывоопасным человеком, именно за эти качества и любимым ею. Не известно, сколько и дальше продлилось бы напряжённое молчание, если бы в кармане брюк Соболева не зазвонил мобильный телефон.

– Слушаю! – отчеканил Герман, отвечая на звонок. –Да…Добро! Отлично! Завтра отчет мне кто он и что он! Тачку на мойку! Все, отбой!

Наташа, сдерживая судорожные икания, во все глаза таращилась на любовника, а он, отшвырнув мобильник на диван, запрокинул голову и, вытянув руки, еще раз хрустнул пальцами.

– Ну, вот и все! – холодно резюмировал он, залпом допивая виски. – Вот и все!

–Дорогой… – Наташа осторожно присела на краешек дивана рядом с Соболевым, как прилежная ученица, складывая руки на коленях. Она была напряжена до предела, а тот, мрачно ухмыльнувшись, накрыл своей ладонью руку Наташи.

– Наташка, все в порядке! – только и сказал он, задумчиво хмурясь.

– Герман?

– Все, я сказал, в порядке! – Соболев в ярости хватил стаканом об пол, освобождая себя негативной разрядкой из состояния оцепенения. Наталья заворожено смотрела на осколки, а потом перевела взгляд на Германа. Сердце застучало как сумасшедшее, перед глазами поплыли разноцветные круги.

– Они избавились от тела? – глухим, каким-то чужим голосом спросила Наташа, едва шевеля губами и, уже теряя сознание, проваливаясь в спасительное забытье, услышала гудящий, будто церковный колокол голос Соболева: – Нет тела, нет и улики!

***

Наташе не спалось. Герман, заняв едва ли не всю кровать, спал, по всей вероятности, безо всяких сновидений, забросив ногу на любовницу, придавливая ее весом своего тела. Марковской вот уже минут пятнадцать как нестерпимо хотелось в туалет, но потревожить чуткий сон любовника она не решалась. Ей было хорошо и спокойно рядом с Соболевым. Тяжесть его ноги, лежащей у нее на животе, приятным и сладостным грузом возбуждала и будила в девушке самые разнузданные желания. Ей хотелось разбудить его, заняться с ним любовью, чтобы в его объятиях хотя бы на несколько часов забыться и отвлечься от недавнего ночного кошмара. Наталья боялась заснуть, зная, что ей непременно будет сниться этот убитый мужчина, труп которого до сих пор стоял у нее перед глазами. В спальне царила темнота, в которой отчетливо светились яркими цифрами большие электронные часы на тумбочке рядом с Германом. На часах было половину третьего ночи. В туалет хотелось совсем уже непереносимо. Наталья сделала попытку выбраться, но Соболев, недовольно всхрапнув во сне, забросил на шею девушки свою руку, блокируя тем самым малейшую возможность вылезти из-под него. Застонав про себя, Наташа закрыла глаза, и, чтобы не думать о ночном кошмаре, принялась вспоминать самые лучшие моменты их с Германом романа. Вот он, немного надменный и властный, первый раз приглашает ее к себе домой, а вот дарит букет нежно-кремовых роз, сообщая, что они завтра вылетают в Доминикану…Она, безусловно, любила Германа, любила всем сердцем, безо всякой примеси меркантильности или каких либо иных прагматичных интересов. Соболев стал для Марковской ее тайной мечтой, наваждением. Наталья, не желая замечать всю несерьезность Германа к ее персоне, продолжила грезить о будущей свадьбе, а ее богатое воображение услужливо рисовало завораживающие картины свадебного переполоха. С самого детства Наташа грезила о чем-то несбыточном. В школьные годы маленькая Наталья училась с серединку на половинку, и подавала надежды в секции плаванья. Тренер пророчил ей спортивную карьеру, но в большой спорт ее так и не отдали, а вскоре сама девочка потеряла к этому делу интерес, сменив купальник и шапочку пловца на теннисную ракетку. Окончив школу, она поступила в один из столичных ВУЗов на экономическое отделение, а по сдаче диплома, встала на биржу труда, где и получила новую профессию секретаря-референта, ибо после выпуска работу по специальности она так и не нашла. Встреча с Германом произошла на очередном этапе собеседования в его туристическом агентстве. Пройдя интервью, она и не надеялась, что

ее примут на работу, но тем не менее вечером того же дня Соболев сам лично позвонил ей на мобильный и сказал о том, что компания остановила свой выбор на ее кандидатуре. Отношения у секретаря и владельца туристического агентства завязались к концу первой трудовой недели Наташи, а спустя три месяца она уже находилась в статусе официальной любовницы своего шефа. Соболев не являл собой классический образчик верного любовника, напротив, менял своих мимолетных пассий как перчатки, что, впрочем, и не думал скрывать от Наташи, сразу же поставив ее перед фактом, что бы она и не думала помышлять о том, чтобы узурпировать его свободу и независимость. Марковская без памяти любила Германа и мирилась с его изменами, ведь фактически она продолжала быть с ним, тогда как на ее месте мечтали бы оказаться многие девушки из окружения ветреного бизнесмена.

Погрузившись в воспоминания, Наталья не заметила, как заснула. Ей снился чудесный сон. Вот она, воздушная и легкая, в белом развевающемся платье, босиком идет по воде, а теплый безбрежный океан нежно ласкает ступни ее ног. Сердце Натальи полно радости и трепещет от счастья: рядом не было ни единой живой души, лишь бесконечная полоска длинного и пустынного пляжа, да отблески солнца на спокойной лазурной водной глади. Она продолжает идти дальше, и неожиданно натыкается на девушку: та сидит у самой кромки воды, спиной к Наташе, обхватив руками колени. Наталья хочет обойти девушку, но она внезапно разворачивается и ее горящий взгляд пронзительных глаз проникает Марковской в самую душу, обжигая огнем пророчества, светящегося в ее взгляде. Несколько секунд они, не мигая, смотрят друг на друга. Наталья ощущает мистический холод, исходящий от рыжеволосой красавицы. Волна неподконтрольного страха, первобытного и панического, охватывает Наташу. Она хочет бежать от этой странной девушки без оглядки, но не может сдвинуться с места, а та продолжает держать ее взглядом, и от этой игры в гляделки вся кожа Наташи покрывается противными гусиными пупырышками. По спине пробежал холодок, словно кто-то погладил ее ледяной когтистой лапой. Наташа, понимая, что это всего лишь сон, делает над собой невероятное усилие и присаживается рядом с рыжеволосой. «Кто ты и что тебе от меня нужно?» – но вопрос так и остается в ее голове.

– Скоро ты потеряешь Его… – тихим пророческим голосом, чеканя каждое слово, произносит рыжая, откинув назад свою роскошную гриву волос. Яркое солнце вызолотило стремительный полет огненного облака, а шаловливый южный ветер заблудился в ее волосах, принимаясь играть с ними, словно кокетничая.

– Кого, «его»?? – холодея душой, шепчет Наташа: заплетающимся языком ей с великим трудом удается произнести эту короткую фразу. Силы, которые она затратила на свой вопрос, столь велики, что в буквальном смысле лишили Наталью возможности двигаться. Ослабевшая, ставшая в миг безвольной и неподвижной, она пытается схватить ту, с чьих уст срываются пугающие предсказания, но Наташа понимает, что не в силах пошевелить даже пальцем.

– Его! – с некой грустинкой в голосе, улыбается рыжеволосая, поднимаясь с места, одергивая полы полупрозрачной туники. – Его… – повторяет она, и медленно направляется прочь под аккомпанемент тревожных криков чаек. Наталье хочется, во что бы то ни стало остановить ее, не дать уйти, но вместо этого сквозь пелену слез, застилающих глаза, обреченно смотрит, как силуэт рыжеволосой исчезает в дрожащей дымке раскаленного воздуха.

– Его? КОГО ЕГО??? – собрав всю силу воли в кулак, кричит Наташа ей в след, и, коротко вскрикнув, просыпается в спальне Германа Соболева, чья нога по-прежнему пригвождает ее к постели…

* * *

Проснулась Мэрилу от тоненького голосочка девочки, окликнувшей ее: «Мама, я писать хочу!». Сон как рукой сняло: то же купе, вчерашний ребенок на соседней полке. «Я-то, наивная, подумала, что мне все это приснилось!» – подумала девушка, принимая вертикальное

положение. Сон был до реалистичности реальным и таким близким. Ей снился ее родной мир, Гирманчи, поляна, залитая солнечным светом рядом с домом ее опекуна и наставника, где она ежедневно тренировалась на мечах. Стряхнув с себя сонное наваждение, она, распахнув занавески, мельком взглянула за окно. За окном давно рассвело; мелькали пейзажи в образе деревьев, укутанных снежным покрывалом, поверху тянулись какие-то странные бесконечные провода.

– Потерпи, доченька, сейчас мы сходим, пописаем!!! – нежно проворковала она, вскакивая и наспех одеваясь в свитер, принадлежащей Марине и ее узкие, сшитые из непонятного материала, брюки. – А потом покушаем! – она подмигнула, застегивая «молнию» на ботинках.

– Ну, с добрым утром. Скоро приедем!!! – Мэрилу засмеялась, подхватила девочку на руки, и принялась одевать ее, размышляя над тем, что совершенно не знает о чем и, главное, как ей разговаривать с малышкой. Не имея ровным счетом никакого опыта общения с детьми, тем не менее, она, повинуясь инстинкту, задала верный тон в разговоре с ребенком. Ведь не секрет, что во всех временах и измерениях голос любящей матери схож по тембру своего звучания, а что до освоения сленга или фирменных словечек, которые в каждой семье отличаются между собой, так это дело времени. Аня реагировала на Мэрилу точно так же, как смотрела бы на свою собственную мать, исчезнувшую прошлой ночью, доверчиво, чуть капризно и трогательно, и Мэрилу, знавшая девочку каких-то несколько часов, не придала значение ее внимательному и слегка удивленному взгляду.

«Надо найти, где тут справляют нужду!» – прижимая малышку к себе, вдыхая запах вымытых детским шампунем волос, она открыла дверь в коридор. У окна, неподалеку с ее купе, стоял какой-то мужик и курил, мимо, не поздоровавшись, профланировала вчерашняя проводница, неся сразу несколько кружек с дымящимся чаем.

«Ну, не буду же я спрашивать, люди, где тут у вас нужник???» – Мэрилу осенило. Она спустила девочку на пол: та, быстро-быстро перебирая маленькими ноками, побежала в конец вагона, и Мэрилу ничего не оставалось, как пойти за ней. Очутившись недалеко от места телепортации, девушка зябко поежилась. Видение мертвого Гирманчи всплыло у нее в мозгу, ей стали кругом мерещились обугленные стены, а запах гари стал совсем уже очевидным.

«Главное, без паники!» – подумала Рыжая, надавив на ручку, толкая внутрь маленького узкого помещения, где по счастливой случайности оказалось не заперто. Пропустив вперед девочку, она зашла следом и, обозрев конструкцию двери, защелкнула ее на замок. Нужник был какой-то странный, каких ей еще видеть не приходилось, но ситуацию разрешила Анечка, поднявшая на мать большие миндалевидные глазенки:

– Ма-ам, постели бумажки!!!

Мэрилу заметила рулон мягкой бумаги, висящий рядом с нужником, и, отмотав приличную полоску, положила ее сверху унитаза, усаживая на нее девочку.

«Главное, не вызвать подозрений!!!» – она помыла руки в умывальнике, который оказался по счастливой случайности почти такой же, как и в ее мире.

– Ма-ам, а зубы чистить??? – попрекнула ее Анечка, ловко спрыгивая с унитаза.

– Некогда, доченька, потом! – отмахнулась Мэрилу, безо всякого стеснения, спустив джинсы и облегчившись. «Откуда я знаю, чем вы тут зубы чистите!».

– Пойдем, малышка?! – она открыла дверь и, выйдя из туалета, наткнулась на худенькую молодую девушку, стоящую около туалета с полотенцем через плечо.

– Вы слышали же? Ночью в тамбуре человека обгоревшего нашли!?? – в голосе ее было столько неподдельного восхищения, что Мэрилу недовольно поморщилась. «Странные все-таки люди, обожают, когда рядом происходит какое-то несчастье!». Ее покоробил оживленный тон блондиночки, а тоска по Гирманчи едва не спровоцировала ее на слезы, которые она мгновенно осушила усилием воли.

– Да, слышала!

– Говорят, что его облили бензином, а потом подожгли! – ничуть не обескураженная таким односложным ответом, затараторила блондинка. – Видели? Там даже стены погорели! Слава Богу пламя как-то само собой потухло, а то весь состав бы сгорел к едрени фени!!!

«К едрени фени.. так-так, надо запомнить выражение на всякий случай!», -решила про себя Марина, держа девочку за руку.

– Нас всех полиция допрашивала! Наверное, из другого вагона преступник был, а то и вовсе спрыгнул с поезда! Нет, ну страсти-то какие!!! – взахлёб трещала блондинка, прислоняясь к дверному косяку.– Надо же, прокатились, словно в кино!!! – синие глаза девушки сверкали неподдельным ажиотажем, что чертовски рассердило Мэрилу.

– А ведь он, скорее всего, чей-то сын, отец, или брат!!! – укорила ее она и распахнула дверь в коридор, оставляя блондинку с обескураженным лицом в состоянии полной прострации.

В купе она посадила девочку на полку, а поцеловав в щечку, а сама принялась исследованием сумки Марины, сетуя на себя за то, что это ей надлежало сделать еще до того, как она заснула.

«Необходимо рассмотреть ее вещи, ведь каждая из них может быть отгадкой!!»

Мэрилу старательно делала вид, что она что-то ищет в сумке, вытряхнув содержимое на свою полку: свитера взрослый и детский, тапки, какие-то блузки, странной формы кофты, носки, рейтузы, тюбики с непонятным содержимым, плюшевый мишка, баллон….

Не найдя ничего полезного, Мэрилу стала торопливо запихивать все назад, упаковав туда же и свою тунику, с которой она не рассталась бы ни за что на свете, ведь эта была единственная вещь, напоминавшая Мэрилу о ее потерянном мире.

– Ма-ам, что ты ищешь? Моего мишку?

–Да, доченька, мишку!!! – она сунула девочке в руки плюшевую игрушку, запихала оставшиеся вещи в сумку, перевела дух, и еще раз мельком глянула за окно. «Где-то около восьми часов утра!!» – прикинула в уме Мэрилу, вздрагивая от негромкого стука.

– Поднимаемся, доброе утро! Через полчаса Москва!!! – услышала она голос проводницы.

– Спасибо! – ответила Рыжая, не открывая дверь. Предстояла сложная задача – одеть ребенка и утеплиться самой, но как одевают малышей в этом мире, она не знала.

Девочка, пытливо таращась на «мать», словно сомневаясь в ее подлинности, выудила с небольшой полочки с сеткой над ее полкой свои колготки, рейтузы и, сняв штаны от пижамы, стала сосредоточенно напяливать на себя колготы.

– Дай-ка я помогу тебе! – ласково произнесла Мэрилу, придав голосу заботливые чарующие интонации. «Наверное, сверху надо рейтузы! Так, вот какая-то короткая туника, судя по всему, надеваются под низ теплой вещи! Так, сверху свитер, теперь шапку, шарф, шубку, сапожки…Нет, какая я молодец, пока все идет по плану!!!» – похвалила себя Мэрилу, любуясь результатом своих трудов. Аня во все глаза удивленно смотрела на мать.

– Мамуля, мне жарко!!! – плаксиво протянула она, прижимая к себе мишку, и сердце у Мэрилу защемило от нежности. «Маленький ребенок, потерял свою мать! Я не знаю где ее отец и кто он! А ведь мне придется играть роль покойной Марины! Ничего, все будет хорошо, малыш! Раз уж мне суждено стать твоей мамой, я стану ей! Как же хорошо, крошка, что ты не видела горящего тела собственной мамы!» – на глазах Мэрилу заблестели слезы. Прижав девочку к себе, она поправила на ней шарф и вдруг услышала приятную мелодию, доносившуюся из Мариниой сумочки.

«Князь тьмы, что это???» – перепугалась она, изо всех сил сохраняя невозмутимое выражение лица.

– Ма-ам, телефон!!

«Что же делать???!» – Мэрилу стала копаться в маленькой сумочки, извлекая из нее заливающуюся мелодией какую-то странную трубку. Эта самая трубка вибрировала в руках и издавала приятные уху переливчатые трели. Мэрилу догадалась, что это аналог обычного телефонного аппарата, который стаял в каждом доме в мире, откуда была родом она, но тот телефон работал от розетки, а этот, беспроводной, продолжал дергаться и издавать звуки. Раскрыв трубку, Мэрилу увидела светящуюся панель, которая озарялась голубоватым светом, на фоне которого черными буквами было написано: «Сестренка».

«Где тут кнопка? Куда наживать?» – Мэрилу в панике тыкала по всем кнопкам, а потом, собравшись с мыслью, нажала на зелененькую, с изображением трубки. Прижав ее к уху, она услышала женский звонкий голос:

– Маринка, я уже на вокзале, стою на перроне, десять минут и мы увидимся! Я так соскучилась!!!

– Привет, сестренка! – осторожничала Мэрилу, придав голосу свойские окраски.

– Маринка, билеты я нам на Калининград взяла, завтра вечером улетаем! ВСЕ! Жду, Анютика поцелуй от меня! Все, до встречи! – протараторила «сестра» и в трубке раздались короткие гудки. Поезд, немного замедлив ход, все так же ритмично перестукивал колесами, пейзаж за окном сменился, и вместо деревьев, украшенных снежными шапками, мелькали странные конструкции и дома.

«Нда, ситуация!!!» – уныло подумала Мэрилу, страшась встречи с Мариниой сестрой, как в дверь снова постучали.

– Марина Игоревна, это Прохоров!

«Принесла нелегкая!» – Рыжая открыла дверь, впуская лейтенанта. Евгений Миронович, войдя в купе, широко улыбнулся Ане.

– Мариночка, – вдруг ни с того ни с сего ляпнул Прохоров, скатываясь на фривольный, даже кокетливый тон в обращении к пассажирке, которая не выходила у него из головы весь остаток ночи. – Разрешите поблагодарить Вас за помощь следствию…

– Да я же ничего не сказала – пожала плечами Мэрилу, но Евгений лишь махнул рукой, снимая фуражку, и тот час, принимаясь вертеть ее в руках. Он не хотел, что бы девушка исчезла из его жизни, пусть даже замужняя, с ребенком на руках. Понимая всю абсурдность своего поведения, он выглядел раскрасневшимся школьником, собирающимся пригласить понравившуюся девчонку на первое свидание. Опомнившись, он сдвинул брови домиком, все так же сжимая фуражку, и строгим голосом, смягченным немного романтичными интонациями, попросил:

– Марина Игоревна, Вы можете понадобиться следствию, пожалуйста, оставьте номер своего телефона!

«ЧТО? О, князь тьмы спаси меня!!!» – Мэрилу в панике плюхнулась обратно на свою полку. Номер Мариниого телефона, она, при всем желании, сообщить этому симпатичному лейтенанту не могла, но все-таки она выкрутилась, ловко выходя из положения:

–Евгений, простите, забыла отчество, да, Миронович, видите ли, мы с сестрой завтра улетаем в Калининград.

Прохоров явно расстроился. Это читалось на его погрустневшем лице. Все шло в разрез с его планами, ведь он собирался вечером пригласить Марину на встречу под предлогом дачи показаний.

–А давайте я сам позвоню с Вашего мобильника, и у меня отпечатается Ваш номер? – Предложил он, ругая себя за то, что ему до смерти хочется прикоснуться к телефону, который принадлежал загадочной рыжеволосой Марине. Догадываясь, что выглядит полным дураком в глазах девушки, тем не менее, принял у нее из рук телефон и, набрав свой номер, дал пару сигналов, а затем, вернул мобильник обратно хозяйке.

– Спасибо, ну, не смею задерживать! – скомкал он разговор, внезапно застеснявшись и, нахлобучив фуражку, поспешно ретировался, оставив Мэрилу недоуменно хлопать глазами. Поезд тем временем, прогудев, стал подъезжать к платформе. В окне замелькали лица встречающих.

– Москва, Москва, ура! – ликовала Анечка, спрыгивая с полки. Мэрилу слышала, как гулко колотится ее сердце. Жизнь стремительно набирала обороты, преподнося сюрприз за сюрпризом. Запаниковав, она сделала глубокий вдох, а затем медленный выдох, выравнивая дыхание. Дверь в купе была открытой и Мэрилу увидела как люди, нагруженные чемоданами и сумками, потянулись к выходу. Состав остановился. Пейзаж за окном остался неподвижным. «Приехали!!!»

Она подхватила сумку, перекинув ее через плечо, взяв девочку за руку, вышла в коридор. Едва она спрыгнула на платформу, как тот час упала в объятия высоченной тёмноволосой девицы.

– Маринка, Анютик!!! – завизжала она на весь перрон, оглушив Мэрилу.

– Тетя Катя!!! – в тон ей взвизгнула Анечка, выронив мишку на платформу.

– Ух, ты моя красотуля!!! – названная именем Катя, легко, как пушинку, подхватила девочку на руки, и, властно блестя глазами, скомандовала:

– Целоваться будем в машине! ВПЕРЕД, ДЕВЧОНКИ!!!

Мэрилу, чьи уши уже пощипывали от мороза, деланно улыбалась, изображая бурную радость. Катя, разбрызгивая вокруг себя смех и веселье, полная предвкушением предстоящей поездки, направилась к выходу из вокзала, а Рыжая едва поспевала за ней, волоча на себе тяжеленную дорожную сумку.

– Антоха как? Все так же впахивает? Ух, Анютик, как ты выросла! Маринка, ты по-прежнему не носишь шапки! В Калининграде по прогнозам дубак! – как заведенная сыпала словами Катя, бодро спускаясь по ступеням, не давая вставить ни слово «сестре».

– А у нас такой мороз завернул под утро! Маринка, ты выспалась? Я ненавижу поезда! Вы голодные?

– Я кушать хочу! – требовательно напомнила о себе Анечка, крепко обхватив Катю за шею.

– Так, сейчас-сейчас, я машину припарковала недалеко, надеюсь, на эвакуаторе не увезли…

«Тысяча слов в минуту!» – уныло думала Мэрилу, не успевая за словесным потоком Катерины. «Главное прояснить ситуацию и как можно больше узнать подробностей из жизни Марины. Антон ее муж. Это мы уже знаем!!!»

Катерина подошла к серебристому «Опель Корса» и, квакнув сигнализацией, распахнула заднюю дверь, усаживая на сидение племянницу.

– Так, Маринка с дочей назад! Ну-ка дай-ка сюда свою авоську! Это что, всемирное переселение? Куда ты шмотья набрала, а, тряпичница! – она буквально сорвала с Мэрилу сумку, и, открыв багажник, с быстротой фокусника, засунула ее внутрь. Мэрилу ничего не оставалось, как сесть на заднее сидение рядом с девочкой. Катя, усевшись на переднем сидении водителя, вставила ключ в зажигание и вдруг хлопнула себя по лбу:

– Маринка, черт, посидите тут, я Валерке сигареты забыла купить, сейчас до магазина метнусь, я мигом!

Она пулей выскочила из салона, оставив приоткрытой дверь. Мэрилу, оглушённая встреча с «сестрой», перевела дух и расширенными глазами посмотрела вокруг в окно автомобиля. Мир, незнакомый, загадочный, таинственный и страшный, шокировал ее высотой зданий, обилием автомобилей и какофонией звуков. Подхваченная «торнадо» по имени Катерина прямо на перроне, она неслась вслед за быстроногой Катей, и у нее не было времени оглядеться

по сторонам, зато теперь, радуясь минутной передышке, она с замиранием сердца рассматривала прохожих, машины, здания.

«Странный, право слово, странный мир. Все вокруг такое… ДРУГОЕ, даже небо и то отличается от нашего: низкое, набрякшее и серое!!!»

Отвернувшись к окну, она не услышала, как быстро распахнулась соседняя дверь машины и какой-то мужчина в надвинутой на глаза вязаной шапке, уселся рядом с ней, а другой, в черной куртке и кепке с козырьком, запрыгнув на водительское место, лихо газанул с места. «КТО ЭТО?» – шальной мыслью мелькнуло у нее в голове. Аня, испуганно вскрикнув, заплакала, а Мэрилу, подпрыгнула на месте, почувствовав, как в бок ей уперлось что-то твердое.

– Не дергайся, сука, иначе пристрелю!!! – процедил ей в ухо мужик в шапке, и еще сильнее ткнул в бок…

Мэрилу боялась даже шелохнуться, застыв в напряжении, ощущая металлический и твердый предмет, упирающейся ей в бок. Мысль о том, кто эти люди и что им от нее надо билась у нее в голове, мешая сосредоточиться на сложившейся ситуации. Рыжая понимала одно: по странному стечению обстоятельств она вместе с дочерью погибшей Марины встряла в какую-то дурно пахнущую историю, ибо по напряжению, витавшему в салоне «Опеля», было очевидно, что у мужчин, угнавших автомобиль, явные проблемы с законом. Аня, которую как котенка за шкирку, отбросили к дверце, испуганно забилась в угол машины и беззвучно плакала. От ее всхлипываний, девушка очнулась, выходя из состояния анабиоза, и мозг Мэрилу заработал с точностью вычислительной машины, просчитывая всевозможные варианты. Она знала, если на пути к спасению нужно будет убивать, она, не раздумывая, уничтожит любого, кто встанет у нее на пути. Рыжая начала восстанавливать дыхание, делая ровные вдохи и выдохи, выравнивая ритм биения сердца, концентрируясь лишь массивном затылке сидящего впереди мужчины. Страх постепенно трансформировался в непоколебимую уверенность, а из нее, как следствие, стали выстраиваться различные способы выхода из кажущейся на первый взгляд тупиковой ловушки. Очевидно одно – пока они находятся в салоне мчащегося по дороге автомобиля, а за окнами мелькают здания, Мэрилу не в состоянии, что-либо предпринять. Остается ждать удобного момента, когда она не будет ощущать себя заложницей, почувствует под ногами твердую землю, а угонщики окажутся в более привычной для себя обстановке, доехав до точки назначения.

«Убей или умрешь сама!» – под таким девизом воспитывал Гирманчи свою подопечную, вкладывая в нее бойцовские качества. Мобилизовав свою волю, она уже не думала ни о чем, кроме предстоящей «операции». Мозг ее работал с точностью вычислительной машины. Просчитывая ситуацию наперед, Мэрилу предполагала, что Катерина, лишившись автомобиля, непременно заявит в розыск, забив тревогу, так как это будет вполне логичным, ведь сама «Марина» по ее мнению не способна на угон транспортного средства собственной сестры, а это значит, что их будут непременно искать. Хотя, недооценивать похитителей Рыжая вовсе не собиралась, догадавшись, что они попытаются избавиться от автомобиля, а заодно и от них, как от ненужных свидетелей. Девушка, абстрагировавшись от боли в боку, причиняемой металлическим предметом, продолжила строить всевозможные догадки, отыскивая более или менее подходящую линию поведения бандитов. Ни она, ни девочка никакой ценности для них не представляет, автомобиль тоже не является целью похищения, потому, как захоти они умыкнуть машину, они бы сделал это безо всяких заложников. Значит предпочтительнее всего рассматривать ту ситуацию, в которой угонщики воспользовались припаркованным на линии их бегства «Опелем», как средством ухода от возможной погони. Других вариантов Мэрилу, как ни старалась, не придумала. Оставалось одно ждать, а заодно попробовать установить контакт с угонщиками. Служительница темных сил, она была прекрасно подготовлена как физически, так и морально, поэтому, облизнув пересохшие губы, Мэрилу, стала зондировать почву, делая

осторожные шажочки. Медленно повернувшись в сторону сидящего рядом с ней мужчины, она тихим и спокойным голосом поинтересовалась:

– Ну и куда мы едем, мальчики?

Тон ее был выдержанный, безо всякого намека на истерику. Она хотела, что бы ее спокойствие и уверенность передались Ане, потому, как другого способа успокоить плачущую девочку ей не предоставлялось.

– Сиди спокойно, если жить хочешь! – рявкнул сидящей рядом с ней и еще сильнее надавил дулом в бок. «Главное не поддаться панике!» – рассудочно подумала Мэрилу, окончательно приходя в себя. Она знала, что сумеет противостоять этим бандитам, если, разумеется, на месте назначения их не будут ждать подельники. Тогда, в самом противном случае, ей придется прибегнуть к самым радикальным мерам: к убийству.

– А что мне не жить-то, – Мэрилу постаралась, что бы ее голос звучал трезво, без малейшего намёка на истерику. Тем самым она надеялась озадачить своих похитителей.

– Убивать меня и девочку Вам не представляет никакого интереса! Только проблем с законом не оберетесь. Допустим, Вы нас отпускаете. Натравливать на Вас представителей власти у меня нет резона! – Она тщательно подбирала каждое слово, продвигаясь, словно по минному полю. – Я приехала отдыхать, а не давать показания властям! Интереса для Вас я и моя дочь не представляем, значит, у меня лишь одна догадка – Вам нужно было, во что бы то ни стало улизнуть, а поскольку на Вашем пути оказалась я в открытой машине, то Вы не придумали ничего лучше, как угнать ее! Повторяю, смысла мне связываться с властями никакого нет, машина эта не моя, а сестры, так что разумнее будет нас высадить прямо здесь на дороге, и угоняйте вы эту машину сколько Вам влезет! – закончила выстраивать свои логические догадки Мэрилу, мысленно поставив себе отметку «отлично». Она совершенно не владела современной терминологией и московским слэнгом, но преступники, кажется, ничего подобного не заметили.

– Во дает, мля, Сивый, ты посмотри на нее!!!

– Захлопнитесь там, оба, Дрон! – рявкнул Сивый, прибавляя скорость, сворачивая в какой-то переулок.

– И перестаньте тыкать меня в бок! Я не собираюсь выпрыгивать на полном ходу! – таким же ровным тоном попросила Мэрилу.

– Может правда, сольём ее? На хрена нам заложники? – Дрон машинально опустил руку с пистолетом. – Зачем бабе с ребенком по ментовкам таскаться? Тем более, точила и правда не ее!

–Мля, выруби ты эту суку! – зло окрысился Сивый, матерно выругавшись, едва успев проскочить на зеленый свет. – Ехать еще около часа, если эта сучка будет продолжать ездить мне по ушам, я за себя не ручаюсь!!! –озверевшим голосом прохрипел Сивый, лавируя в потоке машин по запруженной дороге.

– Да лан тебе, Сивый, мы сорвали не плохой куш! Бабло при нас, приедем на базу, и…

Но договорить Дрону не удалось. Выйдя из себя, Сивый, ослабив контроль над дорогой, выпустил руль, круто развернулся и изо всех сил обрушил увесистый кулак на голову Мэрилу. Анечка громко вскрикнула, а Мэрилу, обмякнув на сидении, потеряла сознание, погрузившись в кромешную тьму…

Очнулась Мэрилу от того, что ее сильно тошнило. Удар был сокрушительно силы и вырубил девушку минут на двадцать, лишив сознания, и теперь, придя в себя, она обнаружила, что обмякшей куклой лежит на заднем сидении машины, несущейся на огромной скорости. Мыслей никаких не было, голова гудела после удара как церковный колокол. Мэрилу попыталась раскрыть глаза, но тот час почувствовала новый приступ тошноты.

«Необходимо восстановить баланс в организме и подготовиться к решительной битве!» -девушка обессилено вздохнула полной грудью, ощущая, как все вокруг плывет и кружится в сонме разноцветных всполохов. Выжидать и дальше было нельзя. Любое промедление могло стоить ей и Ане жизни, а то, что после загадочного исчезновения Марины на ней лежит ответственность за судьбу девочки, не подлежало никакому сомнению. Аня не должна узнать о том, что ее матери больше нет в живых, а то, что Марина погибла, было для Мэрилу очевидным фактом, не требующим особых доказательств. Слишком многое было поставлено на кону, что бы Марина Самойлова осталась жива. Похитители, вне всяких сомнений, являлись социально опасными элементами для общества, и, в первую очередь, для них с Анечкой, но рубить с плеча, не дождавшись нужного момента, не входило в планы Мэрилу. Управлять автомобилем она не умела. Даже если взять и нейтрализовать преступников прямо в салоне, то перед ней встанет новая проблема: как выбраться из мчащегося на всех парах «Опеля» живыми и невредимыми. Ей самой выпрыгнуть из несущейся «колесницы» не составило бы особого труда, но выполнить такой каскадёрский трюк маленькой девочке, разумеется, было не под силу. Претворившись, что все еще находится без сознания, Мэрилу обратилась в слух.

– Да не гундось, Дрон! Доедем до точки, и сбагрим тачку! Кассу ювелирки мы взяли без проблем! Ленька четко отработал свою долю, в «Развилке» состыкуемся с нашими, пересядем в джип, и все пучком!

– А этих куда?

– Этих? – Сивый скроил на своем лице некое подобие гнусной ухмылочки. – В расход, есть другие варианты?

– Сам грохнешь?

– Мокрушничать я не буду! Но и оставлять в живых западло, как пить дать заложат! Пусть Хефе сам и грохнет их!

– И то верно, – Дрон радостно зареготал, покосившись на лежащую без сознания жертву.

– А то вечно загребает свою долю нашими руками, не отходя от базы! Идейный вдохновитель, бля!

– Сильно я её приложил, – Сивый повернул голову назад. Аня, забившись в угол, ни на что не реагировала, а лишь бессмысленно таращилась в одну точку, засунув большой палец правой руки в рот.

– Да, очухается!

– Уж лучше бы сдохла, проблем меньше!

– Сивый, на тачку, наверное, уже заявили!

– Бля буду, могли заявить! Пошарь у неё в карманах и в сумке, найдёшь мобильник – избавься от него! Странно, что ей никто не звонил ещё!

– Вот мы тупари, – Дрон начал бесцеремонно шарить по карманам, не забывая обследовать так же и вместительный Маринин редюкюль. –Паспорт, мобила, кошелёк! –констатировал он, продолжая обыск.

– Бабки выгребай, кредитки тоже!

– Мобила разрядилась! -Дрон скривился, вышвыривая неактивный сотовый телефон в приоткрытое окно.

«Последняя зацепка, там был номер Прохорова и Кати!» – угрюмо подумала Мэрилу, по-прежнему, претворяясь лежащей без сознания, безропотно позволяя рыться в Марининых вещах. Попав в критическую ситуацию, она понимала, что ей может быть полезен единственный человек в Москве, которого она знала, пускай у них было лишь шапочное знакомство. Как она найдёт Екатерину, Маринину сестру девушка пока не представляла, но знала одно – князь тьмы не оставит её в беде!

«Ничего, перебедуем!»

– Красивая, сука! – ухмыльнулся Сивый, обернувшись через плечо, -Жаль мочить даже! Я бы вдул!

–Покатаем её на волосатых дизелях, а потом и грохнем!

– Тут в сумке барахло всякое бабское, помада, зеркало, в портмоне проездной и скидочные карты! – Дрон извлёк из сумки маленького мохнатого зайца в забавном синеньком платьице.

– Дрянь какая-то! – поморщился он, собираясь выбросить игрушку в окно.

– Это моё! – вскричала Аня, мгновенно выходя из состояния ступора. – Отдай! ОТДАЙ!!! – она попыталась было отнять зайца, но Дрон, отшвырнув от себя ребёнка, выбросил игрушку в окно. Аня, ударившись о дверцу «Опеля», громко заревела, обхватив руками голову. Отчаянный плач девочки и глухой звук удара послужили для Мэрилу сигналом к началу действий. Оставаясь неподвижной для посторонних глаз, она цепко схватила Дрона за руку, сомкнув на его мощном запястье пальцы такой бульдожьей хваткой, что тот не смог высвободить руку как не старался.

–Ты чё?! – только и охнул Дрон. Он чувствовал какой-то странный жар, исходящий от пальцев девицы. Этот жар, горячими, обжигающими токами потёк по жилам, мгновенно, с невероятной скоростью распространяясь по всему телу. Он хотел было стряхнуть с себя внезапно охватившее его оцепенение, вырвать руку из жаркого плена, но не смог шевельнуть и пальцем.

– Я чё, я ничё, – буркнул Сивый, не оборачиваясь, подумав, что реплика Дрона адресовалась ему. Лавируя в потоке машин, нещадно подрезая какого-то зазевавшегося «Жигулёнка», бандит вырулил на крайнюю полосу. Мэрилу лежала тихо, как мышка, лишь рука её продолжала сжимать запястье пленника. Ей не хотелось ещё сильнее пугать ревущего белугой ребёнка, хотя, она могла воспламенить его одежду, превратив живого человека в пылающий факел, да и привлекать внимание других автомобилистов не входило в её планы. Задача была одна – ликвидировать опасных субъектов, желательно, в кратчайшие сроки. Мэрилу обладала даром телекинеза, могла внушать мысли на расстоянии, ей ничего не стоило одним лишь взглядом парализовать человека. Всё это входило в курс обучения «молодого бойца», и в своё время Гирманчи приложил немало усилий, прежде чем из маленькой сироты сделать отменного воина тёмных сил.

«Выбросись из машины!» – мысленно приказала Мэрилу, ещё сильнее сжимая руку Дрона. Сивый, не чуя опасности, нависшей над его подельником, принялся насвистывать какой-то блатной мотивчик, барабаня в такт по рулю. Дрон вздрогнул, спина его напряглась, кадык нервно задвигался на жилистой шее, на лбу появилась испарина. Далёкий, проникающий в душу, голос отчётливо приказывал ему выйти из машины в эту самую минуту, прямо посреди дороги. Свободолюбивый, не терпящий над собой никаких авторитетов, с трудом выдерживающий лидерство пахана, Дрон поймал себя на мысли, что голос странным образом гипнотически воздействует на него. Жар пальцев, сомкнувшихся на запястье, усилился, и он, словно расплавленная смола, хлынул по венам, причиняя невероятную боль. Дрон задёргался, захрипел, глаза полезли из орбит, а во рту образовался противный привкус тухлых яиц. Всё тело нещадно чесалось, в голове гудело и звенело. Обжигающий жар опалял его внутренности.

«Прыгай!»

Властный голос, вобравший в себя всю резкость команды, которой не возможно было не повиноваться, окончательно лишил несчастного рассудка. Пальцы неожиданно разжались, оставляя на запястье белые пятна, и Дрон, обрадованный нежданной свободой, охваченный ужасом, рывком распахнул дверь и кубарем выкатился под колёса мчащегося рядом грузовика. Громадные колёса в считанные секунды переломали его кости, протащив за собой метров пятьдесят.

– МАТЬ ТВОЮ! – заорал Сивый, в ужасе ударив по тормозам, едва увидел окровавленное тело его напарника под многотонным трейлером. Движение на дороге встало как парализованное. Проезжая часть моментально огласилась истеричными выкриками и какофонией сигналов клаксона. Кто-то орал хриплым голосом: «ВЫЗОВИТЕ СКОРУЮ!», одну блондинку выворачивало рядом с её сияющим чёрным «Мерседесом». Аня, перестав реветь, отключилась, провалившись в спасательное забытьё. Мэрилу понимала, что это её шанс на побег. Счёт шёл на секунды: с минуту на минуту должны были появиться представители власти, а встреча с оными не входила в планы как Сивого, так и Мэрилу. Сивый, перепугавшись не на шутку, пулей вылетел из машины и бросился наутёк, маневрируя между стоящими машинами. Мэрилу действовала точно, словно робот: сграбастав одной рукой потерявшую сознание девочку, она выбралась из машины, не глядя, схватив чёрную сумку с сидения.

«Вещи! Все остальное не беда!» – вихрем пронеслось у нее в голове, когда она, перекинув сумку через плечо, побежала в противоположную сторону. Водители автомобилей, столпившиеся около раздавленного тела, не обращали на несущуюся женщину с ребенком никакого внимания. Протиснувшись между белым джипом «Инфинити» и маленькой изящной «Окой», Мэрилу выбежала на тротуар и стремглав помчалась прочь, перепрыгивая через заснеженный газон. До нее доносились испуганные реплики водителя:

–…. Вывалился прямо под колёса……

Аня, придя в себя, сумасшедшими глазами таращилась на «мать», отчаянно вцепившись в неё ручонками, заметно облегчая Мэрилу задачу.

«Исчезнуть, немедленно! Князь тьмы, не оставь меня» – молилась Мэрилу, пересекая газон и устремляясь в обратном направлении от курса, по которому двигался угнанный «Опель «Корса.

– СТОЙ, СУКА!! – раздался надтреснутый, хриплый, истеричный вопль Сивого.

– ДЕРЖИ ЕГО! ОН БЫЛ ЗА РУЛЕМ!!! – перекрывал вопли толпы чей-то громогласный баритон. Обернувшись, Мэрилу увидела как Дрон, кинувшийся было за ней вдогонку, был повален на землю. Вдалеке послышалось завывание милицейской сирены.

«Что ему от меня надо???» – мелькнуло в голове у Мэрилу, но время на раздумья у нее не было. Пробежав метров двести, она стала задыхаться. Не привыкшая к таким резким температурным перепадам, она стала замерзать, сумка колотила по спине, а девочка, мешком висевшая у неё на руках, снова заплакала, с недетской силой обхватив её шею. Мимо проходили люди, но все они, погружённые в свои мысли, спешащие по делам, не обращали на странную, бегущую сломя голову девицу. Мэрилу чётко знала, что таким аллюром далеко не убежишь. Чуть поодаль она увидела странную телегу на колёсах: колесница была похожа на автомобиль, только не в пример выше и длиннее, а с крыши в небо шли какие-то загадочные провода. Сообразив, что на ней, как и на машине, она может замести следы, Мэрилу увеличила скорость, припустив изо всех сил.

«Как её остановить? Эту колымагу?» – озадачилась она, но тут троллейбус остановился на остановке и, распахнув двери, стал исторгать из своих недр людей.

В несколько прыжков Мэрилу добежала до него и, в последний момент успела запрыгнуть в него, прежде чем створки захлопнулись. Однако пройти внутрь ей не удалось – путь преграждала вертушка. Стараясь не выдать себя, как пришелицу из другого мира, Мэрилу, сделав вид, что замешкалась, стала внимательно наблюдать за действиями впереди стоящей женщины. Раскрыв кошелёк, та протянула водителю деньги, получила взамен круглый жетон и, бросив его в скважину, прошла в распахнувшуюся створку.

«Ага, деньги!» – осенило Мэрилу. Она помнила, как Дрон выбросил ее кошелек на днище машины, документы выбросил, а деньги все забрал, следовательно, с наличными у неё были явные трудности, да и сумку с документами она оставила в машине. Мэрилу вскинула взгляд на водителя и стала пристально смотреть ему в глаза. Через секунду-другую, ничего не пони-

мающий мужчина протянул ей заветный жетон, и Мэрилу смогла беспрепятственно пройти в салон. Усевшись на сиденье, она, замерзшая и морально вымотанная, обняла девочку и поцеловала ее в лоб

– Как ты, малышка?

– Мне страшно! – пискнула Аня, прижимаясь щекой к щеке Мэрилу.

– Всё позади, маленькая! Мама с тобой! – она сняла шапку с девочки и взъерошила ее вспотевшие волосы. Аня вздохнула, и Марина поняла, что стресс от пережитого постепенно отпускает ребенка. Щёчки ее заметно порозовели, а дыхание выровнялось и стало ритмичным и глубоким.

– Куда мы едем?

– Увидишь, – загадочно улыбнулась Мэрилу, совершенно не предполагая какие действия ей предпринять, что бы найти сестру Марины.

– Ма-ам, где тётя Катя? – немного успокоившись, стала сыпать вопросами Анечка.

– Мы потеряли телефон и не можем позвонить ей!

– А давай позвоним папе?

– Папа занят, крошка! Мы сами найдём тётю Катю!

– А давай спросим дядю Стёпу?

– Какого дядю Стёпу? – ошалело поинтересовалась Мэрилу, усаживая девочку поудобней.

– Как какого? – Аня заёрзала на коленях «матери», – Ми-л-и-ци-о-н-е-р-а! – по слогам произнесла она трудное слово. – Ты читала мне сказку, про дядю Стёпу!

– Ах, дядю Стёпу!!! – рассеянно отозвалась Рыжая. «Глас ребёнка правду толкует!» – говорили там, откуда она прибыла, и она убедилась в достоверности старинной поговорки. Самой ей Катерину не найти. Можно попытаться, конечно, выйти с ней на связь… Остаётся надеяться, что Маринина сестра уже сделала заявление в органы об угоне автомобиля. Ну не будет же она подозревать в воровстве собственную сестру, с которой собиралась ехать в Калининград. Так! Нужно добраться до ближайшего полицейского участка, и найти Прохорова!» – решила она. «Но как же здесь холодно!» – Мэрилу вспомнила, что когда она исследовала содержимое сумки Марины, то видела там какие-то шарфики и платки. Потянув за «молнию» на сумке, она одним движением расстегнула её и обомлела: сумка была доверху набита крупными денежными купюрами…

Мэрилу прошиб холодный пот. В спешке, покидая салон автомобиля, она по ошибке схватила с сиденья «Опеля» сумку бандитов, которая мало чем отличалась от сумки Марины. По причине собственной невнимательности, Мэрилу оказалась с целой сумкой награбленных денег, а если взять в расчет тот факт, что один из грабителей мёртв, а второй, судя по всему, уже задержан как свидетель, власти рано или поздно догадаются, что и Сивый и покойный Дрон причастны к ограблению. Будут «копать» кому принадлежит машина, и непременно выйдут на владелицу транспортного средства Катерину. На первый взгляд у Мэрилу, а, вернее, у Самойловой Марины Игоревны, есть стопроцентное железное алиби, но так или иначе, проходить по делу свидетельницей, совершенно не входило в планы девушки. Что она может сказать в полиции? Что она пришелица из другого мира? Поведать о том, что гражданка Самойлова пропала или вообще, мертва, сгорела вместе с Гирманчи, а она всего лишь её двойник, присланный в этот мир с важной миссией победить добро? Да её сочтут сумасшедшей и упрячут в какой-нибудь сырой каземат, где, связав ремнями, будут пытать или же поместят в приют для душевно больных, или же вовсе попытаются изгнать из нее бесов. Для успешного исполнения возложенной на нее миссии Мэрилу требовалось как можно быстрее, желательно в течение пары дней, получить как можно больше достоверной информации, потому, что единственный проводник, ее связь с её измерением, мёртв, связующий канал утерян, и Мэрилу неоткуда ждать помощи. Но и дальше оставаться владелицей сумки с наличностью банка, девушка явно не собиралась,

ведь при всём ее железном алиби власти запросто могут привлечь ее как соучастницу. Как ни крути, а Мэрилу в их глазах будет точно такой же преступницей, скрывшийся с места трагедии, прихватив с собой всю кассу ювелирного магазина. Историю о том, что она перепутала сумки, в комендатуре и вовсе поднимут на смех. Сивый может не выдержать давления полиции и выложит им как на духу, что Мэрилу украла сумку с деньгами. А сейчас ей нельзя было попадать ни в какие серьёзные переплёты. На ней лежит ответственность за жизнь Ани, более того, предначертано прожить судьбу сгоревшей в тамбуре поезда Марины, а это значит, что Мэрилу надлежит как можно быстрее связаться с Прохоровым, что бы заполучить в его лице верного союзника. Ведь он оказался подверженным действию чар ее привлекательности и готов будет пойти за Мэрилу хоть на край света. Она понимала то, что владеет даром гипноза, но времени с того момента, как Дрон выбросился под колёса грузовика, прошло от силы минут десять, а сумку, вероятнее всего, уже обнаружили в багажнике или вот-вот обнаружат. К тому же круг посвящённых лиц слишком велик – случайные свидетели, водители, уличные зеваки, подъехавшая скорая помощь… Единственное, что могла предпринять Мэрилу в этой ситуации, это, не мешкая ни единой секунды, закрыть глаза и сосредоточиться. Необходимо было замести всевозможные следы её пребывания в машине. План, логичный и простой, сам собой выстроился у нее в голове. Сестра Марины, скорее всего, уже заявила о пропаже автомобиля. Но для того, что бы остаться чистой в этой истории, необходимо сделать так, что бы машин исчезла. Это приостановит расследование, а заодно и даст Мэрилу возможность разораться во всём. Сперва-наперво надо связаться с Екатериной, и убедить её в том, что за сигаретами они отправились втроём, поставив машину на сигнализацию.

Мэрилу раскрыла глаза, глубоко вздохнула, посадила Аню на соседнее сидение и, самым загадочным образом приложила палец к губам:

–Посиди спокойно, малышка, маме нужно подумать!

Аня послушно кивнула. После раннего пробуждения девочку тянуло в сон. Она сложила руки на коленях и растерянно прошептала, вновь засовывая палец в рот: «Рюкзачок мой… потеряли!»

Мэрилу откинулась на сидение и погрузилась в транс. Перед её взором предстало место аварии. Она увидела машину Катерины: мягкий кожаный салон, багажник, светлые сидения, почувствовала запах хвойного освежителя воздуха, витавший в салоне. Затем она представила сумку Марины, лежащую в багажнике, маленький рюкзачок Ани, а потом, как «Опель», объятый пламенем, полыхает, словно громадный костёр. Мэрилу не знала внутреннего устройства автомобиля, но это было не важно. Для удачного завершения «сеанса» следовало «прогореть» вместе с объектом, который ты хочешь сжечь на расстоянии. Мэрилу продолжала проецировать, твёрдо уверенная, что скоро, за несколько километров, на том самом месте, где Дрон выбросился из машины, от «Опеля» останется лишь груда покорёженного металла. Анечка заснула, позволяя Мэрилу побыть в спокойном одиночестве. После того, как потухли последние языки пламени, Мэрилу представила треугольное симпатичное лицо Кати и направила ей мысленный посыл: «Мы отправились за сигаретами вместе. Потом ты обнаружила пропажу машины и поехала в милицию. Я и Аня пошли гулять по Москве!». Она ещё какое-то время подержала в своём воображении, будто нарисованную невидимым карандашом надпись, переправляя эту информации в мозг Катерины, а затем, расслабленно обмякнув на сидении, выпустила воздух через сложенные в трубочку губы – часть сложнейшего дела была сделана, оставалось найти Прохорова, ибо в нём Мэрилу видела решение многочисленных своих проблем…

Глава III

*** * ***

Екатерина Горшкова не находила себе места. Мозг её пузырился подобно швейцарскому сырцу. Уже больше пяти часов прошло с того момента, как она вышла из магазина рядом с Ленинградским вокзалом и обнаружила, что её Опель «Корса» не стоит на месте. Нигде поблизости не было так же и сестры с дочерью. Разумеется, она не принимала в расчёт тот факт, что Марине вздумалось угнать её автомобиль. Обнаружив пропажу автомобиля, Екатерина со всех ног помчалась в ближайший полицейский участок. Трудно передать словами, что почувствовала девушка, когда увидела место, где она оставила припаркованным свой автомобиль, пустым. Вдобавок ко всему, вместе с машиной исчезла и её сестра с племянницей, а ведь они должна была завтра вечером вылетать в Калининград.

Не чувствуя под собой земли, находясь в пограничном состоянии между сном и явью, она попыталась дозвониться Марине на сотовый, но она вот уже который час не поднимала трубку. Не зная за что хвататься и где искать родных, запыхавшаяся и перепуганная Катя ввалилась в полицейский участок. Флегматичный полицейский, со спокойной миной поедавший истекающий майонезом бутерброд с колбасой, принял у нее заявление об угоне Опеля, а на исчезновение сестры заявил, что не может начать поиски, потому как с момента пропажи человека должно пройти как минимум трое суток.

«Найдётся Ваша сестра! Она же иногородняя? Не дождалась Вас, вышла из машины! Ушла погулять, потеряла телефон, вот увидите, объявится!»

По всему было видно, что ему до смерти хочется отделаться от этой нервной и взвинченной пострадавшей. На все ее веские аргументы, говорящие о том, что Марина и Аня Самойловы, жители Северной Столицы, были похищены угонщиками автомобиля с неизвестными целями, он отмахивался от них и бубнил как заведённый: «Машину угнали – найдём! С момента похищения должно пройти три дня! К вечеру Ваша сестра отыщется!»

Не в силах больше спорить с упитанным майором, оставив заявление об угоне Опеля и завершив все формальности, издёрганная Екатерина, выйдя из полицейского участка, пару кварталов прошла вперёд, а затем, обнаружив обледеневшую скамейку, села на нее и, собравшись с духом, позвонила Антону. Своему мужу Валерию она решила пока ничего не говорить. У него было больное сердце, и лишний раз волновать супруга девушка не собиралась, а вот поставить в известность Антона следовало сделать незамедлительно, потому, как решать в одиночку проблему такого масштаба она не собиралась. Было немного странно, почему Антон до сих пор не позвонил ей на сотовый, ведь по логике вещей он точно так же как и она сама, скорее всего, пытался выяснить всё ли нормально у его жены с дочерью и как они встретились с ней, с Екатериной. Вариантов было два – или накануне супруги поругались, или же Марина за время своего отсутствия вышла на связь со своим мужем. Исходя из этого, можно было предположить, что похитители отпустили заложников, а Марина попросту боится признаваться ей в том, что попала в беду и не уберегла машину, но, зная характер Марины, Катя отмела подобный вариант. По правде говоря, мужа сестры она немного недолюбливала, считая его нелюдимым и замкнутым, совершенно неподходящим для жизнерадостной, энергичной и открытой в общении Марины.

Выбрав из записной книжечки номер Антона, Катя была неприятно поражена, услышав на том конце незнакомый мужской голос, и едва не лишилась сознания, когда тот же приятный хрипловатый баритон, сообщил, что прошлой ночью Антона ограбили и зарезали в районе заброшенного парка. Нехорошее предчувствие, гнездившееся в душе, усилилось. Теперь она даже не сомневалась в том, что Марина с дочкой попала в беду. Её воспалённый мозг рисовал картины одну, ужаснее другой. Мысль о том, что разом, находясь в разных городах, могла погибнуть вся семья, вводила Катерину в шоковое состояние. Сестру она любила, не

чаяла души и в своей племяннице, и сам факт, что Марина с Аней могли погибнуть, причиняла ей душевную боль. Тупо, как заведённая, девушка бродила по заснеженным улицам Москвы, загребая снежную кашу на тротуарах, совершенно не понимая, что именно ей следует предпринять в сложившейся ситуации. Воспитанник детского дома Антон Самойлов был круглой сиротой, чьи родители погибли в автомобильной катастрофе, когда мальчику было около трёх лет. По линии матери вся родня на данный момент ушла в мир иной, не считая родственников, живущих в Израиле, а по отцовской линии дед с бабушкой давно отошли в мир иной, а братьев и сестер у него не было. Единственные, кто могли бы опознать тело, не считая соседей по лестничной площадке, были его жена Марина и сестра ее Екатерина. На вопрос, не знает ли она где можно найти Марину, Катя, едва сдерживая слёзы, сообщила, что Марина с дочерью пропали вместе с автомобилем, который у нее угнали. Следователь, представившийся ей как Рязанцев Сергей Афанасьевич, попросил сразу же позвонить ему, как будет что-то известно о местонахождении Марины, и пригласил в Петербург на опознание тела саму Екатерину, как ближайшего родственника.

Слёзы безостановочно катились по щекам Екатерины, а она всё шагала и шагала без цели, не замечая перед собой ничего. Звонить Валерию она не стала, упорно скидывая его звонки на мобильный телефон. Находясь в полной прострации, обуреваемая самыми чёрными мыслями, она словно в бреду услышала, как её окликнули. Обернувшись, Екатерина никого не обнаружила, зато в голове у нее отчётливо отпечатались слова:

«Мы отправились за сигаретами вместе. Потом ты обнаружила пропажу машины и поехала в милицию. Я и Аня пошли гулять по Москве!».

Перепугавшись не на шутку, Катя подумала, что сошла с ума, крепко зажмурилась и, сосчитав до десяти, открыла глаза. Надпись не исчезла, и вместе с этим появилось навязчивое присутствие двойника Марины, словно ее сестра стояла рядом с ней, до того реалистичным было её незримое присутствие. То, что это не Марина, девушка почувствовала каким-то шестым чувством, но вместе с этим пониманием пришло и ощущение того, что Марина с Аней живы, только по каким-то причинам не могут выйти с ней на связь. Эрудированная, всесторонне развитая, Катя не раз читала подобные истории про передачу мыслей на расстоянии, но такое случилось с ней впервые, хотя, они с сестрой жили в разных городах, но, тем не менее, с самого раннего детства находились в довольно тесном контакте.

– Я сошла с ума! – сказала вслух Екатерина, прислоняясь к стеклянной витрине. Она ещё раз помотала головой, но послание, словно впечаталось у неё в мозгу.

– Я определённо сошла с ума! – Катя Горшкова тихонечко заскулила и уселась прямо в снег на тротуар, обхватив голову руками. Перспектива вырисовывалась не из самых радужных. Если взять в расчёт тот факт, что она имела дело с самым настоящим телепатическим приёмом, то она уже заложила свою сестру своим визитом в отделение, потому, как в послании отчётливо говорилось о том, что никакого похищения Марины с дочерью не было, а, значит, Марине есть что скрывать от полиции. Но даже при таком раскладе, если этот посыл ей направила действительно Марина, успокаиваться было рано: на связь сестра по-прежнему не выходила, а это означало одно – её жизнь ещё находится в опасности. Вместо того, что бы перепугаться, Екатерина немного успокоилась, даже смерть Антона Самойлова и угон машины отошли на второй план. Сестра и племянница попали в какой-то переплёт, но они обязательно выкарабкаются из него, а в самом крайнем случае, если Марине понадобится помощь, она снова даст ей знак. Прохожие удивлённо косились на симпатичную, прилично одетую девушку, сидящую на тротуаре, один парень даже покрутил пальцем у виска, но Кате было всё равно. Всё, что она могла сделать для сестры в данной ситуации, это успокоиться, насколько это возможно, и ожидать какого-нибудь известия от неё. Помочь она ровным счётом ничем не могла, раз уже сообщила полиции о пропаже родственников вместе с угнанным автомобилем, да и чем она

могла подсобить Марине, ежели совсем не владела какой-либо информацией о местонахождении Марины и Ани.

Что будет, когда Марина объявится и узнает о смерти своего мужа, Екатерина даже боялась представить, ведь Марина любила супруга, а уж про то, какой это будет стресс для трёхлетней Анечки, вообще, страшно было предположить.

«Чёрт со всем! Поеду домой! Надо ещё позвонить брату и сообщить, что мы не прилетим! Бедная Маринка!!!» – решила она и, поднявшись, стала голосовать на дороге, собираясь поймать «частника».

– Всё будет так как должно быть, – подумала она. – А будет всё только лучше и лучше…

*** * ***

Проснувшись, Герман зевнул так широко, что едва не вывихнул себе челюсть. Не открывая глаз, нащупал на тумбочке мобильник, и, сделав над собой героическое усилие, посмотрел на часы – было без пятнадцати минут одиннадцать.

– Черт бы подрал! Суббота, какого хрена проснулся в такую рань?! – выругался он, задав самому себе риторический вопрос, спуская ноги с кровати. Наталья еще спала, подложив под голову сложенные ладошками руки. Герман, раздраженно поморщившись, стал рассматривать свою любовницу. Лицо Марковской во сне было прекрасным и спокойным. Наташа не отличалась кукольной красотой, которую так ценили в компании Германа Соболева. Её лицо напротив, наносило своеобразный вызов классическим канонам женской привлекательности: широкоскулое, с красивыми четко очерченными губами, карими выразительными глазами и изящным носом. Наталья пользовалась успехом у представителей мужского пола, но Герман по большому счёту был ценителем тонких талий и утончённых черт. Он часто ловил себя на мысли, что считает свою любовницу-секретаршу плотной и кряжистой, спрашивая самого себя « почему он до сих пор с ней, когда кругом глаза так и разбегаются от обилия длинноногих и воздушных девушек модельного сложения. Ответ был прост – с Наташей ему было ему удобно. Всегда под рукой, послушная его воле, что может быть комфортабельнее для вечно занятого делового человека?! Статную фигуру Наташа умело скрывала под дорогими тряпками (Соболев был щедрый спонсор), а широкие скулы при правильном макияже не так сильно и портили общую картину, и Герман закрывал глаза на недостатки во внешнем облике своей подруги.

Особо не церемонясь, Герман шумно встал с постели, потянулся, распахнул плотные шторы и, настежь раскрыв окно, как был, абсолютно голый, вздохнул полной грудь свежий морозный воздух. В дверь тихонько постучали. Натянув халат и трусы «Кельвин Кляйн», он крикнул: «Принцесса, заходи!», совершенно не заботясь о том, что любовница еще не проснулась. В дверь просунулась темноволосая голова, а затем вся показалась и вся маленькая Маша, живой и подвижный ребенок, точная копия Германа Соболева.

– Папочка, с добрым утром!!! – закричала она, со всего маху налетая на отца. Соболев, поймав дочь, стал подбрасывать ее высоко в воздух, а та визжала как потерпевшая, радостно блестя большими, чуть раскосыми, глазами. Наталья, сонно тараща глаза, вскочила, и ошалело уставилась на веселую возню любовника и его дочери. Ее покоробило то неуважение, с которым Герман относился к ней, позволяя так же и Маше ни во что не ставить присутствие в его доме Марковской.

– Ната, хватит дрыхнуть! – заявил Соболев проснувшейся подруге, опуская дочь на пол и, хлопнув ее по попе, скомандовал: – Марш чистить зубы, мне с тетей Наташей поговорить надо!!

– Что случилось, милый? – Наталья простёрла к нему руки, усаживаясь по-турецки, но Герман, игнорируя объятия девушки, скрестив руки на груди, холодно отчеканил, словно отдавал распоряжение в кабинете, а не находился в неформальной обстановке, располагающей к спокойствию и неге:

– Мне нужно уладить вчерашнюю проблему! Машку оставляю с тобой! Водила приедет к одиннадцати. Свозишь ее в зоопарк, короче, сориентируешься на месте, пообедаете где-нибудь, я подтянусь к трем, не раньше! – Наташа послушно кивнула, и ее руки безвольно упали вдоль тела.

– Купи ей там что-нибудь, кредитку я тебе оставлю! – приказывал Герман, продолжая держать Наташу пристальным взглядом. В душе у девушки разлилось горькое чувство разочарования: вместо упоительных выходных с любимым боссом, ей предстояло половину дня развлекать его капризную и взбалмошную дочь, наплевав на стойкую антипатию, казавшуюся на ее взгляд, обоюдной. За ночь вчерашний кошмар на дороге постепенно сошел на «нет», превратившись для нее в кадры из очередного триллера, но после слов Германа волна черного страха вновь накрыла Марковскую с головой.

– Милый, – тихо прошептала она фальцетом. Голос ее дрогнул, а на глаза моментально навернулись слезы. – Как ты собираешься решать этот вопрос? Герман, миленький, – она, будто пружина, распрямилась, вскочив с постели и, подлетев к Соболеву, обвила руками его шею.

– Меня не посадят в тюрьму??? НЕТ? ПРАВДА ЖЕ??? – зачастила Наташа, заглядывая в непроницаемое лицо любовника. И снова Германа покоробило присутствие девушки как в его доме в этот утренний час, так и в его жизни вообще. За последние часы с момента злополучной трагедии на дороге, он стал ловить себя на мысли, что его бесит все, что связано с Наташей Марковской. Разумеется, это он виноват, что позволил своей пассии сесть за руль его автомобиля, а ведь с той самой поры, как он получил права и впервые сел за руль, он никому не позволял водить свой автомобиль, за исключением Тиграна, работающего у него водителем вот уже несколько лет.

– Наташка, – Соболев расцепил руки Марковской и отстранился от нее, пугая девушку нейтральным выражением лица. – Все, что полагается тебе знать, это то, что вчера я сам был за рулем и НИКАКОЙ аварии, – на этих словах он резко дёрнул Наташу на себя, и стальными пальцами сжал ей подбородок, – слышишь, НИКАКОЙ аварии НЕ БЫЛО! Остальное тебя не касается!

– Герман, – Марковская судорожно всхлипнула, не мигая, таращась на любовника. В этот момент он казался ей далеким, холодным и совершенно чужим, а не тем мужчиной, который вывозил ее на мировые курорты и говорил нежные слова. – Я же имею права знать, я…

– Слушай сюда, – Наташа вскрикнула, когда пальцы Соболева еще сильнее сдавили ей подбородок. – Твое право – выполнять мои распоряжения! – Герман немного сбавил обороты. – И вот еще, если своей кислой миной ты испортишь день дочери, я тебя придушу собственными руками! Все, отвали, не до тебя! Кофе мне, быстро!

Наташа, отшатнувшись от него, секунду-другую глядела на его замкнутое, словно высеченное из камня лицо, и подумала: не испортит ли эта нелепая авария на дороге их с Германом отношение, потому, что никогда еще Соболев не позволял себе с ней этот колючий и резкий тон. Среди связей Германа есть кое-какие с криминальным миром, и Наташа верила, что его люди сделаю так, что под них никто и комар носа не подточит. Но вчера вечером она убила человека, пусть и непредумышленно, по ее неосторожности молодой мужчина лишился жизни, и ей, Марковской Наталье, придется с этим жить, нося на своей совести тяжкий грех. Совсем уж некстати, окончательно испортив ясное морозное утро, вспомнился странный и непонятный сон. Накинув халат, Наташа сегодня решила быть примерной любовницей, заботящейся о дочери шефа и, крикнув в глубину квартиры: «Машенька, сейчас сделаю тебе покушать, направилась на кухню, что бы впервые в жизни сделать для девочки какую-нибудь кашу.

Соболев, в чьи правило не входило посвящать подругу в решение подобного рода вопросов, дождался, пока её шаги затихнут, устало опустился в кресло, взял сотовый и набрал номер водителя.

– Тигран, здорово! К половине двенадцатого ко мне. Будешь с Машей и Наташей. Возьмешь «бэху», после трёх отпущу! – и, попрощавшись, набрал номер Юры Звягинцева.

– Здорово, Юрка!

– Все в норме, нужно встретиться! – ответил ему на том конце провода Звягинцев, и у Соболева отлегло от сердца.

– Через час давай в нашем кафе! Жду.

Герман, наспех позавтракав бутербродом и чашкой кофе, поцеловал дочь и, пообещав ей составить им компанию после обеда, на своем могучем «Хаммере», уехал на «стрелку» с другом детства. За рулем Соболеву всегда думалось хорошо: он размышлял о том, как ему повезло со связями в криминальной милиции. Отца Юры он считал своим должником: Соболев регулярно, трижды в год, за сущие копейки через свою туристическую фирму отправлял и чету Звягинцевых и самого Юрку на самые престижные и дорогостоящие курорты мира, да и самому Александру Вениаминовичу на руку было бы заиметь своего человека в Государственной Думе в лице друга детства своего сына. Да и, что там говорить, не питал Соболев особых иллюзий на счет на счет отечественной криминальной полиции, прекрасно догадываясь какими способами решаются там такие как у него щекотливые вопросы.

Пробок в ранний час выходного дня не было, и Герман приехал в центр чуть раньше намеченного времени, однако Юрка уже был там. Они любили это кафе с итальянским названием «Челентано», потому, что именно в нем полтора года назад Юра познакомился со своей будущей женой Алёной.

– Звонок, здорово! – кивнул Соболев другу и сел в кресло напротив, властно кивая официанту, торопившемуся принять заказ и вновь прибившего клиента. – «Американо», «Столичный» и сок апельсиновый!

– Героин, всё в порядке, – сразу же с места в карьер взял Юрий, едва лишь смазливый официант отошёл от их столика. Перегнувшись через стол, он тихо произнес, затушив окурок в стильной пепельнице. – Тело перевезли в район «Говнотечки», там и инсценировали всё под убийство! Нашли бомжару, в говно упитого, вложили ему нож, пырнули его рукой трупак этого мужика, которого твоя Натаха сбила, «лопатник» его засунули в карман бомжаре. Все обставлено в лучшем виде.

– Что за бомж? – Соболев вытряхнул из пачки «Парламента» сигарету и, жадно затянувшись, выпустил колечко дыма. Вспомнив «Муринский ручей», которые жители «Гражданки» называли шутливо говнотечкой, он оценил, что лучшего места для совершения преступления и не придумать

– Да, местная «звезда»! Гнатюк Олег Петрович, да не важно, он не просыхает 24 часа в сутки, не раз привлекался за мелкое воровство, только отпускали, что бы о говно руки не марать! Лучше кандидатуры не отыскать.

– Где он сейчас? – Соболев стряхнул колбаску пепла.

– Задержан, отрицать ничего не пытается, шьют ему дело капитально! Так что, – Юрий подождал, пока официант поставит перед другом чашку с дымящимся кофе и бокал апельсинового сока, и продолжил, едва тот отошел на приличное расстояние от столика, за котором сидели друзья.

– Пусть твоя Наташка спит спокойно! Мужик и правда ни хрена не помнит, ну кроме того, что был в аут упитый. Нож в его руке, на рукоятке «пальчики», «лопатник» при задержанном. Сядет и надолго.. Герыч, да не грузись ты, – Звягинцев подмигнул Соболеву, увидев тень на его лице.

– Ему зона будет санаторием, что он здесь имел?

– Свободу, – коротко отрезал Герман, затушив недокуренную сигарету. –Свободу, Юрка! –добавил он, принимаясь за кофе.

– На хрена она, родимая, в его-то положении? Бомжевать? А там сыт и пьян…

– Сам-то веришь в то, что сказал?

– Ты не парься, слышишь, братуха, не грузись! Ты же не хочешь Наташке своей жизнь сломать? На кой молодой девахе привод? Даже если условно дадут? Заодно и сам прозвездишь, а оно тебе надо перед выборами?

–Д а не гружусь я! Пытаюсь по крайней мере, – Соболев прищурился. –Хороший здесь кофе! – констатировал он. – А кого Ната сбила-то?

– Да зачем тебе? Ну, водительские права и паспорт при нем были, в кармане куртки, короче, Самойлов Антон Владленович, женат, есть дочь! Правда, дома никого не оказалось! Соседка сказала, что Марина, жена его, уехала вечером в Москву к сестре. Короче, забей ты! На вскрытии будет заключение, что смерть наступила от ножевого ранения, кровь на месте преступления тоже будет, сам понимаешь, все сделают на высшем уровне. Брат, может, вмажем водки?

– Не могу, Юр, – Соболев, вытащив из кошелька купюру, достоинством в пятьсот рублей, положил ее на стол. – Я к Таньке поеду. Нужна разрядка!

– А твоя где?

–Какая из моих? – вполне серьезно осведомился Соболев, на что Юра громко расхохотался.

– Жениться тебе снова надо, Героин, жениться!

–Ну, уж явно не на Марковской. Натаха с дочкой, повезла Марусю в зоопарк, – Герман с шумом поднялся из-за стола. – Ладно, Юрка, держи меня в курсе!

– Ясен пень! – Звягинцев пожал протянутую руку.

– Отвлечься надо! – Соболев застегнул куртку, ухмыльнувшись. – На Наташку смотреть не могу сейчас! А салат за меня съешь!

– Все пучком, брат, давай! – Юрий Звягинцев проводил взглядом уходящего друга.

«Да-а, -подумал он, -недаром говорят «Шерше ля фам»… – и снова закурил, принимаясь за не тронутый его другом апельсиновый.

* * *

С уверенностью сказать то, что Марковская была опечалена тем, что половины субботы она проведет вдали от своего любимого мужчины, было нельзя: после вчерашнего происшествия Наталья была немного не в себе и поэтому вынужденная свобода оказалась как нельзя кстати. Чувства, которые раздирали девушку на части, были довольно-таки противоречивые. С одной стороны хотелось присутствия Германа, его монументальной уверенности в себе и по-хозяйски властной поддержки, с другой же, она мечтала немного побыть наедине со своими ночными страхами, без присутствия любовника и босса, перед которым нужно держать марку гламурной пассии. Конечно, Маруся мешала ее планам, возникшим благодаря неожиданно обрушившейся свободе, но Марковская не унывала. Наташа повозилась в полном одиночестве на кухне, перекусила, покормила девочку фруктовым салатом и кашей, понежилась в джакузи, после чего набрала номер своего самого преданного и давнего поклонника ещё со времён института. Понять Наталью было можно: ей хотелось мужской поддержки, заботы, участия, и, хотя, как она поняла, Соболев уехал улаживать её же проблемы, так или иначе, нарушать железное правило и беспокоить босса, она не решалась, а справиться в одиночку со своими нервами ей было не под силу.

– Лёшка, привет! – прошелестела она приглушённым голосом, прикрывая за собой дверь в ванную комнату, усаживаясь на край джакузи. – Давай встретимся! Мой сегодня занят до вечера, мне нужно выгуливать его дочь! Я везу ее в зоопарк, там мы и сделаем вид, что случайно встретились! Как тебе идея??

– Натах, – на том конце провода произошла лёгкая заминка. Судя по всему, в планы абонента не входило срываться в столь ранний час выходного дня и лететь сломя голову навстречу

любимой, которая сохнет по другому мужику, а его использует в качестве жилетки, этакого запасного аэродрома. – Я в качалку собирался идти…

– Ты увидеть меня хочешь или нет? – капризным раздражённым тоном осведомилась Марковская, заранее уверенная в своей победе. Этот приказной тон всегда безотказно действовал на Алксея, и тому ничего не оставалось, как подчиниться.

– Хочу! Где именно и во сколько?

–Так-то уже лучше, – Наташа закинула ногу на ногу и блаженно пошевелила пальцами босой ноги. – У ларька со сладкой ватой! Скажем, через час! До встречи!

Захлопнув крышечку «раскладушки», Наталья спрыгнула на пол и, подойдя к зеркалу, задорно улыбнулась самой себе. Её отражение не осталось в долгу и в ответ показало язык. Настроение заметно улучшилось. Она молода, красива, живёт с одним из завидных женихов Северной столицы, мужчины провожают её заинтересованными взглядами, и теперь вчерашняя авария на дороге и гибель по её вине человека уже казалась ей репортажем из хроники новостей на телеканале «НТВ». Наташа не считала себя убийцей, кем по сути своей являлась. Ведь она не выбегала на дорогу с автоматом, никого не расстреливала, не душила, не резала ножом, произошёл самый, что ни на есть классический несчастный случай, и больше всего она переживала за себя и за свою дальнейшую судьбу, а не за то, что по её вине погиб молодой парень.

Нарядившись в полосатое шерстяное платье и подняв волосы в «конский хвост», Наталья, наспех собрала дочку Соболева на прогулку, не придавая значения её нарочитому игнорированию, а потом позвонила Тиграну на трубку и проинформировала о том, что они выходят из квартиры. Не прошло и двух часов с того времени как Соболев уехал по делам, а Марковская уже устала от подвижной и энергичной Маруси, которая не сидела спокойно на месте ни единой минуты. В который раз она задумалась о возможном браке с Германом и о том, как она в дальнейшем будет ладить с разбалованной до невозможности девочкой. «А ведь я должна заменить ей мать!» -размышляла она, глядя на малышку, когда они спускались в лифте. Легко сказать, да тяжело дело делать! Каким образом она сможет стать в жизни Маруси важным человеком, Марковская пока не понимала, находя сложившуюся ситуацию очень затруднительной и в корне своём совершенно нездоровой, ведь не только девочка избегала прямого контакта с ней, но и она сама чуралась ребёнка, так и не сумев найти с ней общий язык. Они обе отчаянно ревновали Германа друг к другу, а сам Соболев не прилагал ровным счётом никаких усилий по сближению своей любовницы и дочери, ведь он не планировал впускать Марковскую в свою жизнь на правах жены и полноправной хозяйки дома.

Маруся, увидев молодого парня, стоящего у огромного отцовского джипа выдернув руку, с визгом побежала к водителю отца, оставив Наташу в полном недоумении.

– Маня!! – Тигран подхватил дочь шефа на руки и прижал к себе. – Ну-ка смотри, что тут у нас?? – Он, жестом фокусника-иллюзиониста вытащил из кармана куртки маленького плюшевого мишку и девочка, захлебнувшись радостным возгласом, схватила игрушку и счастливо заулыбалась.

– Привет, Наташ! – Тигран кивнул секретарше, опуская девочку на землю. – В зоопарк?

– Нет, хочу в кафе! Потом в зоопарк! – заявила Маруся, пряча лицо в подоле куртки Тиграна. Марковская, досадливо нахмурившись, попыталась все переиграть на свой лад. Посиделки в кафе перед посещением зоопарка шли в разрез с её планами: Лёша должен был ждать её у ларька, а позвонить ему теперь, в присутствии Соболевского «водилы», не представлялось девушке возможным.

– Машуля, давай сначала зверюшек посмотрим? – Предложила она, поправив на девочке пушистую меховую шапочку, но та непреклонно сказала, как отрезала, неосознанно подражая командному тону своего отца:

– Нет! Я хочу в кафе!

– Поехали! – Тигран распахнул перед ними заднюю дверь, и Наташе ничего не оставалось, как залезть на сидение рядом с Марусей. «Ничего, отправлю СМСку!» – вышла из положения Марковская, вытаскивая телефон из маленькой, но на редкость вместительной сумочки.

«Встречу переносим на час позже!» – настрочила она и, отослав СМС-сообщение адресату, заметно успокоилась. Маша занялась телефоном, Тигран хранил гробовое молчание, и Наташа, предоставленная самой себе, погрузившись в свои мысли, стала прикидывать, как бы ей по-умному быстренько женить на себе свободолюбивого босса. Ночной сон в свете яркого солнечного морозного дня, показался ей чуть ли не пророческим предзнаменованием. Соболева следовало женить на себе как можно скорее. Рассеянным и отрешённым взглядом смотрела она в окно, но не видела, ни нарядных витрин магазинов, ни вывесок, ни афиш, ни то, как ярко блестят хрусталики снега на ветвях деревьев. Была ли счастлива Наталья? Спорный вопрос, на который она сама не могла найти ответа. С одной стороны у неё было всё, о чём можно только мечтать: в любовниках крутой бизнесмен, гардероб ломится от дорогой и модной одежды, её вывозят на лучшие мировые курорты. Подруги, в тайне завидуя, злорадствовали по поводу и без повода, подтрунивая над тем, что Наташе не удаётся примерить на себя свадебное платье, сыграв вожделенную роль счастливой невесты. Да, у неё было многое, за исключением обручального колечка на пальце. Наталья любила Германа, но, не получая от него желаемой верности, нуждалась вот в таком вот преданном поклоннике как Алексей, в лице которого она получала ту недостающую деталь – поклонение и обожание. Бывали дни, когда она, тайком от Соболева, назначала Алексею свидания в укромных кафешках, не испытывая при этом ни малейшего укола совести, хотя, с неподконтрольной ревностью и подозрением «пасла» любовника и ревновала к каждой юбке.

В кафе Маруся ела нарочито медленно, больше баловалась, ёрзала на стуле. Тигран подыгрывал девочке, много шутил и смеялся, а Марковская, злясь в душе на весь этот детский сад, внешне старалась сохранить на лице гранитную невозмутимость и доброжелательность. СМС Лёше она больше не отправляла и поэтому сидела как на иголках. Когда спустя полтора часа они вышли из кафетерия, Наталья уже готова была придушить и Тиграна и дочь Соболева вместе взятых.

В зоопарке она сразу же попыталась выбрать такой маршрут, что бы пересечься с другом в максимально короткие сроки, но поскольку в зоопарке она не была примерно около двух лет, то действовала интуитивно, полагаясь на свою память. Тигран, совмещая в себе ещё и функции телохранителя, потащился за ними. День выдался ясный, морозный. Снег аппетитно поскрипывал под ногами, щёки моментально разрумянились. Наташа была чудо как хороша, с блестящими чёрными глазами и влажными коралловыми губами. Наталья опасалась, что в такой мороз звери запрячутся по своим норкам и разочарованная девочка запросится домой, но Маруся, охваченная азартом, с видом заправского первооткрывателя исследовала зимние вольеры, с восторгом рассматривая диковинных зверей

– Там обезьянки! – закричала, указывая пальцем по направлению к вольеру, откуда высыпала целая ватага возбуждённых ребят. Марковская напряжённо высматривала злополучный ларёк со сладкой ватой, и ей было не до каких-то там мартышек. Мимо прошла толстая тётка в объёмной волосатой шубе, держа за руку упитанную девочку, с упоением поедающую сахарную вату.

– Ой! – Маруся даже подпрыгнула на месте – я тоже хочу!

Наташа, наконец-то высмотрев искомую палатку, заметила топтавшегося там Лёшу. Замёрзший, немного ссутулившись, он обреченно пританцовывал на месте, а немного поодаль от поклонника Наташа заметила некое подобие сердечка, вытоптанное незадачливым Ромео.

«Главное, не выдать себя!» – Марковская ласково улыбнулась девочке.

Сейчас мы тебе купим! – заверила она, ободряюще подмигивая. – Пойдём,а потом мартышек смотреть! – командовала она

Тигран нахмурился.

– Наташ, не думаю, что шеф одобрил бы! Ты хоть знаешь из чего делают эту дрянь? Химоза чистой воды!

–Да ладно тебе, – всего лишь на секунду взгляд Натальи вильнул в сторону Алексея, и этого вполне хватило, что бы заронить зерно подозрения в душу водителя. Было очевидно парень топчется тут уже давно, а судя по тому, как нетерпеливо, нахохлившись, он косится в их сторону, ждал он именно её.

«Свиданка у них тут что ли?»

– Не занудствуй, Тигр! – Наталья кокетливо надула губки и подарила водителю самую обольстительную улыбку. – Иногда можно!

Маруся, почувствовав поддержку в лице противной «тёти Наташи», помчалась в сторону палатки. Тиграну ничего не оставалось, как двинуться следом. Его снедал интерес сыщика-любителя как они оба, и Наталья и её друг, будут ломать комедию под названием «Ну надо же, какая неожиданная встреча!». Парень судя по его окоченевшему виду, стоял здесь довольно таки давно, а то, как предательски заблестели его глаза и как он старательно отвёл их в сторону, встретившись с пристальным взглядом Тиграна, заставили того окончательно удостовериться в своих подозрениях. Едва они поравнялись с околевшим Ромео, Наташа немного фальшиво изобразила бурное удивление, вскричав: «Ой, надо же, вот это встреча! Ты что здесь делаешь??» – артистка из неё была никудышная. Актёрский дар пылкого влюблённого оказался более достоверным. Он вполне искренне, с явным сожалением, сказал, цокая зубами.

– Да с девушкой договорился встретиться, а она продинамила! Околел уже на фиг! – Он шмыгнул носом, посмотрев исподлобья на Тиграна. – А это чья такая девчушка? –поинтересовался Ромео, кивнув на Марусю, в серебристо-голубой норковой шубке и белой меховой шапочке, рассматривающую нехитрое устройство по производству сахарной ваты на палочке. – Племяшка?

Тигран спрятал усмешку, откровенно потешаясь цирком, который устроили тут эти двое. Разумеется, Ромео был в курсе, чья это дочь, но играл свою роль с искренностью, достойной похвалы самого Станиславского.

– Это Маша, дочь моего жениха! Вот выбрались зверюшек посмотреть!

– Ого, ты собираешься замуж? – глаза у Ромео театрально полезли из орбит, но вид у него в миг стал таким несчастным, что Тиграну стало жалко бедолагу, потому как коварная Марковская попросту водит его за нос, умело манипулируя заинтересованным в ней мужчиной, заставляя плясать под свою дудку.

«Посадила на короткий поводок и радуется. Не выгорит свадьба с шефом – окрутит его!» – размышлял Тигран, рассматривая, как побелел до этого момента красный нос поклонника.

– А вот и нет, – подала голос Маруся, повернувшись к ним. – Мой папа не женится на тебе!! – заявила она с детской непосредственностью, ещё и язык показала.

Наташа в мгновенье ока позеленела от злости, даже кончик носа заострился. Ромео, вскинув на Марковскую взгляд, полный надежды и отчаянья, опамятовался, нахохлился, вытащил из кармана мобильник и стал делать вид, что кому-то звонит. На Наташу было больно смотреть. Растерянная, потерявшая весь свой наносной и показушный лоск, она неловко теребила ручки кожаной сумки, а Маруся, радостно улыбаясь, повисла на брюках Тиграна и заканючила:

– Купи мне вату!

–И мне тоже! – силясь сохранить невозмутимое выражение лица, попросила Наташа, демонстрируя полное равнодушие к заявлению маленькой Маруси. В глубине глаз Наташи отразилось решительное упрямство: «Соболев жениться на мне и всё тут!».

–Может, познакомишь нас со своим другом? – на губах Тиграна играла снисходительная усмешка и Наташа поняла, что он ни на йоту не поверил во всю их театральщину.

– Это Лёша, мой старинный товарищ, учились вместе в институте! – она чуть надменно указала подбородком на Ромео, который вещал в «мёртвый» телефон: «Спасибо, что соизволила ответить на звонок! Знаешь, Оля, могла бы и предупредить, что не придёшь! Я проторчал больше часа!».

«Не прощаясь», Алексей нервно засунул телефон обратно в карман и дежурно улыбнулся Тиграну.

–А это Тигран, наш водитель, почти, что член семьи! – продолжала гнуть свою линию Марковская, жеманно поведя плечиками. – Ну что, Лёша, раз ты у нас «Мадам Брошкина», присоединяйся к нам, погуляем по зоопарку, покажем Машеньке животных, потом перекусим где-нибудь?!

Тигран понимал, хотя это и не его ума дело, но шефу следует рассказать о финтах, которые проделывает за его спиной подруга, ведь Марковская является подругой Германа, и такое поведение в корне недопустимо для женщины, носящей статус официальной любовницы.

– Четыре ваты, пожалуйста! – он протянул пятисотенную купюру продавщице, смачно вдыхая щедрыми понюшками морозный воздух. Кругом были оживлённые люди с детьми, то тут, то там слышались радостные возгласы ребятишек, и казалось, что зоопарк насквозь пропитан праздничной атмосферой.

–Маня, держи! Только папе не слово, а то нам всем попадёт! – заговорчески подмигнул ей Тигран, протягивая ядовито-розовую объёмную вату. Девочка захихикала и хитровато улыбнулась, снимая варежки, обеими руками ухватившись за немудрёное лакомство.

– Спасибо!! – Наташа просмаковала приторный шматок ваты. Она посмотрела на Марусю, чьи варежки болтались на продетой через рукава шубы резинке, и почувствовала себя снова маленькой девочкой, которую родители вместе с братом и сестрой привели на ярмарку или же шумную масленицу.

– М-м, как вкусно, я снова ощутила себя ребёнком! – она перевела взгляд на Алексея. Наталья не собиралась плакать ему в жилетку по поводу ночной трагедии, ей было просто хорошо от его присутствия, и Марковская даже помыслить не могла о том, что водитель Германа раскусил её нехитрый план и уж тем более о том, что он всё расскажет Соболеву. Силой воли она отгоняла от себя тревожные мысли, но богатое воображение услужливо рисовало ей всевозможные устрашающие картины: Герману не удаётся решить её вопрос, труп находит полиция, её арестовывают, сажают в тюрьму, дают лет пять как минимум и прощай свобода. Наташу раздирали на части совесть и страх, ведь это по её вине молодой мужчина умер в расцвете лет, а ведь он был женат, и, скорее всего, у него были дети. Наталья посмотрела на Машу, радостно поедающую сахарную вату, и почувствовала тошноту и головокружение. Мысль о том, что жене несчастного сообщили уже, наверное, и ей нужно будет как-то донести эту беду до ребенка, возможно, такого вот, маленького, как дочь Германа, резанула по сердцу словно скальпелем. Горло сжалось до размеров трубочки для коктейля, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Она тоскливым взглядом обвела своё окружение, потеряв всяческий интерес к происходящему. Ей до чёртиков захотелось оказаться рядом с Германом, сказать ему о том, как ей страшно и, непременно, услышать что-то ободряющее, ласковое.

«Надо сходить в церковь!» – решила Марковская. В Бога она не верила, но в минуты страха и отчаянья, находясь на краю пропасти, люди частенько вспоминают про Создателя, взывая с мольбой к его милосердию.

Она уже плохо помнила, как гуляли по зоопарку, рассматривая зверей и заморских птиц. Погружённая в свои депрессивные мысли, она лишь невпопад подавала реплики, вяло отшучивалась и безучастно рассматривала то или иное животное. Александр, не планирующий делить общество Натальи с водилой его соперника, быстренько ретировался, сославшись на внезапную головную боль, и остаток дня Наташа провела в компании Тиграна и Маруси. Слегка продрогнув, они пообедали в небольшом, уютном ресторанчике, а потом поехали в развлекатель-

ный торговый центр. К тому времени Марковская взяла себя в руки и порозовела, выйдя из состояния анабиоза. Герман позвонил ей около трёх часов, когда они бесстыдно тратили его деньги.

– Привет, солнышко! – интонации Наташи окрасились в тёплые интимные тона. Соболев, который после встречи со Звягинцевым провёл сексуальный марафон со своей очередной пассией, поморщился. Его всегда коробило ласковое сюсюканье Натальи. Теперь же, разнеженный, только что покинувший жаркую постель Татьяны Костромской, Соболев подумал о том, что ему совершенно не хочется видеть Марковскую, более того, проводить с ней остаток дня, вечер, ночь и следующее утро. Хотя, обе девушки были светловолосые, Таня разительно отличалась от Наташи, и внешностью и манерой поведения, разве что фигуры у юных наложниц Соболева были похожи между собой: обе плотные и крепко сбитые. К Марковской Герман испытывал более сильное сексуальное влечение, а Костромская будила в нём тёплые чувства, с ней он был более откровенен, нежели с Наташей. Татьяна ничего не знала про Марковскую. Соболев наврал ей о том, что привести в дом не может из-за дочери, так как боится травмировать ранимую детскую психику. Наталья в свою очередь подразумевала о том, что она не одна у Германа, но конкретных доказательств неверности любимого мужчины у нее не было. Таня догадывалась, что Соболев не испытывает к ней любви, но её устраивало то, что она имела: дорогую одежду из бутиков и щедрые подарки. Татьяна работала в пенсионном фонде, увлекалась буддизмом, по природе была брюнеткой, но постоянно окрашивала короткие волосы в соломенный цвет, и любила Германа с невероятной экспрессией, не опускаясь до ревности в противовес вспыльчивой и ревнивой Наташе.

– Вы где? – тон Германа был немного сухим и колючим, но Наталье было не до нюансов: она истосковалась по нему и желала немедленно видеть своего мужчину.

– В «Континенте»! Ты уже освободился?

– Да, отпусти Тиграна, и ждите меня, я приеду за Вами!

– Хорошо, солнышко! – Наташа отключила связь и сердце у неё радостно защемило…

* * *

Сказать, что Соболев был вне себя от ярости, значит не сказать ничего. Он давно не помнил себя в таком бешенстве с тех времени, когда жена решила оставить его с маленькой дочкой на руках. Наталья, постоянная официальная любовница, которой он верил, хотя и не испытывая к ней глубоких сильных чувств, посмела за его спиной назначать встречи тайным воздыхателям, именно в тот момент, когда она должна была землю целовать под его ногами что бы он сумел урегулировать ночной инцидент на дороге. Пока он ехал из дома Татьяны Костромской в развлекательный центр, ему позвонил Тигран и деликатно намекнул на то, что секретарша явно ведёт двойную игру. Краски, в которых он обрисовал «случайную» встречу Питерских Ромео и Джульетты, были совсем не двусмысленные. Соболеву и раньше намекали в офисе, что Марковской частенько кто-то звонит, с кем она разговаривает в кокетливо – фривольном тоне, только Герман не хотел в это верить. Он помыслить не мог об измене со стороны Натальи, совершенно не принимая в расчет тот факт, что Наталья в первую очередь женщина, и остро нуждается в чьём-то слепом обожании и поклонении, сопровождаемым охами и вздохами, а так же готовностью мчаться по первому её зову.

В машине он, стиснув зубы, едва сдерживая себя от желания размазать симпатичную физиономию Наташи по автомобильному стеклу, разговаривал лишь с дочерью, а Наталья, ёрзая на заднем сидении рядом с Марусей, никак не могла разгадать причину такой внезапно вспыхнувшей антипатии и стены отчуждённости, которую воздвиг между ними Соболев. Лишь только дома, когда они, перекусив, посадили Марусю смотреть мультики, Наталья рискнула сделать попытку пробить броню своего босса и любимого мужчины.

– Герман, дорогой, – Наташа присела рядом с ним и потёрлась щекой о его колено.

– Ты что такой колючий? Неприятности?

Соболев ничего не ответил. Прищурившись, он скользнул по ней холодным многообещающим взглядом.

– Виски! – приказал он и Марковская, метнувшись **к** минибару, смешала «Рэд Лейбл» со льдом.

– Солнышко, – протянула Наташа, вручая бокал. – Я даже боюсь спрашивать, как НАШИ дела?

– Наши? – Соболев зло ухмыльнулся, делая щедрый глоток. – НАШИ? – переспросил он таким гадким и ёрническим тоном, что Марковской стало не по себе.

– Да, наши. – Наталья решила не тушеваться и не пасовать перед другом. Она искренне не понимала в чём причина такого злого и высокомерного тона, поэтому вскипела мгновенно, словно пыхтящий чайник, забытый на плите.

– Наши, милый, потому, что я твоя женщина!

–Да что ты говоришь, – саркастически заметил Соболев, недоумённо приподнимая правую бровь.

– И потому, что как ты изволила выразиться, ты моя женщина, это даёт тебе право встречаться с мужиками в присутствии моей дочери?

Наталья, побелев, отшатнулась, словно ей ударили под дых.

– Кто тебе скал такую глупость? – процедила она, опираясь локтями об пол, и, моментально сообразив, откуда ветер дует, запальчиво выкрикнула:

– Мы с Лёшкой сто лет не виделись. Встретились совершенно случайно!

– Ещё один звук и я тебя ударю! – потемневшие от злости голубые глаза Соболева сверкнули с трудом контролируемым бешенством. Он весь день сдерживался, чтобы не сорваться, а тут, рядом с женщиной, которую он выбрал из множества других для собственной услады, он чувствовал себя напряжённо и взвинчено.

– Да что я такого сделала? – на ресницах Наташи застыла одинокая робкая слезинка.

– Оглохла? Поправим слух? – резанул металлом Герман, делая ещё один большой глоток.

– Тигран наплёл что ли? – Марковская больше не сдерживала своих слёз, и они безостановочно потекли по пухлым упругим щекам.

– Три года работы следаком! У него глаз намётанный! Фальш за версту сечёт! – с ядовитым сарказмом ухмыльнулся Соболев.

– Я ещё раз повторяю, – в глубине Наташиных глаз сверкнула горечь затаённой обиды.

– Мы с Лёшей встретились совершенно случайно! – чеканя каждое слово, с нажимом произнесла Наталья. – Это твоё право верить мне или нет! Но учти, Герман! Недоверием ты ОЧЕНЬ обижаешь меня! Я не заслужила подобных предъяв!

– Закончила свой пафосный монолог? – брови Соболева цинично изогнулись. – А теперь послушай сюда! С этого момента ты у меня под подозрением! Пока я улаживал твои же проблемы, ты таскала мою дочь на свиданку к своему мудаку! Меня не колышет, спишь ты с ним или нет! Налицо сам факт!

– Герман, дорогой, я… – начала было Марковская, но Соболев оборвал её на полуслове суровым взглядом, не подчинение которому грозило неминуемым разрывом.

– Натах, не усугубляй ничего! Я хочу побыть один! Вызови такси или Никитоса, он отвезёт тебя домой! Встретимся в понедельник в офисе! – Герман поднялся с кресла, поставив пустой бокал на ковёр, подошёл к дивану, развалился на нём и, вооружившись пультом от плазменной панели, устало зевнул. Телевизор ожил, создавая уютную домашнюю атмосферу. Наталья стояла как громом поражённая. Все планы рухнули в одночасье. Она намеревалась провести весь уикэнд у любовника, а из-за этой аварии, унёсшая жизнь невинному человеку и совершенно глупой ситуации с Алексеем, вместо того, чтобы заняться любовью как лекар-

ством от всевозможных душевных переживаний Соболев вот так, с лёгкой руки, из-за сущей ерунды отсылает её домой.

Наташа почувствовала, как сердце кольнуло, а в голове зашумело. Телевизор орал как сумасшедший голосами группы «Инь Янь»: «Ревность накрыла меня как снежная лавина. И со вчерашнего дня меня лишь половина!!!» – старательно выводили солисты и тут Марковскую, терзаемую смутными подозрениями, осенило, что невозможно было полдня с самого утра заниматься решением их проблем. Все дела Соболев решал на уровне телефонных звонков, ну не сам же он поехал ликвидировать тело мужчины, значит, встретившись с кем надо, он после этого с преспокойной совестью укатил к одной из своих пассий, в наличии которых Наталья теперь уже не сомневалась. Прищурившись, она отметила, как расслабленно и удовлетворённо возлежит её босс на диване, что исчезла морщинка на лбу, которая пропадает на время только после хорошего секса, как быстро он забыл о её присутствии, и окончательно укоренилась в подозрении того, что весь день её любимый мужчина провёл в постели своей любовницы. Подбородок её задрожал, губы запрыгали и она, давясь слезами, вышла из комнаты, а в голове свербила одна единственная мысль: «Ты ещё пожалеешь!».

* * *

Наталья Марковская, получив отворот поворот из уст своего любовника, снедаемая сомнениями в правильности своего поступка, сидела на переднем сидении такси с красивым поэтичным названием «Сити-Блюз», и размышляла о том, что она сваляла огромного дурака, покинув квартиру Соболева и оставив его одного. Извечная женская мудрость нашёптывала ей, что не следовало оставлять любовника в момент их ссоры. Она должна была отсидеться в другой комнате, что бы по истечению времени, когда Герман выпустит пар и отойдёт, обнять его, поцеловать, убедить в его исключительности, значимости и важности для самой Наташи, а потом заняться грандиозным сексом, который выступил бы как финальный аккорд их счастливого примирения. Но Наталья была вне себя от обиды и боли, безжалостно нанесённой жестоким другом и боссом.

Слёзы, горячими потоками, струились по её пухлым упругим щекам. Девушка даже не думала утирать их: не обращая внимания на водителя, с профессиональной миной на лице следящего за дорогой, горестно всхлипнув, вытащила из сумочки мобильный телефон и набрала номер смазливого пиар-менеджера агентства «Солнечный ветер». Натальей двигала обычная женская мстительность. Расклад, до банальности простой, был таков: раз любимый мужчина считает едва ли не предательницей, изменяющей ему и мыслями и делами, коей она не является, то она во что бы то ни стало должна соответствовать тому, кем её считают, а именно, изменить Соболеву, желательно, прямо сейчас!».

«Была не была, – подумала она, ожидая ответа абонента. – В конце концов, Олежек давно оказывает мне знаки внимания! Женщина должна иметь несколько ухажёров! Извечная ошибка всех нас замыкаться на одном мужике!».

– Да, – ответил на том конце провода Олег Веселов, и сердце у Натальи застучало еще сильнее.

– Здорово, труженик пиара! – Марковская окрасила голос кокетливыми интонациями.

– О, мадам Соболева собственной персоной! Чем полезен-с? – Дурашливо ответствовал Олег, отдавшись на милость лёгкому флирту.

– Мадам Соболева желает немедленно видеть тебя! – властно залепила Марковская, надменно щурясь. Слёзы высохли сами собой, а чувство обиды и боли приглушила спарринг-игра с Веселовым.

– Что, с Германом траблы? – немного по-хамски осведомился Олег, на что Наташа лишь презрительно фыркнула, не сочтя нужным отвечать на отпущенную шпильку.

– Натах, – посерьёзнев, ответил Олег, – если поцапалась с Андреичем, приезжай, дернем коньячку, отпустит! Кинцо позырим, музон погоняем! Я тут откисаю в одиночестве! Пивом балуюсь! Завтра же не на работу!

– Ты точно один?

– Да один я, Натах, один! – вздохнул Веселов, и Наталья интригующе заулыбалась.

– Адрес говори?!

– Бульвар Новаторов 45, квартира 15!

– Жди! – Марковская отключилась и, победно усмехнувшись, томным голосом велела таксисту:

– Шеф, гони на Новаторов сорок пять!

Блаженно откинувшись на сидение, она сцепила руки в замок на затылке и рассеянным взглядом посмотрела в запорошенное снегом окно.

«Шарф у Германа оставила, – мелькнуло у нее в голове. – Забрать надо! Может уволиться? Не любит он меня!! Сам с бабы слез, а на меня бочку катит! Может домой в Северодвинск? Или с Сашкой переспать? Салат на столе остался, без холодильника испортится! Схожу с ума что ли? Я замкнулась на нём, но есть и другие – Олежка например!»

Марковская поймала себя на мысли, что думает о какой-то ерунде, перескакивая с одного предмета на другой. Щёлкнув замочком сумки, она достала зеркальце и принялась наводить марафет. Обновив макияж и подкрасив губы, Наташа расчесала волосы, взбив их пышным облаком, и вдруг ни с того ни с сего вспомнила утренний сон.

«Мой он будет, мой!» – отчётливо раздался в голове угрожающий шепот той самой рыжеволосой девушки из сна. – Ты мне мешаешь!»

Наташа вздрогнула, явственно ощутив рядом присутствие чужого человека, даже уловила ненавязчивый аромат её духов, в котором удивительным образом перемешались запахи моря, пустыни и каких-то терпких пряностей.

– Да пошла ты! – неожиданно для себя вслух огрызнулась Наталья. Её всю передернуло, и на какую-то долю секунды она испытала тот самый первобытный страх, который она почувствовала во сне. Водитель с интересом покосился на неё.

– Нервы? Выпейте на ночь водки, помогает!

– Засунь свои советы себе знаешь куда? – нахамила Наташа, яростно блеснув глазами.

– Крути, давай, баранку! – рявкнула она, копаясь в сумке. Плеер был в данной ситуации её спасением и она, вставив наушники, сделав звук погромче, стала подпевать Вере Брежневой: «Я знаю пароль, я вижу ориентир, я верю только в это, любовь спасет мир!!»

Дороги были не так запружены, как в будние дни и путь до бульвара Новаторов занял минут тридцать пять. Наташа немного волновалась перед встречей с Олегом, ведь как ни крути, а она собиралась изменить Герману.

– Остановите у магазина, – приказала Наталья, решив, что являться в гости, пусть даже и к мужчине, с пустыми руками признак дурного воспитания.

Расплатившись с водителем, она, запахнув полы дублёнки, вышла из такси, громко хлопнув назло противному шоферу дверью. Купив в супермаркете бутылку коньяка и коробку конфет, Наташа, стуча зубами от холода, вприпрыжку побежала сторону дома номер сорок пять, выискивая нужный номер. Плеер она так и не вынимала из ушей, поэтому не могла услышать чьи-то быстрые торопливые шаги у нее за спиной. Белые волосы развевались, искрясь на морозном воздухе, глаза сияли, словно искры от бенгальских огней, что ни говори, а близость тайного свидания приятно щекотала растрепанные нервы и будоражила кровь. Сорок пятый дом находился далеко от дороги и Наталья, проваливаясь в небольшие сугробы, бежала в сторону дома Веселова Олега, углубляясь внутрь двора-пенала, а чья-то тень неотвратимо следовала за ней по пятам.

Домофон в подъезде был сломан, и Марковская беспрепятственно вошла в парадное, а за ней, большим темным пятном, скользнул высоченный темноволосый парень в коричневой засаленной дубленке. В подъезде было темно, лишь тускло светила мутная лампочка в районе второго этажа. Чертыхнувшись, Наталья только успела поставить ногу на первую из ступенек лестницы, как почувствовала, что её кто-то рывком потянул на себя. Приглушённо вскрикнув, Наташа увидела, что огромная мозолистая рука, пахнущая никотином и спиртом, зажала ей рот. Расширенными от ужаса глазами, она заметила, что на кисти этой руки не хватает указательного пальца. Ощутив во рту привкус грязного кляпа, девушка едва сдержала порыв опустошить желудок, но тут дыхание ей перекрыл сокрушительной силы удар в живот. Согнувшись пополам, мыча от боли и страха, Наталья с безумным ужасом осознала, что это её последние минуты на грешной земле. Удавка, наброшенная ей на шею, нещадно сдавила горло. Лишённая возможности дышать и сопротивляться, Наталья захрипела, задёргалась, перед глазами всё поплыло и затянулось мутной пеленой.

«Теперь ты больше не будешь стоять у меня на пути!» – раздался в ушах спокойный и убийственно холодный голос рыжеволосой бестии из сна. Наташа почувствовала, что её сейчас вырвет, и одновременно с этим натяжение веревки усилилось, кислород перестал поступать в лёгкие и Марковская, грузно осев на заплеванный пол, испустила дух. Расчетливый убийца, по-змеиному посвистывая, смотал веревку, спрятал её в карман и содрал с запястья жертвы тяжёлый золотой браслет – свой первый трофей. Когда он, сутулясь, широким размашистым шагом покидал подъезд, под ногами у него хрустнул корпус плеера, выпавшего из кармана Наташи…

– Девушка, приехали! – голос таксиста выдернул Наталью из цепкого плена кошмарного сна. Распахнув глаза, она с ужасом воззрилась на бородатое лицо таксиста. Марковскую колотила нервная крупная дрожь, над верхней губой блестела испарина, под глазами залегли нездоровые тени.

– Где я? – стуча зубами, спросила Наташа. Всё тело ломило от боли, а руки тряслись как у паралитичной.

– Сон дурной? Вы так стонали, словно вас душили! Бывает! Выпейте водки на ночь! Помогает! – посоветовал водитель, понимающе качая головой. – Ленинский проспект, дом двадцать, как заказывали!

– Господи, я жива, я жива… – бормотала Марковская, испуганно дёргая дверцу такси.

– Я жива, слава Богу, жива!!! – Причитала она, вылезая из салона автомобиля, судорожными понюшками вдыхая свежий морозный воздух.

–Я жива, жива… – закричала она и, покрепче вцепившись в ручки редикюля, побежала к подъезду, забыв расплатиться с озадаченным таксистом.

– Истеричка малолетняя! – сплюнул водила, покрутив пальцем у виска, и нажал педаль газа…

Глава IV

***

Мэрилу понятия не имела, в какую сторону они едут, знала лишь, что на север, и, судя по всему, противоположную от центра города. В троллейбус входили и выходили люди, а они с Аней продолжали ехать, не ведая куда. В конце концов, Рыжая решила встряхнуться, взять себя в руки и выйти из сонного оцепенения, в которое она вогнала себя после удачного завершения сеанса. Следовало ещё раз всё детально обдумать и взвесить. Выпрямившись на сидении, девушка стала размышлять, по своему обыкновению раскладывая всё «по полочкам». Итак, что она имела? Одна в незнакомом, враждебно настроенном мире. Связь с проводни-

ком-покровителем утеряна навсегда, а, значит, возможность возвращения в своё временное пространство равна нулю. Единственная зацепка, способная оказать поддержку, направить на нужный путь и прояснить многие непонятные моменты, это Катерина и лейтенант Прохоров. Евгений находится в Санкт-Петербурге, номер телефона его утерян. Найти сестру Марины Самойловой будет трудно, но Мэрилу решала задачки и более высокой степени сложности. Ещё немаловажный момент, что делать с этой немыслимой кучей ворованных деньжищ? Варианта два. Первый: от сумки с деньгами нужно непременно избавиться, а ещё лучше, отдать в полицию. Неплохой вариант, правильный, но при таком раскладе она, так или иначе, попадает под следствие, пусть даже просто свидетельницей, но терять попусту время и рисковать своей свободой, когда на руках ребенок и возложенная на нее миссия, Мэрилу не сочла возможным. Вариант второй – присвоить их себе, тем самым решив множество проблем, ведь у неё самой был только кошелёк Марины, да и тот остался в теперь уже сгоревшей в машине сумке, а с такими капиталами Мэрилу будет не просто мобильна, а ещё и экономически защищённой по всем фронтам. Дилемма вырисовывалась не из лёгких. Разумеется, Мэрилу было плевать та всяческую мораль и этические соображения. Служители тёмных сил не считали воровство грехом. Тем более, если оно идёт во благо спасения ребёнка как в данном случае, но Мэрилу была не знакома с местными порядками, и могла только предположить, что будет с ней, если её поймают на воровстве. Сивый далеко не глупец: попав в руки правосудия, будет молчать себе же во благо, тем самым ему смогут вменить лишь угон транспортного средства. Ну не будет же он орать на всех углах о том, что он с подельником грабанул банк, угнал машину, а девица-заложница стащила у него из-под носа ворованные деньги. Возможно, выйдя из участка, он будет искать Мэрилу, а вот это уже маловероятно, потому, как он о ней ровным счётом ничего не знает. Если принять за наиболее подходящий вариант с присвоением денег, то следует предусмотреть множество нюансов, такие как неожиданная встреча с Сивым, ведь как говорят неисповедимы пути твоей жизненной судьбы, и, в этом случае, Мэрилу необходимо подстраховаться и стать в глазах окружающих совершенно другим человеком, а не той, запомнившейся многим, красавицей с развевающимися, длинными по пояс, ярко-рыжими волосами, в панике убегающей из автомобиля.

«Ход первый – нужно изменить внешность!» – Решительно нахмурилась Мэрилу, ощущая на сердце вселенскую печаль и грусть. Своей роскошной гривой она гордилась, кроме того, это была память о её матери, от которой она унаследовала такую глянцевую и слегка кудрявившуюся роскошь в виде чудесных шелковистых локонов.

«Встреча с Антоном неизбежна. Так же как и с Катей и Прохоровым! Чем может объяснить женщина столь радикальную и неожиданную для всех смену имиджа? Только тем, что она женщина и хотя бы раз в жизни имеет право измениться внешне, примерив на себя незнакомый облик. Так, наименее запоминающийся и обыденный будет черный цвет, –размышляла Мэрилу, прижимая к себе спящую на соседнем сидении Анечку. – Короткая стрижка и тёмный цвет волос! Аня была в шапке, но лучше бы её нарядить в мальчика! Дети любят игры и перевоплощения, сыграем на этом. Будут искать рыжеволосую молодую женщину с маленькой дочкой, и никто не узнает ее в темноволосой, коротко стриженой брюнетке со своим сынишкой в мальчишеской одежде!» – Мэрилу тяжело вздохнула. Потянуло в сон, но она решительно взбодрилась, помотав головой из стороны в сторону. Часы на электронном циферблате в кабине водителя показывали без десяти минут четыре.

«Поспать бы….» – мечтательно подумала она, вспоминая свою уютную спальню.

«И есть очень хочется!» – желудок у нее не на шутку повело. Аня, вымотавшись после сумбурной ночи, спала как убитая, а у Мэрилу от длительного сидения совсем затекли ноги. Они катались в троллейбусе уже давно, несколько часов подряд, но водитель, словно не замечал странных пассажирок, не обращая на них никакого внимания, совершив уже несколько кругов своего маршрута от кольца и до кольца. Мэрилу понимала, что нужно выйти из состояния

безучастной наблюдательницы и приступать к решительным действиям, потому как медлить дальше было нельзя. Необходимо найти Катю, что бы решить вопрос с ночлегом, вытянуть из нее как можно больше информации, касательно жизни Марины и Ани, выйти на след Прохорова и, главное, попытаться проанализировать, что же такое произошло, отчего Гирманчи и Констанс мертвы, вместе с её двойником из этого мира Мариной Самойловой. Но для начала необходимо поменять внешность. Светиться в брадобрейной Мэрилу не хотела, потому, как обладательница слишком уж яркой и запоминающейся внешности, решившая обкорнать свою шикарную гриву, непременно запомнится мастеру, которой будет её стричь, значит, надлежит самой задать тон будущей стрижке, а, проще говоря, обрезать как можно короче свои и Анины локоны.

– Малышка, – Мэрилу ласково потрепала девочку по плечу.

– Просыпайся, солнышко! – нежным голосом прошептала она, и сердце у нее захолонуло от неведомого ей доныне чувства материнства. «Вот так и мама моя когда-то называла меня!» – с грустью вспомнилось Мэрилу. Девочка нехотя распахнула огромные сияющие глаза и, сонно моргая, потёрла их крохотными кулачками.

– Мы уже приехали, мамочка?? – Аня зевнула, растерянно хлопая ресницами.

«ПОРА!» – скомандовала самой себе Мэрилу и, перебросив через плечо сумку.

– Вылезай, принцесса! – она похлопала Аню по попе, подталкивая её к выходу. Мэрилу злилась сама на себя: потерять кучу времени, раскатывая туда-сюда по маршруту троллейбуса, но так или иначе, а передышка ей была просто физически необходима. Переместиться во времени, стать свидетельницей убийства Гирманчи, смерти Марины и Констанса, разговор с Прохоровым в присутствии понятых, похищение, всё это выбило девушку из состояния обычного внутреннего равновесия, лишив на какое-то время способности мгновенно ориентироваться. Так или иначе, волею ли судьбы, или же по стечению обстоятельств, но Мэрилу оказалась в ином временном пространстве, правила и порядки которого ей были совершенно не знакомы, и, посидев вот так, несколько часов, в полной прострации, она анализировала и наблюдала за окружающим миром, составила примерный портрет местного населения.

– Ма-ам, – Аня, словно маленький колобок, закутанный в меха, торопливо спрыгнула с подножки троллейбуса, но не удержалась на припорошенном снегом асфальте, плюхнулась на пятую точку.

Мэрилу, схватив ребёнка под мышки, отнесла её на безопасное расстояние, поправив на ней белую пушистую шапочку. Кроме них больше из троллейбуса никто не вышел. На остановке было безлюдно, не считая долговязого верзилы, копающегося рядом в открытом капоте своего «Мерседеса» и мирно спящего бомжа, прислонившегося к обледенелой скамейке. Аню немного укачало во время долгой поездки, и, судя по всему, для неё настало самое время закатить грандиозную истерику, сопровождаемую как обычно слезами, выкриками и солидным сольным концертом по заявкам трудящихся.

– Я хочу писать! – протянула она, плаксиво оттопырив нижнюю губу.

Вообще-то, Анечка была на редкость послушным ребёнком, но когда в неё вселялся дьявол, она становилась неуправляемой в такие вот ситуации как сейчас, когда она проголодалась, хотела в туалет, не понимала, почему мать таскается с ней по троллейбусам, вместо того, что бы поехать в гости к тёте Кате.

– Потерпи, малышка, – Мэрилу поправила тяжёлую сумку, подмигнув девочке.

– Сейчас мы сходим в туалет! – добавила она, озираясь по сторонам.

«Знать бы только куда?»

На улице понемногу начинало темнеть. Уши Мэрилу с непривычки ужасно пощипывало, она замёрзла, даже тёплая приталенная дубленка не спасала девушку от непривычного для нее холода.

– Я хочу в туалет! – продолжала гнуть свою линию Аня, пританцовывая на месте, окрасив интонации вредными нотками. Разбуженный пронзительным детским голосочком бомж в засаленной ушанке, с длинной, какой-то рваной, слипшейся бородой, в которой застряли хлебные крошки, проснулся, и осоловело уставился на эффектную парочку. Верзила, перестав изучать внутренности машины, захлопнув крышку, принялся наблюдать за бесплатным спектаклем, усевшись на капот «Мерседеса».

– Ой, дядя бородатый! – радостно воскликнула Аня, переключаясь на сонно моргающего бомжа. Поскольку букву «р» она не выговаривала, то «бородатый» в её исполнении прозвучало как «болодатый». Тот, ощерив беззубый рот, что-то пробурчал себе под нос и, завозившись, неуклюже поднимаясь, шагнул к Мэрилу, протягивая к ней в просящем жесте руку.

– ДоЩка, я не датый совсем, не пил уже вторые сутки, – надтреснутым голосом заканючил бомж. Опровержением его слов перегаром от него разило так нещадно, что Мэрилу отпрянула, инстинктивно хватая Аню за капюшон шубки. Верзила на капоте «Мерседеса» иронично хмыкнув, скрестил руки на груди. Бомж сорвал с головы ушанку и в порыве чувств, ведомых только ему одному, видя настроение «толпы», швырнул её под ноги обалдевшей Мэрилу.

– Помоги трудовому народу, мать твою-у-у! – взвыл он хриплым дискантом, яростно сверкая глазами. – Заржались, буржуи! Водки второй день нет! – затем, полубезумно повращав выцветшими глазами, шагнул к Мэрилу и ухватил её за ремень сумки, висящей у неё на плече.

– Дай поесть чё-нить, девка, ну что тебе жалко? Дай, – он ещё сильнее потянул на себя ремень. Хватка у такого тщедушного на вид мужичка оказалась на редкость цепкая: сумка упала с плеча и оказалась практически во власти бомжа.

– Мама!!! – пискнула Аня, испуганно прижимаясь к ногам «матери».

Реакция Мэрилу оказалась молниеносной: перехватив руку мужика, она, сомкнув пальцы на его грязном запястье, сжала его с такой силой, что тот, от неожиданности заскулил, отпустил ремень сумки, и стал вырываться, выронив свою замусоленную ушанку. Верзила, решив вмешаться, спрыгнул с капота иномарки и в два прыжка подлетел к месту потасовки.

– Шёл бы ты отсюда, мудак! – рявкнул он, дёргая бомжа за шкирку, наподдав ему под зад для начального ускорения. Мэрилу выпустила его запястье и перекинула сумку на манер почтальонов. Затрапезный мужичок, не удержавшись на ногах, грузно шлёпнулся на землю.

– Трудовой класс бьют! – загорланил тот дурным голосом, ползая на корачках.

– Сволочи, сволочи! – бухтел он, нахлобучивая ушанку задом наперед.

– Вали отсюда, сказал! – лязгнул металлом в голоса верзила, отвешивая бомжу увесистый пендаль.

– Не бейте, ему больно!!! – Анечка захныкала, вцепившись за подол Мэрилу.

– Чтоб ты сдох! – пожелал верзиле бомж и для достоверности сказанной угрозы смачно плюнул в него.

– Вас подвести? – спросил верзила, не обращая никакого внимания на гневные проклятья несчастного опустившегося бомжа.

– Скотина, окажешься на моём месте! Помяни моё слово, окажешься! – Пригрозил пророчески бомж и, кое-как поднявшись, засеменил прочь, шатаясь и стороны в сторону. Мэрилу, прижав девочку к себе, пристально посмотрела на неожиданного защитника.

– Куда? – не к месту ляпнула она, на что верзила лишь пожал плечами.

– Да хоть ко мне!– точно так же не в тему ответил он.

«Ну вот! Вариант с ночлегом определился, за это время я найду, где живёт Катя! – она «зондировала» почву, рассматривая внешность нового знакомого. Мэрилу остро нуждалась в верном союзнике, хорошем и преданном друге, которым можно было бы прекрасно манипулировать, таком сподвижнике – не агрессивном, но умеющим постоять как за себя, так и своих друзей. Вечерело, и следовало определиться с ночевкой, тем более, что они были чертовски голодными, а бедная Аня, вообще, как еще держалась на ногах.

«Нужно присмотреться к нему!» – Решила Мэрилу, откинув прядь волос со лба. При первом составлении словесного портрета визави можно было сказать следующее: вытянутый лица свидетельствовал о смелости в мыслях, поступках и действиях. Подбородок округлый, большой – значит, в незнакомце преобладают инстинкты, более того, мужчина очень чувственный. Череп высокий, а значит человек ответственный, доводящий до конца любое начатое дело. Нос короткий, что красноречиво говорит о вечном оптимизме, кончик его чуть вздёрнут – отлично, значит, верзила сексуально раскрепощен и на этом можно будет умело сыграть нужную увертюру. Длина уха равна длине бровей – судя по всему выходит, что у парня открытый и дружелюбный характер, а это именно то, что в данный момент Мэрилу хотела бы видеть в своем будущем защитнике и друге.

– Меня этот вариант вполне устраивает, – после минутного раздумья согласилась Мэрилу, продолжая держать собеседника взглядом.

– Вы серьёзно? – тот даже опешил, приняв её слова за обычный ни к чему не приводящий флирт.

– Разумеется! – Рыжая кивнула. – Очень даже серьёзно!

– Шутите! – выдохнул верзила, таращась на прекрасную рыжеволосую незнакомку. Никогда ещё женщины подобного уровня, да ещё и с ребенком, так легко не соглашались ехать к нему на квартиру.

– У Вас что-то случилось? Поссорились с мужем и негде ночевать? – Выдвинув он свою гипотезу.

– Давайте оставим расспросы на потом? – Мэрилу придала голосу немного кокетства. – Я замёрзла, устала, моя дочь проголодалась и хочет в туалет! У меня к Вам деловое предложение, –она ослепительно улыбнулась, и у бедолаги на миг перехватило дыхание, до чего прекрасна была Мэрилу в этот морозный январский день, в ореоле сгущающихся сумерек с примесью аромата свежего морозного воздуха.

– Какое? – Парень поскрёб себе небритый подбородок.

– Да, у меня проблемы! Я попала в беду и мне нужна помощь! Для начала, отвезите меня в парикмахерскую! Мне надо привести себя в порядок!

– Зачем? – верзила изумлённо уставился на Мэрилу – Вы чудесно выглядите!

– Я потом Вам всё расскажу, – та улыбнулась уголками губ. – Просто ни о чём не спрашивайте! Но для начала нам нужно перекусить!

– Разумеется, – верзила хлопнул себя по лбу. – Мы даже не знакомы… Вас как зовут?

– Марина! – Мэрилу прищурилась. – Марина Самойлова. Мою дочь зовут Аня, а Вас?

– Константин, можно просто Костя! – Парень улыбнулся скорее самому себе: эта женщина будила в нём романтические желания. Ему вдруг захотелось быть с ней всегда рядом. Засыпать и просыпаться, обнимая её, готовить завтрак и водить в зоопарк её очаровательную дочь.

– Константин Александрович Шестаков, я врач, пластический хирург! – зачем-то добавил он, стараясь произвести на неё впечатление. Обычно женщины, узнав сферу его деятельности, начинали шутить или кокетничать на эту тему, напрашиваясь на комплименты по поводу своей внешности, реакция же незнакомки явно выходила за рамки привычного. Огромные глаза секунду – другую пытливо рассматривали его, затем чёрные брови вразлёт слегка приподнялись, и она сказала просто и ясно, безо всякого намёка на заигрывание:

– Отлично! Это может мне очень пригодится!

– Да? – Константин прищурился. – Вы меня обескураживаете, Марина!

– И в мыслях не было, – Мэрилу ответно улыбнулась, отчего на щеках у нее образовались трогательные ямочки.

– Константин, то есть Костя, – в голосе девушки сквозила мягкое ненавязчивое очарование в виде лёгкого акцента. Константин не мог определить какой именно это был акцент: она

не окала, не акала и не хэкала, Марина немного растягивала слова посредине предложения, и «отлично» в ее исполнении звучало как «отли-ично»..

– Возможно, я обескуражу Вас просьбой отвести мою дочь куда-нибудь в туалет! Я неважно себя чувствую, а малышка уже не может терпеть! – попросила Марина и у Константина непривычно засосало под ложечкой. Впервые в жизни ему вверяли своего ребёнка с такой обезоруживающей непосредственностью, сопротивляться которой не было ни сил, ни желания.

Шестакову хватило секунды на размышление. Он подумал, что здесь одно из двух: или Марина превосходная манипуляторша и мастерски играет на его слабых сторонах, преследуя какую-то цель, или же она самая живая и искренняя из всех женщин, которых ему довелось встречать в жизни. Константин понимал, если он отпустит Марину, то никогда не простит себе этот шаг, но, с другой стороны, девица, на удивление странная и неземная, вполне может оказаться клофелинщицей, а перспектива второй раз проснуться в обчищенной мошенницей квартире ему не улыбалась.

«В принципе очень похоже! Сценарий до банальности прост! Девчонка для отвода глаз и усыпление бдительности! Привезу на хату, наутро гол как сокол: ищи-свищи златокудрую принцессу!» – вихрем пронеслось у него в голове. Но наткнувшись на ждущий взгляд Марины, вдруг разом отмёл всевозможные сомнения. «Быть может она и правда попала в беду? Параноик ты, док,» – укорил Константин сам себя и, подхватив девочку на руки, кивнул Мэрилу в сторону своей машины.

– Ничего, если я на «ты»? – он достал ключи из кармана и квакнул сигнализацией.

– Подожди меня, не мёрзни, на улице дубак!

– Хорошо! – Мэрилу кивнула и направилась в сторону «Мерседеса».Ей необходима была минутная передышка, что бы привести свои мысли в порядок. Подойдя к машине, она на мгновение застыла в нерешительности, не зная как открыть дверь, но, собравшись, просто взялась за дверцу и попыталась дёрнуть ее.

«Будь, что будет!» – решила Рыжая, но дверь не поддалась. Оглянувшись, она кинула беглый взгляд через плечо – Константин с Аней на руках торопливо шёл в сторону одного из зданий, где на двери красовалась загадочная табличка: «Интернет-кафе».

– Что такое интернет, знать бы еще и что такое кафе!! – Мэрилу тяжело вздохнула и сделала новую попытку потянуть на себя дверь. Но не тут-то было. Ещё раз, бегло оглянувшись, она в сердцах дёрнула за ручку – безрезультатно!

– Чёрт возьми!! – в сердцах выругалась она – Князь тьмы, помоги!!

Мэрилу возвела очи к нему и ещё раз потянула на себя ручку, покрепче сжав ее. Неожиданно, дверь поддалась и девушка, выдохнув, залезла на заднее сидение, прижимая к себе сумку с деньгами.

«Как же я устала! Мамочка, почему ты так далеко…» – на пушистых ресницах Мэрилу повисли одинокие слезинки, но так и не скатились, а продолжали хрусталиками мерцать в полумраке салона автомобиля. Одному Стане было известно как ей тяжело в данную минуту…

О, как бы ей хотелось прожить совершенно иную жизнь, не связанную с возложенной на неё миссией, как бы много она отдала за то, что бы поменяться с кем-нибудь местами, взамен получив не знания и навыки бойца тёмных сил, а судьбу обычной девушки, способной любить, смеяться и беззаботно существовать.

«Одна. Мир иноземный и странный. Чужой ребенок на руках. Всё чужое, мир, люди, жизнь не моя – а может, меня нет?»

Мэрилу встряхнула головой, обессилено откидываясь на спинку сидения. Впереди полная неизвестность и неоткуда ждать помощи. Необходимо в срочном порядке обзаводиться союзниками, иначе, она пропадёт. Мэрилу прижала замёрзшие ладони к покрасневшим ушам и попыталась согреться.

«Сейчас придет Костя. Мы перекусим. Я подстригусь и перекрашусь. Затем, придумаю незатейливую историю для Константина, чтобы он не отправил меня в дом для умалишённых! Ведь не скажешь ему: «Эй, парень! Я из параллельного мира, привет!»…Что потом? Сестра Марины – Катя, лейтенант Прохоров, к тому же нужно как-то выходить на мужа своего двойника! Нет времени на сопли! Я должна быть сильной. Гирманчи ВЕРИЛ в меня!»

Мэрилу подняла глаза и увидела, как Костя вприпрыжку бежит к машине, неуклюже прижимая к себе девочку. Она вооружилась загадочной улыбкой и на вопрос Шестакова: «Соскучилась?» лишь многозначительно помолчала, сверкая зелёными глазами…

– Вижу – соскучилась! – самоуверенно заявил Шестаков, немного выпендриваясь.

«Чёрт, веду себя как школьник!» – с укором отметил про себя он. – Соблазнитель, хренов!

Он бережно посадил Аню рядом с Мэрилу и, захлопнул дверцу «Мерседеса» с их стороны, обогнул машину спереди, после чего занял водительское место.

– Значит, в кафе, потом в парикмахерскую? – Константин посмотрел на Мэрилу, поправляющую на ребёнке шапку, и на сердце его затеплился робкий огонёк надежды: «Быть может, эта женщина моя судьба?». Ему было невероятно легко и непринуждённо в общении с Мариной, которая за несколько минут так прочно вошла в его жизнь, а то, что это не мимолётная связь у Шестакова не было ни малейших сомнений.

– Да! – Мэрилу обняла Аню и прижала ее к себе. – Мы очень проголодались!

– Тогда, вперёд! – Шестаков расстегнул куртку и резко газанул с места, поглядывая в зеркало заднего вида. В ореоле рыжих волос лицо Рыжей казалось ему сказочно прекрасным. Новая знакомая ассоциировалась у него с героиней какого-нибудь фантастического триллера, этаким инопланетным существом, чей звездолёт потерпел крушение на нашей планете. Глаза Марины отражали Вселенную, затягивали как в омут с головой, не оставляя ни малейшей надежды на спасение. Константин с тревогой почувствовал, как сердце его стучит всё сильнее и сильнее, а кровь приливает к вискам, распаляя в нём желания защищать и оберегать её. Мозг уже рисовал в воображении самые смелые фантазии их будущего секса, тогда как Мэрилу, напротив, ощущала себя на перепутье, бежать сломя голову, или остаться, предложив Шестакову роль своего покровителя. То, что Шестаков сыграет одну из главных ролей в её жизни, она не сомневалась, почувствовав это на интуитивном уровне сразу, как только увидела его. Выросшая в спартанской обстановке, вдали от девических грёз и мечтаний, воспитанная лишь на слове «надо», нежели на его антиподе – «хочу», начисто лишённая возможности флиртовать с её ровесниками, в свои неполные тридцать пять лет была всё ещё девственницей, но, тем не менее, понимала, что является для нового знакомого объектом страсти. Однако, из своих видений, посетивших её за прошедшее время, она ясно увидела черноволосого мужчину, которого судьба, судя по всему, сделала центральной фигурой в жизни Рыжей, поэтому Мэрилу стало жаль Константина, ошарашенного её сильным энергетическим притяжением. Ни разу в жизни не испытывая сексуального влечения к представителю мужского пола, Мэрилу неожиданно для себя вдруг осознала, что её непреодолимо влечёт к тому самому мужчине из видений, но в то же время она жаждет ощутить на себе заступничество и покровительство Константина Шестакова. Она ещё не знала, что попала в мир, где царят совершенно иные порядки и скорее всего, современные мужчины разбалованы доступностью женщин, чего нельзя было сказать о мире, где жила и росла Мэрилу. Сражённый её красотой, Шестаков рано или поздно возжелает заполучить её в постель, но об этом не могло быть и речи, и то, как она будет отбивать атаку Константина, она пока не имела ни малейшего представления.

«Буду решать проблемы по мере их поступления, – здраво рассудила Мэрилу, привычным жестом наматывая на палец тугую колбаску волос. – Для начала еда, потом изменение внешности! Только в таком порядке, иначе, я умру с голода!». Аня, заинтересованная новым человеком, чужой машиной, вереницей приключений и неожиданностей, притихнув, таращила

глазёнки, рассматривая салон автомобиля. В животе Мэрилу протестующее заурчало, да так громко, что все трое, включая Аню, засмеялись. Константин порылся в бардачке и протянул обеим по «Сникерсу».

–Заморите червячка!! – сказал он, ловко обгоняя юркую приземистую «Оку».

«Заморить червячка? Где червяк? Как это? Зачем его морить?» – озадачилась Мэрилу, но потом сообразив, протянула одну шоколадку девочке. Та, с жадностью оголодавшей мартышки, в считанные секунды расправилась с обёрткой, а затем с аппетитом погрузила зубки в плотно набитый орехами и нугой батончик. Ориентируясь на неё, Мэрилу смело откусила кусочек и тот час очутилась на вершине блаженства: никогда ещё девушка не вкушала ничего подобного. Великолепное сочетание орехов, начинки и молочного шоколада показалось ей невероятно восхитительным, и Шестакову, подглядывающему за ней в зеркало, показалось, что она пробует это лакомство впервые в жизни.

– А ты откуда? – осведомился Константин, посмотрев на Мэрилу через плечо.

– Санкт-Петербург! А ты?

– Надо же, какие совпадения! Сам-то я из Калининграда! Живу в Питере, а здесь по делам, был на конгрессе врачей! – он обернулся и подмигнул девушке.

– Соседи, значит! А где ты там живёшь, в каком районе?

–Я к сестре прилетела, вместе с ней должны были в Калининград вылетать, – уклонилась от ответа Мэрилу, откусывая новый кусочек от «Сникерса».

– Нет, ну бывают же совпадения! – Шестаков даже присвистну, усмехнувшись. – Хочешь – не хочешь, поневоле поверишь в судьбу! Ведь не остановись я там, около инет-кафе, не встретил бы тебя!

– Встретил бы, – твёрдо заверила Мэрилу, скомкав обёртку. – Не мог не встретить!

– Это почему? – удивлённо поинтересовался Константин.

– Судьба! – коротко ответила Мэрилу, ограничиваясь только этим, кратким, но довольно ёмким пояснением. Верзила кинул на неё пристальный взгляд через плечо.

– Загадочная ты девушка, – Шестаков добродушно рассмеялся.

– Чем же я такая загадочная? – по-прежнему безо всякого кокетства в лоб спросила Мэрилу.

– Да, словно не от мира сего! Этим ты мне и нравишься! Вот дочка твоя другая совсем, а ты нет!

– А я и есть из другого мира! – неожиданно брякнула она и, перепугавшись, тот час перевела разговор в другое русло.

– Куда мы едем? – Мэрилу покрепче прижала к себе Аню, вымазавшую себе руки шоколадом.

Шестаков загадочно промолчал, выдерживая театральную паузу, а потом с наигранным апломбом заявил:

– В одно удивительное место! Скоро уже приедем, потерпите!

– И чем же оно удивительно?

– Да так, просто одна кафешка! Я в ней обедал, когда ещё первый раз приехал в Москву! Мне тогда лет девятнадцать было! Я был полон надежд, знаешь, тогда я романтиком был – молодой, наивный! – губы Шестакова сложились в ироничную улыбку. Ему было невероятно приятно слушать музыкальный голос Мэрилу, а та в свою очередь отметила, что его длинные пальцы очень уверенно сжимают руль автомобиля.

– А сейчас тебе сколько лет?

– Двадцать восемь, а тебе?

– Немногим больше! – Мэрилу щёлкнула девочку по носу и забрала у нее смятую обёртку.

–Костя, неприлично спрашивать у девушки ее возраст! Ты лучше не оборачивайся, а на дорогу смотри! – в бездонных зелёных глазах светились озорные огоньки и Шестаков, расхохотавшись, весело присвистнул.

–Значит ты больше не романтик? – поинтересовалась Мэрилу. Она уже начинала привыкать к этому загадочному миру с большими машинами, огромными зданиями, пушистым снегом, и, постепенно он начинал казаться ей не таким уж нелепым, отторгающим её.

– Да как сказать, наверное, каждый из нас в душе романтик!

– Да, это так! – Мэрилу замолчала, подумав о том, что ей не следует показываться на людях со своей рыжей шевелюрой. Есть, конечно, хотелось безумно, но так рисковать она не могла.

– Костя, пожалуйста, давай сначала заедем куда-нибудь, где я смогу привести себя в порядок! Мне очень надо! – В ее голосе было столько настойчивого очарования, что противостоять её просьбе Шестаков не смог. Догадываясь, что все расспросы не приведут ни к чему хорошему, а лишь разрушат идиллию, возникшую в их общении, он промолчал и стал высматривать какой-либо салон красоты. Молчала и Мэрилу, лишь только Аня тихонечко что-то щебетала себе под нос. Метров через триста, когда он остановился на красный свет, на противоположной стороне улицы он увидел вывеску «Салон красоты «ИРЭН»», и, вырулив с проезжей части, заехал в «карман» дома.

– Ну вот, Марина, здесь ты можешь привести себя в порядок! – Шестаков разблокировал двери. – А мы пока зайдём в магазинчик, во-он в тот, перекусим кефиром и сырками, а потом поедем в то кафе!

– Нет, Аня пойдёт со мной! – твёрдо сказала Мэрилу, помня о том, что хотела коротко подстричь девочку. – А ты подожди нас здесь! Только сначала мы все вместе сходим и купим что-нибудь поесть?!

Константин слегка опешил: тон Марины на первый взгляд казался мягким, даже просящим, но на самом деле он был таким решительным и властным, что неподчинение её решению для него совершенно не представлялось возможным.

– О`кей! – Константин наглухо застегнул молнию куртки и стал выходить из салона. Очутившись на улице, Мэрилу заметно поёжилась, отметив, что за несколько минут пока они ехали, значительно похолодало. Константин посадил девочку к себе на левую руку, а правой неожиданно для себя взял Мэрилу за руку.

– Я всегда говорил, красота женщины – страшная сила! И требует жертв!!!

– Ой, моя сумка!!! – всполошилась Мэрилу, выдёргивая руку, метнувшись обратно к автомобилю. – Я возьму её с собой!!!

Шестаков нахмурился. Он уже сделал для себя вывод: на клофелинщицу она не похожа, иначе стала бы она тащить его в салон и в магазин, где десятки свидетелей, но странностям ее не было предела. Во всём ее облике сквозила какая-то яркая самобытность, если можно так сказать *нездешность*, что он даже подумал, а все ли у неё, собственно говоря, дома?

– Можно подумать, что там у тебя золото-бриллианты!! – схохмил он, не подавая виду, что так уж озадачен её поведением. Вытащив сумку из машины, он хотел было повесить её себе на плечо, но Мэрилу опередила его.

– Ну ты даёшь, так печёшься за свои тряпки???

– А может я ювелирный магазин ограбила? – зелёные глаза Мэрилу заглянули ему в душу, словно огнём обожгли. Шестакову стало немного не по себе.

«Точно, чудная!»

– Пойдём, Бонни и Клайд в одном флаконе!! – он снова взял её за руку, чувствуя, как по жилам побежало тепло. «Стоп, приятель, не время влюбляться! Хотя, с другой стороны, почему бы нет? Была бы она замужем, не шаталась бы одна по городу! Странная же! Уклоняется от ответов, скрытничает, интригует! Точно не от мира сего! Хотя, ну, оригинальни-

чает девушка, что с того? Сам тоже, петух недобитый! Растаял как дурачина!» – размышлял Шестаков, гордо вышагивая в сторону магазина. Для окружающих они выглядели обычной семьёй, направляющихся за покупками, но Константину невероятно льстило, что его могут принять за мужа такой очаровательной и прелестной девушки как Марина. Аня, уютно примостившись на его руке, теребила воротник его куртки. Мэрилу, прижимая к себе перекинутую через плечо сумку, во все глаза смотрела на обстановку самого что ни на есть обычного магазина эконом-класса, так разительно отличавшегося от их лавок, в которых она обычно покупала продукты и предметы первой необходимости. Шестаков по-хозяйски расхаживал между прилавков. Анечка, находясь в приподнятом настроении, озиралась по сторонам, а Мэрилу во все глаза рассматривала обстановку, запоминая каждую мелочь, что бы в дальнейшем иметь более достоверную информацию о том, как устроены магазины этого мира.

– Бананы? – спросил Шестаков, вооружившись внушительной связкой ярко жёлтых фруктов. Для Мэрилу, ни разу в жизни, не видевшей подобных плодов, всё было в новинку.

«Должно быть вкусно!» – решила про себя она, отметив оживлённую реакцию Ани.

– Дядя Костя, дай банан!!! – пискнула та, потянувшись ручонками к фруктам.

– Подожди, солнышко, сначала заплатим на кассе! – Шестаков прижал к себе ребёнка и вдруг ясно осознал одну простую истину: если Марина исчезнет из его жизни вместе со своей дочерью, как раньше существовать он уже не сможет. За каких-то несколько минут, эти двое стремительно ворвались в его размеренную, полную рутины жизнь, заняв довольно таки внушительную нишу в его сердце.

– Молоко?

– Да, – Мэрилу радостно засмеялась, услышав знакомое слово, и от её переливчатого смеха, от сияния бездонных ясных глаз, на душе у Константина стало светло, тепло и радостно.

– Ну, тогда на кассу!!

«Знать бы, что такое касса»?? – новоиспечённая Марина Игоревна Самойлова подошла вместе с Шестаковом, с ловкостью фокусника державшего на руках и девочку и бананы с двумя продолговатыми коробками с ряженкой, к месту, где люди расплачивались закупленные товары.

«Вот что это такое «касса»!» – догадалась она, рассматривая необычный агрегат, к которому подносили продукты, он забавно пикал, после чего девушка с табличкой на груди «Кассир Ксения Федорова», назвала сумму, требуемую к оплате.

Заплатив по кредитке, Константин сгрузил всё в пакет, затем, предварительно отщипнув по одному банану, протянул матери и ребёнку. Догадавшись, что его нужно очистить, а потом уже есть, Мэрилу надорвала ароматную кожуру и, сделав из нее подобие «юбочки», дала один банан девочке.

– Маринка, давай сумку-то? Тяжело же? – Константин недовольно посмотрел на девушку.

– Спасибо, я сама!!!

– Ты точно банк ограбила!! – Шестаков прищурился.

– Ну, я же говорила, что ограбила!!!

– В следующий раз на дело пойдёшь, возьми меня в подельники! – Константин подмигнул.

– Следующего раза не будет!!!

– Заработаешь менингит, будешь знать, разгуливаешь с непокрытой головой, – с бухты барахты, совершенно не к месту ляпнул Шестаков.

– Что? – Мэрилу вскинула на него удивлённый взгляд.

– Я говорю, застудишь голову, потом проблем не оберёшься! Шапки носить надо! Да я, собственно, лекций не читаю, я как врач говорю!

На эскападу подобного рода Мэрилу ничего не ответила, а лишь опустила длинные мохнатые ресницы. Константин внось почувствовал, как сердце защемило от нахлынувшей на него нежности.

– Не понимаю я Вас, женщин! Фасоните всё!!

– Сам-то что без головного убора? – в глазах Мэрилу зажглись смешливые огонёчки. Заглянув в них, Константин увидел, что они похожи на сказочные озера перед грозой: зелёные, спокойные, отливающие изумрудным светом, с ярко-чёрной окантовкой, которая и делала взгляд девушки таким притягательно опасным и завлекающим, как у русалок из сказок.

– Так я же на машине! – отведя взор, опасаясь окончательно пропасть, пояснил Шестаков.

– А я в шапке! – заявила Анечка, которую никто не спрашивал и Константин с Мэрилу расхохотались.

– Ну, машина это серьёзное оправдание! – понимающе кивнула Мэрилу, подойдя ко входу с надписью «САЛОН КРАСОТЫ «ИРЭН». Константин поставил девочку на землю. Недоумевая, зачем Марина тащит ребёнка в салон красоты, он, тем не менее, решил воздержаться от дальнейших расспросов.

«Вцепилась в свою сумку, словно она и правда доверху набита деньгами!» – пронеслось у него, но вслух он сказал безо всякого подозрения в голосе.

– Я буду ждать Вас в машине, а, лучше, пойду в мужской зал, Побреюсь! – ему вдруг захотелось навести на себя недостающий внешний лоск. Спортивный, поджарый, с волосами цвета тёмной соломы и очаровательными ямочками на щеках, он всегда нравился женщинам. Представители прекрасной половины обожали его и редко обращали внимания: выбрит ли Константин, или же на щеках его красуется сексуальная трёхдневная щетина, но после знакомства с Мариной ему хотелось произвести на неё самое лучшее впечатление.

– Заодно и подстригусь! Жду Вас в машине! Да, вот… – Константин вытащил из кармана куртки портмоне.

– Думаю, Вам должно хватить! – он протянул ей пятитысячную купюру. Марина, вовсе не собираясь мешкать, сунула банкноту в карман шубки, вполне логично рассудив:

«Если мужчина протягивает деньги, значит, в этом мире принято расплачиваться даже незнакомых женщин. Что ж, учту на будущее!»

– Хорошо, до встречи! Но помни, не переусердствуй в наведении марафета!! Ты и без того супер!!! – Константин, показав ей вытянутый вперёд большой палец, круто развернулся на каблуках и направился в сторону мужского зала.

Мэрилу, присев на корточки перед девочкой, взяла её руки в свои ладони и, сняв с неё варежки, прошептала, заглядывая Ане в глаза:

– Малышка, ты ведь любишь сказки?

Аня кивнула, а её глазёнки заблестели азартным блеском.

– Давай поиграем в сказку, где одна маленькая девочка решила укоротить свои волосы. Я хочу подстричь свои волосы, так как они уже очень длинные, и могу попросить тётеньку парикмахера, она и тебе может подстричь волосики, хочешь?

– Ага, – закивала головой Аня, хлопая в ладоши.

– Вот и чудесно! – Мэрилу глубоко вздохнула – часть дела была сделана.

– Держи, малышка, попей молочка, – Мэрилу протянула Ане коробку с молоком, отвинтив с неё крышку.

– Пей аккуратно, чтобы не заболело горло!

Сняв с девочки шапку, она прошла в женский зал, отметая малейшие колебания и сомнения, решительно зашагала высокой стойке, за которой сидела симпатичная юная блондинка.

– Добрый день! Мы хотели бы подстричься коротко, а меня ещё нужно перекрасить в чёрный цвет!

Администратор любезно улыбнулась дежурной, но весьма сладкой и чарующей улыбкой.

– С удовольствием! Рады видеть Вас в нашем салоне! У нас как раз сейчас свободны два мастера! Прошу Вас, раздевайтесь! – она гостеприимным жестом указала на вешалку, стоящую при входе.

* * *

После ухода Наташи Герман сам не заметил, как задремал под убаюкивающее бормотание телевизора. Маруся, самодостаточный ребёнок, чем-то тихонечко занималась в своей комнате, а он, вымотавшись за прошедшую неделю, заснул, что с ним бывало крайне редко в столь ранний час. Ещё с самого раннего детства у Германа была установка не спать после пяти часов, но сегодня он вырубился в половине пятого на середине фильма, на самом интересном месте. Соболев спал, но даже во сне мозг его не переставал работать ни на минуту. Дамокловым мечом вот уже пару месяцев для него оставалось его возможное депутатство в областную думу. Герман и сам твёрдо не мог ответить на вопрос так ли ему нужен этот пост, ведь, случись всё так, как он хочет, жизнь его превратится в один сплошной непрерывный дурдом, и он уже не сможет уделять дочери достаточное количество времени. Управления агентствами «Солнечный ветер», а их по городу целых три офиса, переложить на своих помощников он не мог. У Соболева был свой девиз: «Верь только самому себе!», потому, как на лицо слишком много наглядных примеров захвата бизнеса или откровенного воровства со стороны так называемых вторых лиц компаний. Бизнес, ставший делом всей его жизни, он ставил превыше всего, разумеется, после собственной дочери, так что для него пока ещё было непонятно, как он сможет совмещать работу в областной думе с координированием сети своих агентств. Соболев нередко задумывался, какого чёрта он, вообще, подал заявку и вздумал баллотироваться в депутаты. Юрка Звягинцев объяснял это простым понятием – «Мужские игрушки». Герман и сам понимал, что само по себе депутатство для него не так важно, как желанен некий ореол, витавший вокруг вожделенной должности. Ещё со школьной скамьи девизом маленького Германа был лозунг: «Круче, выше, сильнее». Ему во всём всегда и везде нужно было быть первым – первым в классе, первым отличником, не смотря на хулиганские выходки, неоспоримым лидером своей группы в Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского Государственного Университета. Сам по себе «политический полигон военных действий», как он в шутку называл весь аппарат управления, был пока ещё для него дремучим тёмным лесом, но, помимо амбициозных целей, он ощущал в себе потребность сделать хоть что-нибудь для народа, хотя, и осознавал, что в этой стране осуществить это практически нереально.

Соболев спал, и сон его был ровным и глубоким, как у ребёнка. Черные ресницы, длинные и пушистые, словно девчоночьи, легонько подрагивали, а лицо впервые за долгое время было безмятежным и умиротворённым. Ему снилось море, бескрайнее, манящее, завораживающее своей нереальной красотой. Он стоял на берегу, у самой кромки воды, в синих шортах и белой футболке, подставив загорелое лицо приятному морскому бризу. Взгляд его был устремлён в бесконечную даль, куда так настойчиво манила его лазурная синева, а протяжные крики чаек будоражили в душе желание сорваться с места и мчаться на белоснежной яхте, навстречу ветру, приключениям и опасностям. Ласковое утреннее солнце целовало его смуглую кожу, интимно, словно опытная любовница, но делало это столь искусно, что он даже не сразу, но почувствовал, как чьи-то руки нежно обвили его шею, а тихий волнующий голос произнёс: «Я здесь, любимый, я так долго тебя искала!». Обернувшись, Соболев увидел перед собой тоненькую, как подросток, девушку в полупрозрачной, свободного покроя, тунике персикового цвета. Ярко-зелёные глаза незнакомки пристально глядели на него, проникая прямо в душу, и от этого взгляда по спине Германа пробежали мурашки. Девушка, опустив руки, улыбнулась, а Соболев вдруг почувствовал, что знает эту незнакомку сто тысяч лет, все свои

прошлые и настоящую жизни. Она молча смотрела на него своими огромными бездонными глазами. Соболев, пользуясь заминкой, принялся изучать невесть откуда взявшееся прелестное создание. Девушка была красива, но не той кукольной красотой, которую во все времена воспевали поэты и запечатлевали на своих полотнах художники. Она была, будто, соткана из какого-то другого материала, нежели современные женщины. Дело было даже не в её фарфоровой коже с оттенком кофейного загара, не в стройном теле, просвечивающим сквозь прозрачную ткань туники, и не в длинных, ниже пояса волнистых ярко-рыжих волосах. Вся суть заключалась в каком-то потустороннем взгляде мерцающих с поволокой глаз, фантастически зелёного цвета в оправе длинных чёрных ресниц.

«Привет!» – только и смог сказать Соболев, первым нарушая молчание.

«Здравствуй, милый!» – ответила ему незнакомка, продолжая держать его взглядом.

«Ты откуда?» – ляпнул очередную банальность Герман и разозлился сам на себя. Обычно у него не возникало проблем в общении с девушками, даже самыми красивыми представительницами из модельного бизнеса и кинематографической среды. Здесь же он, не понятно, отчего с глупой миной понёс заезженные штампы, вместо того, чтобы надменно прищурившись, прожечь рыжеволосую красотку оценивающим мужским взглядом.

«Это не важно, – голос девушки был по-прежнему тихий и вкрадчивый. –Всему своё время, только помни, я не отдам тебя никому Тем более – ей!!»

«Кому – ей?» -удивился Герман.

«Ты знаешь кому!» – просто ответила рыжеволосая, откинув упавшую на лоб прядь волос. У Германа возникло довольно таки странное ощущение, что девушка явно чего-то не договаривает. Соболеву было немного не по себе: собеседница словно из воздуха выкристаллизовалась, а ведь несколькими минутами раньше на пляже кроме него не было ни единой живой души. Он хотел было подумать о том, что это сон, а во сне чего только не привидится, но мозг его отказывался воспринимать происходящее с ним всего лишь как игру воображения. Ему казалось, что это ни что иное, как реальность, о чём красноречиво говорил аромат исходящий от девушки: по-восточному пряный, с примесью ванили, черёмухи, и свежестью морского бриза.

«Да нет у меня никого!» – синие глаза Соболева продолжали рассматривать девушку, отмечая её маленький нос и пухлые чувственные губы. Досадуя на то, что ведёт себя как неопытный школяр, Герман, небрежно засунул руки в карманы шорт.

«Теперь есть!» – девушка улыбнулась ровными жемчужными зубами.

«Ты?» – Соболев нашёл в себе силы, и, стряхнув с себя оцепенение, насмешливо усмехнулся своей фирменной, чуть надменной, ухмылкой. В глазах незнакомки на сотую долю секунды, как показалось Соболеву, промелькнуло разочарование.

«Нет нужды играть роль, – Рыжая покачала головой, отводя взгляд и устремляя его в безбрежную морскую даль. – Просто будь собой, милый! Найти трудно, а вот потерять легко!»

«Как тебя зовут-то?»

Незнакомка ничего не ответила, только лишь обернулась через плечо с едва обозначившейся на губах улыбкой. К ним приближался высоченный накаченный светловолосый верзила в ковбойской шляпе и чёрных джинсах.

«Это что ещё за фраер??» – пронеслось в голове у Соболева. Поравнявшись с ними, парень взял незнакомку за руку и, коротко бросив: «Пойдём!», повлёк за собой. Понимая, что ещё минута, и она пропадёт из его жизни, Соболев властно схватил её за другую руку, по-хозяйски потянув на себя. Девушка, оказавшись предметом делёжа, обречённо посмотрела в ясное безоблачное небо. Девушка, высвободив обе руки, покачала головой, тепло улыбнулась сначала Соболеву, потом верзиле, а затем медленно пошла прочь, с каждым шагом удаляясь от них всё дальше и дальше. Мужчины, не в силах сдвинуться с места, стояли и смотрели ей в

след, пока тоненькая фигурка девушки, превратившись в едва заметную точечку, не исчезла за линией горизонта.

Соболев проснулся резко, будто от толчка. По каналу «СТС» шла передача «Шесть кадров». Рядом, на широченном диване, примостилась Маруся с блокнотом для рисования.

– Я поставила чайник, пока ты спал! – деловито сообщила девочка, оторвавшись от увлекательного занятия. – Па-ап, давай поедим зефира в шоколаде? – предложила она, аккуратно надевая колпачок на фломастер.

Герман нахмурился: по всему выходило, что это был всего лишь сон, прекрасный, таинственный, но сон это всего лишь сон. Ощущение потери было сродни душевной боли. Он отдавал себе отчёт, что девушка являлась всего лишь фантазией, но понимал одно: с этой самой поры её облик будет для него наваждением, и в каждой встреченной рыжеволосой женщине любого возраста он будет искать желанные черты знакомого до боли лица. Не слова ни говоря, он забрал у дочери блокнот, где та рисовала забавных полосатых зебр, чёрный фломастер, и, перевернув страницу, стал по памяти воспроизводить на бумаге портрет рыжеволосой красавицы. Штрих за штрихом появлялся набросок, напоминающий облик прекрасной незнакомки. Герман был неплохим портретистом, мог с точностью и до малейших деталей воспроизводить на бумаге лица людей, вдыхая в бездушные рисунки присущие им одним черты и живость характера. Маруся, склонив голову набок, заинтересованно наблюдала за отцом. Мать свою она не помнила, а потребности в женской заботе и ласке у неё не возникало, так как чрезмерная любовь отца с лихвой перекрывала отсутствие в жизни девочки матери. Отдавшись полёту мысли, воплощая на альбомном листке женщину своей мечты, Герман так погрузился в работу, что даже уловил ненавязчивый ванильный запах рыжеволосой красавицы из сна. Ощущение её присутствия в этой комнате было настолько реальным, что Соболеву начали мерещиться образы: вот она сидит в своей полупрозрачной тунике напротив него в кресле и с таинственной полуулыбкой наблюдает за процессом, заложив за ухо мешавшую прядь волос. Опасаясь забыть, не удержать в воспоминаниях лицо незнакомки, Герман рисовал как одержимый, выделяя зелёным фломастером её глаза, заштриховывая рыжим цветом длинные волосы, крупными кольцами ниспадающие до спины, розовым – пухлые чувственные губы. Маруся как завороженная созерцала процесс, а когда Соболев закончил рисовать, спросила, обнимая отца:

– Папа, ты хочешь жениться?

Герман скептически приподнял правую бровь. Реакция дочери позабавила его.

– Откуда такие выводы, Мария Германовна? – насмешливо осведомился он, любуясь рисунком – девушка из сна получилась как живая, казалось, она вот-вор раскроет прелестные губки и произнесёт с придыханием: «Милый, я так долго тебя ждала!».

– Красивая… Как будто из космоса прилетела.. – задумчиво протянула Маша, разглядывая рисунок, подражая отцу в его манере не отвечать на заданный вопрос. – Папа, не женись только на тёте Наташе! Мне она не нравится!

Просьба Маши таила в себе столько детской непосредственности, искренней антипатии к Марковской, что Соболев вначале даже опешил. По всему выходило, что девочке приходилось терпеть общество неприятной тётки, и её личная неприязнь к Наталье куда глубже, чем было видно на поверхности.

– Жениться? Вздор! Мы, короли,

Жениться можем по любви!

Но, что, любовь? Навек ведь я,

Принадлежу тебе, душа моя!!

Тобой одной я сыт и пьян,

О, дайте в руки мне баян,

Ну не баян, тогда гармонь!

Осёдлан мой ретивый конь,

Сыграю я любовный марш,

Обидит кто тебя –на фарш!

Сто тысяч вёрст я проскачу,

Всему я миру прокричу,

О том, что я люблю одну,

Дочурку милую свою!!!

Закончив декламировать свой шутливый стихотворный экспромт, Герман, отложив альбом, повалил девочку навзничь и принялся щекотать её, а та хихикала и визжала, пряча лицо в диванные подушки. Навозившись вдоволь, Соболев отпустил вспотевшую и раскрасневшуюся дочь и, подняв за подбородок её сияющее личико, безапелляционно произнёс, глядя ей прямо в глаза:

– Принцесса, я обещаю тебе, я никогда не женюсь на Наташе, никогда!

*** * ***

– Вы точно не в своём уме, если действительно хотите, простите за вульгаризм, обкорнать такое сокровище? – в глазах мастера читалось неподдельное изумление. Миловидная блондинка с короткой стильной стрижкой укоризненно смотрела на Мэрилу в зеркало, держа на руках блестящий водопад её волос.

– Нет, разумеется, перемена имиджа нам, женщинам, крайне необходима, особенно в определённые этапы жизни, но не повредят ли Вам такие радикальные изменения во внешности? Ваш круг общения привык воспринимать Вас именно такой, муж, друзья, родители, а тут Вы преподнесёте им совершенно постороннего человека. Короткая мужская стрижка, грубый чёрный цвет!!! Вы знаете, ко мне приходили клиентки, которые просили перекрасить их обратно, так как мужчины отказывались воспринимать произошедшие с ними метафоры! Это я как стилист Вам говорю! – авторитетно вещала блондинка.

– Вы, наверное, не поняли меня, – Мэрилу улыбнулась. – Я устала от однообразия! Столько лет с длинными волосами, мне хочется перемен!

– Да не пойдёт Вам чёрный цвет, – всплеснула руками парикмахерша.

-У вас другой тип лица, с короткой стрижкой и тёмным цветом Вы будете выглядеть лет на десять старше!

– Но что мне делать? – Мэрилу привстала с кресла, словно собиралась уходить.

– Можете пойти в другую парикмахерскую? и там Вас изуродуют, – блондиночка развела руками.

– Я–то могу Вас хоть налысо побрить, но поймите, к чему портить себе жизнь? Давайте сделаем Вам короткий каскад? Длина максимум до конца шеи, проредим лесенкой, так будет намного современнее, а цвет оставим натуральный? Поверьте, если Вы хотите перемен, вовсе не стоит обрекать себя на вечную окраску, ведь корни будут отрастать!

Мэрилу задумалась. Несомненно, истины в словах стилиста было не мало. Ей предстояла встреча с Катей, Прохоровым, наконец-то с мужем Марины Самойловой, а все они привыкли видеть Марину в одном амплуа, и этот образ её знали и любили. Опять же, Мэрилу не могла предугадать реакцию Константина на такое преображение, ведь она понравилась ему именно такой, рыжеволосой, не отпугнёт ли это потенциального союзника? Самый трудный момент во всей истории будет имитация Марины Самойловой в кругу её знакомых и близких. Она не знала повадки Марины, особенности черт её характера. Всё, что связано с Мариной, покрыто тайной. Мэрилу не знала, ни как она смеётся, ни как разговаривает, даже походка пропавшего двойника и та требовала стопроцентного копирования. В связи резкой смены имиджа могут возникнуть проблемы: в любой момент кто-то из её родственников может, в конце – концов, заподозрить что-то неладное, но и паниковать раньше времени нет никакого смысла.

Какому здравомыслящему человеку придёт в голову мысль о подмене? На первый взгляд всё было не так уж и плохо, девочка уверена, что рядом с ней её мать, но оставаться приметной она не могла – у её ног стояла сумка, доверху набитая деньгами. В любой момент Сивый мог выйти сухим из воды, то есть из полицейского участка, и начать поиски женщины с длинными чуть ниже пояса рыжими волосами.

«Моя внешность слишком приметна, но и изменяться до неузнаваемости опасно! –Размышляла Мэрилу, бросив тревожный взгляд на спортивную сумку. – Решено! Ограничусь стрижкой!» – она послушно кивнула мастеру, усаживаясь в кресле.

– Хорошо! Сделайте «каскад»! А дочку, – рыжая подмигнула Анечке, на которую другая мастер надевала прорезиненную накидку, – подстригите под мальчика!

Мэрилу не испытывала сожаления о том, что ей придётся распрощаться с длинными волосами, предметом своей гордости, хотя, и понимала, что больше такой длинны ей отрастить не удастся. Когда ножницы отхватили первую прядь волос, она, вместо чувства горечи, испытала облегчение. Мэрилу, словно ящерица хвост, сбросила частичку своей прошлой жизни, принадлежавшей другому миру, другим людям. Теперь её судьба неразрывно связана с тем измерением, в котором она в данный момент находится, и новая современная причёска как можно больше подойдёт ей для адаптации, и на неё не будут таращиться как на чудо заморское. Не привлекать к себе лишнего внимания – вот о чём должна помнить Мэрилу, а она и без того, несомненно, запомнилась Сивому, ведь это по её вине его подельник выпрыгнул из салона автомобиля.

Мэрилу чувствовала себя неимоверно усталой. Слишком уж всё завертелось и закрутилось.

Прикрыв глаза, она попыталась восстановить баланс в организме. Мысли как шальные хаотично бегали у неё в голове. Отключить внутренний диалог ей удалось не сразу. Она пыталась сравнить свой мир и тот, в котором ей теперь придётся провести всю свою жизнь, а то, что путь назад для неё отрезан, в этом не было никакого сомнения. Оставалась маленькая надежда на то, что Совет тёмных сил приложит все усилия, что бы с очередным проводником, предназначенным в помощь Мэрилу, довершить начатое, и тогда будет открыт канал между двумя мирами и воцарится вселенский хаос. Да, она не исключала такой возможности, но подспудно задала себе вопрос, а хочет ли она возвращаться в свой привычный мир, после её, пусть и пока

ещё поверхностного, знакомства с нынешним? Там, где жила Мэрилу, всё было по-другому: жаркий засушливый климат, в котором дожди большая редкость, маленькие жилые дома, максимум в два этажа, одежда приглушённых тонов свободного покроя. Здесь же люди одевались ярко и броско, дома были высокие, каменные, автомобилями буквально запружены все улицы, и лица, энергичные, одухотворённые, такие бывают лишь у людей, уверенных в своём завтрашнем дне. Задав самой себе вопрос, хочет ли она остаться здесь, Мэрилу повременила бы с ответом, ибо в глубине души ей безумно понравился этот сумасшедший и нереальный мир, полный приключений и неограниченных возможностей.

Около пяти минут в этот раз ей понадобилось для того, что бы остановить внутренний диалог со своим подсознанием, а когда через полчаса взглянула в зеркало, то не узнала сама себя: а неё смотрела молодая, стильная и уверенная в себе рыжеволосая красотка с пронзительными бездонными зелёными глазами.

– Ну вот, как-то так!– с гордостью за свою работу произнесла блондинка, выключая фен.

– Хотя, зря Вы подстриглись. Вам самой-то нравится?

– ОЧЕНЬ! – искренне выдохнула Мэрилу. Аня, с короткой мальчишеской стрижкой, похожая на хулиганистого сорванца, спрыгнула с кресла и, подбежав к Мэрилу, залезла к ней на колени.

– Мамочка, какая ты красивая!!! – пропищала девочка, восхищённо рассматривая видоизменившуюся «мать».

– Теперь Вас отец родной не узнает! – заверила её блондинка, снимая с неё фартук.

– Спасибо, огромное спасибо! – Мэрилу поднялась с кресла, тот час поднимая с полу сумку с деньгами.

– А куда платить?

– В кассу, пожалуйста!

Расплатившись, она одела Анечку, накинула на себя шубу и увидела, как в двери женского входит Шестаков.

– Я не вытерпел, вот за Вами пришёл! – сказал он и осёкся, увидев «Марину» с подстриженными волосами.

– Что ты с собой сделала?!?! –ошалело выпалил он, в буквальном смысле слова остолбенев. Марина, его Марина, так молниеносно запавшая в душу своими бездонными изумрудами и шелковистыми длинными волосами, стояла перед ним, но это уже была не Марина, а чужая, такая же красивая и ослепительная, но, тем не менее, совершенно другая девушка. Челюсть у него отвисла, а глаза совсем по-детски округлились.

– ЗАЧЕМ? – только и смог выдохнуть он.

– Не нравится? – тихо поинтересовалась Мэрилу, поднимая на него прицел внимательных зелёных глаз и у Шестакова закружилась голова, до того хороша была его недавняя знакомая в ореоле коротких, модно подстриженных волос.

– Нет, что ты, мне очень нравится, так даже современнее, что ли! – Константин поскрёб затылок, – Теперь ты ещё больше похожа на инопланетянку! Знаешь, был такой фильм «Пятый элемент» – вот ты точно Лилу!! А я твой Брюс Уиллис, ты смотрела этот фильм? – спросил он.

Мэрилу неопределённо покачала головой.

– Ну, вот, а длинные волосы делали тебя похожей на девушку другой эпохи, другого века, я очень люблю волосы у женщин, они придают им своеобразную изюминку, шарм! Но тебе не грозит потеря индивидуальности! С твоим-то цветом волос и глаз!!! –поспешно добавил он.

– Я тоже подстриглась, – похвасталась Анечка и у Шестакова в душу закрались странные сомнения.

– Ну, малышка, поедем в ресторан? –тоном заядлого денди осведомился Шестаков у Ани, задвигая тревожные мысли далеко в подсознание, а та радостно захлопала в ладоши, подпрыгивая на месте и жизнерадостно улыбаясь..

Глава V

*** * ***

По дороге в ресторан Мэрилу вначале захлестнуло какое-то внезапное и необъяснимое чувство тревоги, но потом ощущение грядущих неприятностей отпустило её, и она немного расслабилась, сумев абстрагироваться. Волнение девушки было связано с пережитыми волнениями, поисками Екатерины и Прохорова и предстоящим разговором с Шестаковым. Она понимала, что для создания в его глазах более достоверной информации, а так же получении Константина в свои сподвижники, ей придётся придумать какую-нибудь легенду, например о потерянной памяти, или состряпать какую другую правдоподобную историю, но что-то подсказывало ей – Шестаков поверит и правде, приняв всё за чистую монету.

За ужином она была немного не в своей тарелке, хотя, сыпавший цитатами и афоризмами Константин, этого явно не замечал. Мэрилу, впервые отведав блюда этого мира, пришла в неописуемый восторг: никогда прежде она не вкушала подобных деликатесов. Ей и в голову не могли, что мясо можно не пожарить или сварить, а так вот вкусно приготовить с какими-то ароматными специями и приправами, а лепёшки могут быть такими пикантными, запеченными, с чесночным духом и румяной золотистой корочкой. Кофейный коктейль сразил её наповал, а от мороженого с клубникой у Мэрилу едва не случился экстаз желудка. Аня с завидным аппетитом здорового ребенка уплетала картошку, рыбу, запивала всё лимонадом, слопала огромный кусок торта, оприходовала сто грамм мороженого и выдула две чашки чая.

«Проголодалась, маленькая!» – с теплотой во взгляде отметила Мэрилу, вытирая губы салфеткой.

– Ну, что, банда, поехали в отель? – скомандовал Шестаков, поднимаясь из-за стола, после того как расплатился кредитной картой. После этого сытого, смахивающего на семейный? ужина в кафетерии, Константин ощутил себя на вершине блаженства. Он не мог не заметить, какими заинтересованными взглядами смотрят на его спутницу мужчины, видя в нём счастливого обладателя такой яркой и броской женщины. Со стороны они смотрелись как любящие родители очаровательной крошки, в семье которых царит мир и взаимопонимание. В машине они ехали молча, слушая романтичные звуки испанской гитары. «Марина» сидела рядом с дочерью на заднем сидении, и Шестаков поймал себя на мысли, что ему до дрожи хочется обнять её, загадочную, недоступную, поцеловать в полураскрытые губы, ласкать её стройное гибкое тело, что бы потом войти в неё, горячую и податливую, улетая в унисон с ней на седьмое небо.

Дорога по вечерней Москве не была запружена и до гостиницы «Измайлово», в котором остановился Константин Шестаков, не заняла много времени. Паспорта у Марины с собой не оказалось, поэтому администратор отеля наотрез отказалась селить их номер Константина. Пока тот пытался урегулировать вопрос, Мэрилу оглядывалась по сторонам, рассматривая обстановку холла. Её впечатляло буквально всё, начиная от высотных зданий, и заканчивая внутренней меблировкой. Ей казалось, что она попала на какую-то фантастическую планету, до того здесь её всё казалось завораживающе прекрасным и удивительным. Аня, едва держащаяся на ногах от усталости, сидела на диванчике и кемарила.

– Придурки, – выругался Константин, присаживаясь рядом с Мэрилу. – Бюрократы чёртовы! Я из принципа не останусь ночевать в этой скворечнике, хотя, у меня все оплачено!

– Что же нам теперь делать? – Марина подняла на него серьёзный чуть напряжённый взгляд.

– Ничего, -Константин ободряюще улыбнулся, – Неужели ты думаешь, что я позволю тебе уйти? У меня есть телефон одной конторы, снимем квартиру и делов-то!! Подожди, милая! – он расчехлил свой сотовый телефон и погрузился в беседу, а Мэрилу облегченно вздохнула: рядом был верный защитник, ей совершенно не о чем было волноваться в данную минуту! Она прижала девочку к себе и задумалась над своей нелёгкой миссией. Теперь ей придётся действовать на ощупь, в одиночку: как слепой котёнок она должна будет двигаться вперёд к намеченной цели, и, первое, что её пришло в голову – найти своих единоверцев!

«Здесь должен быть сатанинский стан, – размышляла она, наблюдая за Шестаковым, разговаривающим по телефону. – Этот мир гораздо более развит, нежели наш, значит, есть шанс найти служителей тёмных сил и с их помощью довести начатое до конца. Шестаков закончил разговор и широкой улыбкой подбодрил Мэрилу.

– Всё, поехали! Нас ждут на метро «Сходненская», какие-то бабулька с дедулькой сдадут нам на пару дней свою однокомнатную квартиру! – Константин подхватил сумку с деньгами, перекинул через плечо и властно взял Мэрилу за руку. Та даже не стала сопротивляться, а послушно дала забрать у себя сумку. Аню, едва живую от усталости, Шестаков донёс на руках до машины, где она тот час заснула, свернувшись калачиком на коленях у Мэрилу. Девушка тоже задремала. Ей снился чудесный сон: она идёт по лугу рядом с высоким симпатичным брюнетом, они весело переговариваются, шутят и радуются жизни. Где-то поблизости, размахивая сачками для бабочек, бегают Аня и хорошенькая темноволосая девчушка лет семи, пытаясь поймать хотя бы одну из легкокрылых разноцветных красавиц. Над головой у них светит ясное летнее солнце, а впереди вся жизнь, наполненная чудесами и всевозможными радостями. Рядом с красавцем брюнетом у Мэрилу на душе легко и спокойно, как в детстве, когда впереди вся жизнь, наполненная любовью матери и заботой отца. Она понимает, что всем сердцем любит этого мужчину, а он её, но вдруг чуть поодаль, среди дивных белых ромашек и синих васильков, возникает Шестаков в ковбойской шляпе, с голым торсом и в льняных брюках. Раскинув руки, Константин зовёт её, и Мэрилу чувствует, как дорог и желанен он ей. Оставив брюнета, Мэрилу бежит к нему навстречу, но Шестаков не приближается к ней ни на метр, напротив, отдаляясь всё дальше и дальше, и вот уже Мэрилу не чувствует под собой мягкой, щекочущей ступни травы, а бежит по воздуху, взбираясь всё выше и выше, оставляя обоих мужчин далеко позади себя. Ей нестерпимо хочется спуститься к ним, что бы определиться с выбором, но облака, на удивление плотные, выполняют функцию ступеней и она вопреки своему желанию, продолжает своё восхождение в синеющие небеса. Шестаков, маленькая фигурка внизу, кричит ей что есть силы:

«Марина, проснись, мы приехали!».

Мэрилу, вздрогнула, выныривая из цепких объятий сна.

– Сони! – Константин ухмыльнулся, прилаживая к рулю противоугонную систему.

–Задрыхли обе!!!

«Где я?» – первой мыслью Мэрилу было выскочить из «Мерседеса» и бежать, куда глаза глядя, но, вспомнив, где она находится, она зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Уже на месте? Так быстро!!

«ДЕНЬГИ!» – панически подумала она, но, увидев рядом с собой объёмную спортивную сумку, моментально успокоилась.

Поднявшись на пятый этаж кирпичного дома, и уладив все формальности с поселением, Константин с Мэрилу, не считая маленькой Анечки, устроившейся на кровати, остались вдвоём.

– Ну, всё лучше, чем в отеле, домашняя атмосфера всё-таки! – вынес свой заключительный вердикт Шестаков после беглого осмотра временных владений.

– Честно говоря, не люблю я весь этот гостиничный бизнес. Так… Марина, смотри, нам сказали, что можно брать огурцы маринованные, домашние, с огорода, чай, кофе и макароны! Можно утром будет перекусить! Живём! Ты любишь, Мариш, маринованные огурцы? – спросил Константин, захлопывая дверцу холодильника, который почему-то стоял в коридоре, направляясь из коридора в комнату.

– Да! – кивнула Мэрилу, предпочтя положиться на вкус Шестакова, ибо, что такое огурцы, да ещё и маринованные, она понятия не имела.

– Костя, мне надо уложить Аню спать! – тихо промолвила Мэрилу, указывая на девочку, прямо в одежде заснувшую поперёк кровати.

– Не надо, – Шестаков покачал головой, склоняясь над спящей Аней. –У неё ровный глубокий сон! Иногда сон в одежде гораздо лучше сна на отглаженных простынях! Это я тебе как врач говорю! Пойдём-ка выпьем чаю? -предложил Константин, обнимая Мэрилу за плечи и сердце её застучало часто-часто.

– Садись, – велел Шестаков, прикрывая за собой дверь на кухню.

–А я пока чайку сгоношу!

Мэрилу наблюдала за тем, как он наливает в чайник воду из-под крана, как ставит его на газовую плиту. «Как много различий и как мало общего между двумя мирами! Мы кипятим воду на горелках, а у них целые приспособления! Самолёты в небо поднимаются и летают по разным маршрутам!» – подумала она, а вслух сказала, усаживаясь на плетёный стул:

– А я сегодня должна завтра с сестрой в Калининград вылетать!

– Маришка, – Шестаков присел на край стола, сложив руки на груди.

– Я понимаю, я тебе совершенно посторонний мужик, у тебя своя жизнь, в которую я намереваюсь влезть как слон в посудную лавку, и ты имеешь полное право послать меня, но поверь, иногда проще выговориться левому человеку, чем открыть душу ближнему, и кто знает, быть может, я смогу быть тебе полезен! – Шестаков помолчал.

– Я чувству, у тебя проблемы!! Ты села в машину к незнакомому мужчине, значит, с тобой что-то происходит! Марина, ответь, я смогу хоть чем-то помочь тебе?

– Сможешь! – уверенно ответила Марина, рисуя на скатерти узоры указательным пальцем, явно оттягивая момент раскрытия истины. «Послать? Зачем послать? Странный, какой лексикон в этом мире!»

– К примеру, поясни принцип действия работы самолёта? – в её глазах зажглись зеленые кокетливые искорки.

– Ну ты даёшь, – искренне восхитился Константин, поражаясь живости характера «Марины» и её чувству юмора, догадываясь, что она боится выходить на откровенность. – Впервые девушка на первой встрече ставит меня в тупик своими каверзными вопросами. Ну, что же, изволь! Всё просто! Когда самолет движется с известной поступательной скоростью, воздух оказывает ему определенное сопротивление, называемое лобовым. Оно преодолевается тягой воздушного винта. Эта тяга создается мотором, заставляющим винт делать известное число оборотов в минуту. Всё это означает, что мотор производит определенную работу, передаваемую винту. Ну и самолёт взлетает ввысь! Ну, как-то так, Мариш, поняла?

– Ну, как-то так! – в тон ответила ему Мэрилу и они оба рассмеялись. Шестаков слез со стола, пошуровал в шкафчике, вытаскивая две чашки, забросил туда пару пакетиков чая и уселся обратно на стол.

– Маринка, я же чувствую, с тобой что-то происходит! – он пытливо заглянул в её глаза, но та отвела взор и сосредоточенно уставилась на закипающем чайнике.

– Кстати, рассказать, как работает чайник тебе не надо? – схохмил он.

– Нет, – совершенно серьёзно мотнула головой Мэрилу, облизнув губы. Сердце стучало как ненормальное. Близость такого мужчины как Константин, что греха таить, будоражило её воображение. Ей, откровенно говоря, было не по себе. Впервые за долгие годы она снова

почувствовала себя маленькой: нестерпимо захотелось прижаться к нему, ощутить тепло его ладони на своей голове, и уснуть под мерное баюканье приятного бархатистого баритона.

– Маринка, – глухо произнёс Шестаков, едва справившись с голосом. – Ты знаешь, какая ты?

Константин был возбуждён до предела. Мэрилу странным образом воздействовала на него. Никогда он ещё не попадал так быстро под влияние женщины, а тут, словно сам не свой, нерешительным школьником буквально ловил каждый её вздох и, что самое интересное, ощущал себя бесконечно счастливым и юным. Мэрилу молчала, продолжая держать его взглядом.

– Ты словно с другой планеты, – выдохнул Шестаков. – Таких, как ты больше нет! У меня ощущение, что я знаю тебя всю жизнь!

Он подался вперёд, склонился над «Мариной» и, окончательно дурея от запаха ванили и черёмухи, исходящего от девушки, поцеловал её в губы, проводя тыльной стороной ладони по её нежной бархатистой щеке.

– Маринка, милая…

Девушка не ответила на поцелуй: губы Мэрилу оставались пассивными, сомкнутыми. Внешне невозмутимая, отстранённая, она была похожа на галактическую звезду: близко, а не достать, но Шестаков слышал, с каким бешеным ритмом стучит её сердце.

– С другого мира, другой галактики! – голос его звучал сипло, сорвавшись на шёпот при последнем звуке.

– Ты угадал! – глухим голосом отозвалась Мэрилу.

– Я и есть из другого мира!

Чайник, перестав булькать, умолк, издав завершающим аккордом звонкий щелчок. Воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь ритмичным дыханием Мэрилу и Константина.

– Да, подруга, в чувстве юмора тебе не откажешь! Константин рассмеялся, да так заразительно, что вслед за ним расхохоталась и Мэрилу. Шестаков ей не поверил, расценив признание как удачную шутку, значит, следовало на ходу придумать более или менее правдоподобную легенду. Константин, отсмеявшись, разлил по чашкам кипяток и с теплотой посмотрел на Мэрилу.

«Что я могу сказать ему?– Девушка смотрела на него долгим изучающим взглядом. – Что у меня потеря памяти? Причём частичная! Очень необычно! Первый случай во врачебной практике, ему как доктору будет интересно! Дочь помню, а мужа не помню! Помню, что должна лететь в Калининград, но не помню телефоны и свой домашний адрес! Полный бред! Но мне нужна помощь! Одной будет очень тяжело, мир не знакомый, чужой, со своими порядками и законами! Даже если я скажу ему всё как есть, и он не поверит мне, хуже не станет! Ну, подумает он, что я не здорова головой, и что с того? Мне просто необходима поддержка! Князь Тьмы, спаси меня, если я скажу ему правду, не оставь меня!».

– Костя, – она подняла на него грустный, в тоже время серьёзный взгляд. – Всё, что я сейчас тебе скажу, можно принять за бред сумасшедшей! Но мне нужна твоя поддержка! Я чувствую, что тебе можно доверять! Я скажу тебе правду, только прошу об одном: отнесись к этому с пониманием! – Мэрилу, сделав паузу, принялась механически помешивать ложечкой в чашке, забыв положить сахарный песок. Шестаков нахмурился: он видел, что с девушкой происходит что-то не ладное, готов был помогать ей, но одно дело осознание всего этого, и со всем другое полное погружение в чужие проблемы, которые могут стать твоими собственными. Каждый человек по своей сути является эгоистом, Константин тоже не являлся исключением. Он жил своей размеренной жизнью, работал не покладая рук, в свободное время увлекался конным спортом, словом, вёл активную жизнь, расставаться с которой ему не хотелось бы. Но Мэрилу пробудила в нём желания оберегать и защищать, и он неожиданно для самого себя захотел принять самое горячее участие в судьбе заинтересовавшего его человека.

– Маринка, – голос Шестакова звучал хрипло, взволнованно.

– Не волнуйся, я поддержку тебя в любом случае, какая бы суровая правда не оказалась! – он еще раз погладил девушку по щеке.

Мэрилу совсем растерялась: она опустила длинные ресницы, глубоко вздохнула, провела ладонью по лбу, ещё раз вздохнув. Шестаков уяснил, что она не знает с чего начать, волнуется, нервничает, и он, накрыв её гонкую кисть своей широкой ладонью, тихо произнёс успокаивающим голосом:

– Начни с самого главного! Вот увидишь, не бывает безвыходных ситуаций!

– Костя, всё гораздо сложнее, чем ты думаешь! Мэрилу вынула ложечку из чашки и стала вертеть ее в руке.

– Наверное, ты, как любой врач, непримиримый материалист! Но, ты не можешь отрицать очевидное. Вы не одни на земле, существуют другие миры! Не знаю, доказано ли научно это в Вашем мире, но там, откуда родом я, это давно общепризнанный факт. Я не могу тебе сказать всё, потому, что я толком и сама не знаю, какую именно роль я должна сыграть в истории! Ещё вчера ночью я была не здесь, а там, где я родилась! С юности меня готовили к определённой миссии, и вот я здесь! Пожалуйста, ни о чём таком меня не спрашивай, я всё равно пока ничего не смогу тебе сказать, просто потому, что не имею на это никакого права! Придёт время, я всё тебе расскажу, не сейчас! Мне очень трудно в данный момент. Костя, я ничего не понимаю, мне всё чуждо здесь… Я объясняю путано… Но я не Марина! Моё имя Мэрилу! Когда я очутилась здесь, в поезде, который мчался куда-то, я увидела труп своего Учителя… Я затрудняюсь сказать, как всё произошло. Всё вокруг было обгоревшим, пахло палёным! Он должен был помогать мне, быть проводником в этом мире, но он умер! УМЕР! И я осталась совсем ОДНА! Я не знаю, куда мне идти, куда бежать, что мне делать! Но там, на месте, был не пожар! Иначе всё бы полыхало, обгорели лишь стены, труп моего Учителя, но пламя не перекинулось в вагон! На месте пожара я увидела маленькую девочку, она называла меня «мамой»!!! В купе были их вещи, я видела паспорт её матери, "ГАМ БЫЛА МОЯ ФОТОРАФИЯ, это словно бы я!!! Понимаешь? Пропавшая девушка точная копия меня самой! Меня потом допрашивал полицейский! Оказывается, с ними ехал её какой-то мужчина, который тоже исчез при загадочных обстоятельствах! Версия у меня одна мой учитель, которого звали Гирманчи, и этот человек связаны между собой, скорее всего, он был на месте происшествия! И исчез вместе с этой Мариной, жизнь которой я должна прожить, понимаешь, прожить вместо нее? На вокзале нас встречала сестра Марины, она посадила нас с Аней в машину, а сама пошла в магазин! Её автомобиль угнали два каких-то преступника, которые ограбили ювелирный магазин! – Мэрилу содрогнулась, по лицу е скользнула тень.

– Костя, они хотели убить нас потом как ненужных свидетелей, их было двое! Один сидел за рулем, другой на заднем сидении рядом с нами! Мне пришлось нейтрализовать одного из них! Я схватила Аню и сумку и бросилась бежать! Только в троллейбусе поняла, что впопыхах схватила их сумку, в которой были награбленные деньги!!! Ты понимаешь? Когда один из бандитов рылся в маленькой сумке Марины, он выбросил её паспорт, телефон! Костя, я одна в чужом мире, без документов, Маринина дочь считает меня своей матерью! Мы были настолько похожи с Мариной, что даже ее сестра не заметила подмены! Я не знаю, где жила Марина, ни чего про нее не знаю, ни кто ее муж, ни контактных данных каких-либо её знакомых! На мне висит чужой ребёнок, сумка с деньгами похитителей, мне негде жить! Марина жила в Санкт– Петербурге, но где, с кем? Я успела узнать лишь, что они должны были завтра вылетать в Калининград! Костя, я не знаю, за что мне хвататься! Учитель мёртв, и помощи ждать не откуда! Один из бандитов уцелел, разумеется, он будет искать рыжеволосую девушку, которая украла их деньги! Я испугалась, что он вычислит меня по моей приметной внешности, именно поэтому я и подстриглась так коротко! У меня полная сумка денег, но кому я отдам их? И должна ли я отдавать их? Мне нужно найти сестру Марины, мне нужен лейтенант Прохоров Евгений Миронович, полицейский, который опрашивал всех в вагоне поезда! Я чувствую, он

сможет помочь мне! Мне нужно узнать как можно больше информации, но как? Я не знаю её имени и фамилии!!! Сдать сумку с деньгами в полицию? Но они будут допрашивать меня, а что я им скажу? Я ничего не знаю, а ведь там будут проверять мою личность! Костя, помоги мне!!!

Окончив свой длинный монолог, Мэрилу тяжело вздохнула, обхватила себя руками за шею и ссутулилась. По щеке её прокатилась робкая одинокая слезинка, но второй не последовало: резко выпрямившись, девушка смахнула слезу и взъерошила свои непривычно короткие рыжие волосы. Шестаков смотрел на неё пристально, не мигая. Всё то, что наговорила ему «Марина» он, как врач, перенёс в разряд шизофрении. Ведь, по сути, что такое шизофрения? Термин произошёл от двух греческих слов «шизо» -расщеплять и «френ» – разум. Ему не хотелось делать никаких поверхностных выводов и навешивать ярлык «раздвоение личности», потому как слишком уж навязчивой идеей одержима девушка, а, как известно, больные раздвоением личности забывают своё собственное «я» и начинают чувствовать себя совершенно другим человеком, которого, зачастую, сам и выдумывает в связи с функциональными изменениями центральной нервной системы. Бывали случаи, когда больной начинал попеременно ощущать себя то одним, то другим человеком, но с Мариной скорее всего очевиден именно первый вариант, потому как она отождествляет себя лишь с этой выдуманным персонажем по имени Мэрилу.

«Надо показать её хорошему психиатру, не думаю, что всё так уж и запущено, болезнь лечится, на самых ранних стадиях без проблем! Сейчас же главное, подыграть ей, не дать спугнуть, оскорбить недоверием, в противном случае, она попросту замкнётся в себе, погрузится в раковину или исчезнет из его жизни.

– Я помогу тебе, Мариш… – Шестаков встал со стула и приобнял её.

– Теперь ты знаешь, что никакая я не Марина! Я НЕ ОНА!!! Я ЭТО Я, которая должна быть ЕЮ! – с надрывом прошептала Рыжая. В её тихом надломленном голосе сквозило такое отчаяние, что на миг Константин поверил во всё услышанное, а потом, усомнившись, а не сошёл ли он вместе с ней с ума, подбодрил её ласковой улыбкой.

–Мэрилу… да, это твоё имя, но будет лучше, если тебя будут все называть Марина?! Так привычнее для окружающих, того круга людей, с которыми контактировала исчезнувшая девушка-двойник… А я могу звать тебя Мэри? Марина-Мариша-Мария-Мэри-Мэрилу. очень похоже?!

– Зови так, – Мэрилу откинулась на спинку стула. – Мэри, меня так мама в детстве называла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.